БИШКЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени КУСЕИНА КАРАСАЕВА

КАФЕДРА ОБЩЕГО И РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.161.1:512.154 (575.2) (043.3)

МУСАЕВА ЧЫНАРА ЖУСУПОВНА

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ТЕРМИНОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «РОДСТВО» В РУССКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

10.02.20 - сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Научный руководитель доктор,
филологических наук, доцент
СЫДЫКОВ А. Н.

БИШКЕК - 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....5

Глава первая. Теоретические основы изучения функционально -семантического поля терминов со значением «родство» в русском и кыргызском языках. Обзор литературы

1.1. Теория функционально-семантического поля.....11

1.2. Из истории изучения терминов родства в русском языке.....23

1.3. Из истории изучения терминов родства кыргызского языка и работы лингвистов тюркоязычных народов.....28

1.4.Определение понятия «термин» лингвистических исследованиях.....53

Выводы по первой главе.....57

Глава вторая. Материалы и методы исследования

2.1. Материалы исследования.....60

2.2. Методы исследования.....68

Выводы по второй главе.....76

Глава третья Функционально–семантическое поле патронимов в русском и кыргызском языках

3.1. Патрилинейная система родства старшего поколения в русском и кыргызском языках.....79

3.2. Патрилинейная система родства младшего поколения в русском и кыргызском языках.....89

3.3. Функционально-семантическое поле терминов свойства по браку: «муж – күйөө» и «примак-күч күйөө» в русском и кыргызском языках.....97

3.4. Функционально-семантическое поле кыргызского термина родства «бөлө» и его эквивалент в русском языке.....103

3.5. Функционально-семантическое поле кыргызских терминов родства по матери «тай-ата», «тай-эне», «тай», «төркүн».....108

3.6. Функционально-семантическое поле терминов социального родства в русском языке «пасынок», «падчерица», «отчим», «мачеха», и о значении лексемы «өгөй» в кыргызском языке.....113
Выводы по третьей главе.....117
Глава четвертая. Функционально – семантическое поле матронимов в русском и кыргызском языках
4.1. Матримониальная система родства старшего поколения в русском и кыргызском языках.....126
4.2. Матримониальная система родства младшего поколения в русском и кыргызском языках.....137
4.3. Функционально-семантическое поле терминов родства женского пола по прямой линии в русском и кыргызском языках.....145
4.4. Функционально-семантическое поле терминов свойства по браку: «жена», «аялы», в русском и кыргызском языках.....150
4.5. Функционально-семантическое поле терминов свойства «сваты», «кудалар» в русском и кыргызском языках.....158
Выводы по четвертой главе.....168
Заключение.....176
Список литературы.....181

Условные сокращения

АР- научный журнал «Алгебра родства»

БРЭ-Большая российская энциклопедия

ВЯ - научный журнал «Вопросы языкознания»

ДЛТИ – Дивани лугат ат-тюрк

ИРЛТЯ – Историческое развитие лексики тюркских языков

КТТС-Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү

КРС – Кыргызско - русский словарь

ЛСГ- Лексико семантическая группа

ЛСВ- Лексико семантический вариант

НКР-Некровное родство

ПСП-Патронимы старшего поколения

ПМП- Патронимы младшего поколения

РРЗД-Родители, родственники замужней девушки

СРЯ-Словарь русского языка

ТСКЯ-Толковый словарь русского языка

ТСКЯ-Толковый словарь киргизского языка

ФСП- Функционально-семантическое поле

ВВЕДЕНИЕ

Сопоставительное изучение языков до сих пор (как родственных, так и неродственных) велось главным образом в плане грамматическом. Это совершенно понятно и закономерно, поскольку сопоставление языковых явлений легче и правильнее провести в рамках определённой, ограниченной устоявшимся сводом правил, нормативной по самой своей сути грамматики, чем в таких гораздо менее определённых и более расплывчатых сферах языка, как лексика и фразеология. Однако в настоящее время, когда уже накоплен определённый опыт сравнительного изучения грамматических категорий в разных языках, внимание языковедов всё чаще обращается к лексико-фразеологическому аспекту общей проблемы сопоставления языков, в частности, терминологии. Лингвистический аспект изучения терминологической лексики ещё не исчерпал своей проблематики, что делает необходимым, описание терминологии как подсистемы общелитературного языка через призму лексико-семантических и грамматических категорий. В русском и киргизском языках наиболее развитую лексико-семантическую группу составляют термины родства, сопоставительному анализу которых и посвящается данное исследование.

Таким образом, изучение всех без исключения обозначений «родство» в пределах одного языка и в сопоставительном аспекте позволит получить не только лингвистические сведения о данных языковых единицах (структурно-семантические, ономасиологические, стилистические), но и этнографические. Наличие интегральных черт в системе обозначений «родство» объясняется общими для всего человечества законами общественного развития, дифференциальных историко-этнографическими условиями, в среде которых формировались исследуемые языковые единицы.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что в новейшее время возникла необходимость по-новому рассматривать проблемы

изучения и сохранения глубинного пласта этнолингвистики, отражающий ментальность народа. И, термины родства в очередной раз рассмотрим в ономасиологическом аспекте, чем оно отличается от предыдущих исследований, которые выполнены в семасиологическом плане.

При ономасиологических исследованиях используется своеобразный подход,где анализ языковых фактов направлен от значений к их формам, характер анализа осуществляктся в направлении, как отмечает в своей работе Покровская Л. А. «Историческое развитие лексики тюркских языках» [Покровская, 1963:81].

Ономасиологический характер изучения языковых фактов является основным, ведущим принципом функциональной лингвистики, представляющей новое направление в тюркологии.

Ономасиологический подход означает также изучение номинативных функций самих анализируемых единиц языка, т.е. их непосредственной роли в процессах номинации. Поэтому ономасиологический процесс и номинации непосредственно взаимосвязаны друг с другом.

Пристальное внимание лингвистов к сравнительно-типологическим исследованиям языков различного типа, усилившееся в последнее время, вполне оправданно. Это своего рода ответная реакция на всё возрастающее развитие процесса глобализации во всех отраслях материальной и духовной жизни мирового сообщества. Вопросы перевода, информационная служба, задачи создания различных словарей и справочников, совершенствование методов обучения неродному языку - всё это относится к числу неотложных задач, стоящих перед сравнительной типологией. Именно данный аспект и побудил нас избрать в качестве объекта диссертационного исследования

Основные теоретические предпосылки диссертации посвящены изучению терминов патрилинейной и матримониальной системы, а также терминов свойства. Главным достижением работы является антропоцентрический подход к исследованию родственных отношений, как

по вертикальной системе, так и по горизонтальной до седьмого, а иногда до неизвестного колена. В ранее опубликованных научных трудах такой подход не встречался.

Связь темы диссертации с основными научно-исследовательскими работами. Тема исследования входит в тематический план кафедры общего и русского языкознания Бишкекского государственного университета имени К. Карасаева.

Цель и задачи исследования. Основной целью данного исследования является синхронно-сопоставительное изучение функционально-семантического поля терминов родства русского и киргизского языков. В соответствии с этим в работе ставятся следующие **задачи:**

- дать количественную и качественную характеристику терминов родства в русском и киргизском языках;
- определить генетическую природу широко распространённых значений терминов родства и их выражение в русском и киргизском языках;
- установить место в составе функционально-семантического поля каждого термина кровного родства и выявить интегральные и дифференциальные (частные) признаки семантических структур их компонентов;
- выявить и охарактеризовать имплицитные и эксплицитные компоненты в иерархии значений кровного родства, которые функционируют в семантическом строении терминов кровного и некровного родства изучаемых языков;
- выявить и охарактеризовать процессы нейтрализации отдельных сем семантической структуры некоторых рассматриваемых терминов и их причины;
- выявить и охарактеризовать отношения терминов родства к семантическим явлениям гетеронимии, гиперонимии и гипонимии, характерные для сопоставительного исследования изучаемых языков;

Научная новизна работы заключается в том, что в ней исследованы термины родства как один из важнейших пластов лексики русского и киргизского языков в синхронно-сопоставительном аспекте; была осуществлена попытка определения своеобразных функционально-семантических полей терминов кровного родства лексики русского и киргизского языков, были выявлены и охарактеризованы закономерности наличия эксплицитных и имплицитных семантических компонентов в иерархическом строении значений терминов родства, входящих в состав определённых функционально-семантических полей.

Изучена патрилинейная и матримониальная система терминов родства, выявлены и охарактеризованы гиперонимо-гипонимические, отношения между терминами родства, свойственные, для русского и киргизского языков; установлена иерархия значений в семантических структурах отдельных рассматриваемых терминов.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут служить важным источником при изучении фундаментальных вопросов системы терминообразования русского и киргизского языков, проблем теории и практики литературного перевода терминологических единиц, при изучении истории вопросов терминообразования в синхронно-сопоставительном аспекте, в составлении двуязычных русско-киргизских и киргизско-русских словарей.

Практические рекомендации диссертационной работы могут быть использованы: при изучении курса «Сопоставительной типологии русского и киргизского языков»; составлении учебников и учебных пособий по сопоставительной грамматике русского и киргизского языков; изучении спецкурсов, факультативов по вопросам терминообразования и функционально-семантических полей; написании дипломных, диссертационных, квалификационных работ по терминологической проблематике.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Функционально-семантические поля терминов родства в киргизском и русском языках являются универсальными для обоих языков, в то же время их функционирование имеет в каждом из языков свою национально-культурную специфику.

2. Термины родства имеют синкретический характер и являются частью национальный культуры, а также самым древним, архаическим, духовным богатством любого народа.

3. Патрилинейная система родства предполагает примат мужского поколения, как для киргизской, так и для русской этнолингвистики, но в киргизском языке она имеет более глубокий и устойчивый характер.

4. Матримониальная система родства и ее терминологический состав в русском языке с точки зрения экстралингвистики равен патрилинейной, а в киргизском языке матронимы имеют особую конкретизированную структуру.

5. Гиперо-гипонимические и иерархические отношения между терминами родства строго дифференцируются и сохраняются в обоих языках.

Личный вклад соискателя состоит в сборе языкового материала, применении комплексной методики исследования, определении тематических групп, раскрытии сущности терминов родства и свойства в русском и киргизском языках

Апробация резудьтатов диссертации. По теме диссертационной работы были сделаны доклады: На международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля КР., док. филолог. наук Орузбаева А. О. КРСУ. г. Бишкек, 22-23 апрель 2011. Межвузовской научной конференции посвященной 30 летию БГУ. №16 2010.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. По результатам исследования опубликованы 14 статей, из них 6 в изданиях,

входящих в список НАК КР, 8 статей в рецензируемых периодических научных изданиях, входящих в систему индексирования РИНЦ.

Структура исследования состоит из списка условных сокращений введения, четырех глав и выводов к ним, заключения, списка литературы, приложений и таблиц. Общий объем работы составляет 178 страниц.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО - СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ТЕРМИНОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «РОДСТВО» В РУССКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1. Теория функционально-семантического поля

XX и XXI вв. - это век языкознания, когда научные разработки актуальных проблем и задачи лексикологии, перспективы общего развития теории значения и оценок вызывают необходимость поиска лингвистических новаций, разработок, нового взгляда на предшествующие проблемы и вовлекают в орбиту научных исследований по лингвистике и очень много вопросов, не изученных в сопоставительном плане. Потому что современное языкознание отходит, постепенно, от принципа, сформулированного Ф. де Соссюром, изучать «язык в самом и для себя» языковая личность выходит на первый план, т. е. культурно-языковое пространство этноса. Наблюдается смещение акцентов от рассмотрения языка как системы к изучению языка в человеке в тесной связи с его сознанием, мышлением.

В настоящее время языковеды считают, что в лингвистической науке происходят коренные изменения, заключающиеся в переходе от рассмотрения языка как независимой от человека самостоятельной системы к описанию его как «антропологического феномена» [Кубрякова, 1995:238].

Происходит переориентация лингвистических исследований на новую парадигму–антропоцентрическую. Ю. В. Дорофеев считает, что «смена лингвистических приоритетов, разработка новых стратегий лингвистического поиска и привели к преобразованию сложившейся системы воззрений на язык и принципы лингвистических исследований и формированию новой научной парадигмы в лингвистике» [Дорофеев,2008: 302-309].

Следует отметить, что новая антропоцентрическая парадигма имеет глубокие исторические корни в науке. Одним из первых учёных, высказавшим идеи создания науки о языке на антропологических началах, является выдающийся немецкий ученый В. фон Гумбольдт. По его мнению, «изучение языка не исключает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человеческим духом самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Ворожбитова,2005: 367].

Идеи, выдвинутые В. фон Гумбольдтом, находят отражение в научных исследованиях А. А. Потебни.

Размышляя о развитии языка, А.А. Потебня, вслед за Гумбольдтом, утверждал его антропоцентричный характер: «В действительности язык развивается только в обществе, и при этом не только потому, что человек есть всегда часть целого, к которому принадлежит, именно своего племени, народа, человечества, не только вследствие необходимости взаимного понимания как условия возможности общественных предприятий, но и потому, что человек понимает самого себя, только испытавши на других понятность своих слов» [Кубрякова,1991: 238].

При ономасиологических исследованиях используется своеобразный подход, где анализ языковых фактов направлен от значений к их формам, как отмечает в своей работе Л. А. Покровская «Историческое развитие лексики тюркских языков» [Покровская, 1961: 11-81].

Ономасиологический характер изучения языковых фактов является основным, ведущим принципом функциональной лингвистики, представляющей относительно новое направление, как в киргизском, так и русском языкознании.

Ономасиологический подход означает также изучение номинативных функций самих анализируемых единиц языка, т.е. их непосредственной роли

в процессах номинации. Поэтому ономасиологический процесс и номинации непосредственно взаимосвязаны друг с другом.

Под номинацией, процессом наименования любого объекта, понимается наречение предметов и ситуаций с помощью языковых средств, закрепление за определенным референтом того или иного специального знака. Например, референт (денотат) определенного лица женского или мужского пола имеет кровную или некровную связь с кем-нибудь другим лицом и называется «отцом» или «матерью» по отношению к говорящему – адресанту (антропоцентру). Таким образом, номинация - это процесс и его результат денотата (референта), который имеет название, превращая к явлениям языка, отчуждая экстралингвистический характер.

Современный этап развития науки о языке ставит перед исследователями задачу заново рассмотреть эти вопросы на основе современных методов, одним из которых является метод изучения языковых материалов как своеобразной системы. Это объясняется тем, что язык и его ярусы представляются как целая система, в том числе и лексика с её пластами, совокупностью которых она является. Каждый пласт лексики представляется системой в силу того, что каждое слово и, соответственно, каждое понятие занимает в этой системе определенное место, очерченное отношениями к другим словам и понятиям.

Лексическая система языка является не только наименее исследованной, но и достаточно сложной по своей организации и структуре. Эта система включает в себя такое большое количество связанных самыми различными отношениями элементов, что их системность представляется трудновообразимой или зачастую даже ставится под сомнение. В ней существуют нерегулярные явления, для описания которых требуется большое количество правил, тесно связанных и с внешними, экстралингвистическими факторами. Вся эта сложность характерна и для микросистемы терминов родства и она ещё больше усиливается при

проведении сопоставительного изучения на материале языков разного грамматического строя.

Выдающийся языковед начала XX в. Е. Д. Поливанов отмечал, что «лексика с фразеологией единственная область языковых явлений, где само содержание культуры данного коллектива в данную эпоху отражается более или менее непосредственно" [Поливанов,1935: 90].

Это бесспорно, относится и к исследуемой нами теме системе обозначений терминов родства.

Система родства всегда была и остается одной из центральных в общей проблематике гуманитарных наук. И это понятно, именно родство традиционно является основой общественных отношений, определяет место человека в группе, линию его поведения. Будучи исторически сложившейся организацией отношений и поступков, обязанностей и прав внутри социума, система родства выступает как «мощное и эффективное средство, направляющее и регулирующее социальную жизнь» [Уайт, 2004: 174].

Таково общее мнение этнологов и социологов на этот счет. Причастность человека к коллективу родственников патрилинейно - через прародителя или матрилинейно - через прародительницу имеет в любом случае фундаментальное значение Наличие родственных связей и отношений отделяет человеческое общество от животного сообщества.

Действительно, система *родства* конституирует особый слой социо-нормативной культуры и в этом качестве проникает во все сферы социальной жизни. Б. Малиновский не зря употребил словосочетание «алгебра родства».

Тем самым он хотел подчеркнуть, насколько сложной и всеохватывающей является система родственных отношений. Живыми нитями связана эта система с характерными для тех или иных народов установками и традициями общения, с устройством жилищ и одеждой, с

культами и обрядами, воспитанем, участием в культурной и политической жизни сел, городов, районов, областей. Проблемы, связанные с системой родства, в силу этого обстоятельства оказались в центре общественного внимания.

В. И. Даль в толковом словаре живого великорусского языка *родство* интерпретировал: *Родство*, ср. родня, родственная связь, кровныя отношнння. Близкое родство: на одномъ солнышкъ онучи сушили! Родство дъло святое; а - деньги дъло иное. **Рода** ж. пск. твр. родня, род светникъ, родной, кровный; // родство, кровная связь. Онъ съ роды мнъ. Вся моя рода или всъ мои роды собрались. **Рода** сар. родъ, видъ, образъ;// облик, физіономія;// тул. видънье, привидънье, призракъ. Родство вообще бываетъ: кровное (родовое), по общему родоначальнику; свойство (сватовство), по брачнымъ союзамъ; духовное (крестное, кумовство), по воспріятію отъ купели; различаютъ родство по мужескому и по женскому колъну (по отцу или по матери); также восходящее, нисходящее и боковое, наконецъ родство законное и незаконное(побочное). Кровное родство опредъляется, по близости и дальности своей, линіями и степенями: каждое колъно или поколъніе составляетъ степень (по св. зак. связь одного лица съ другимъ посредствомъ рожденія), а связь, цъпь степеней-линію. Степень отъ которой идутъ линіи, въ отношеніи къ нимъ называют колъномъ; а линіи въ отношеніи къ своему колъну отраслями или поколъніями (здъсь по св. зак колъну и поколънію дано особое значеніе); линія бываетъ восходящая и нисходящая и боковая; въ каждой линіи столько степеней, сколько рожденій, считая вверхъ или внизъ , отъ данного лица, которого сынъ и есть первая степень; взаимное родство въ боковой линіи считается, отъ данного лица, вверх, по степенямъ, и внизъ отъ общаго родоначальника, до родственика, о которомъ речь; посему два брата взаимно во второй степени родства, дядя съ племянникомъ въ третьей, двоюродные братья въ четвертой, сынъ двоюроднаго брата въ пятой, внукъ его въ шестой и

пр. Первая боковая линія отъ братьнвъ и сестеръ родителей (отъ перв. восхдщ.степ.); вторая отъ сестеръ и братьевъ дъда и бабки (отъ втор. восхдщ. степ.) и т. д.[Даль В.И. стиль и орфография сохранена].

Родство́ — отношения между индивидами, основанные на происхождении от общего предка или возникшие в результате заключения брака, организующие социальные группы и роли. Лица, находящиеся в отношениях **родства**, называются родственниками [Википедия].

К. К. Юдахин «родство» рассматривает: 1. туугандык, туушкандык; кровное родство каны бирге туугандык, бир туугандык, бир атадан тарагандык, быть в родстве тууган болу; 2. Переносное (близость, общность, сходство) тектештик, түбү бирдик, түрдөштүк, окшоштук, турпатташтык; родство языков тилдердин тектештиги.

Интерес к теме *родство* определяется многими практическими задачами. Среди них на первое место выдвигается оптимизация циркулирующей в обществе социальной, этнокультурной информации. Ведь родство-это, кроме всего прочего, а быть может, и в первую очередь, сложная ценностно-нормативная система, являющаяся своего рода социальным фильтром человеческого существования.

Здесь нужно рассмотреть специфику внутренних связей и отношений системы родства, русского и киргизского языков, выявить наиболее существенные средства и механизмы функционирования данной системы через систему терминов родства, через систему норм и запретов, действующих в родственных группах.

Для достижения этой цели мы представляли через последовательное решение следующих **задач:**

-выявить и *охарактеризовать* основные виды и формы родства русского и киргизского языков;

- показать, как представлены эти виды и формы в номенклатуре терминов родства, в традиционных воззрениях и оценках членов семейно -

родственного коллектива;

- исследовать семантику и прагматику некоторых ключевых понятий родства и родственных отношений;

- проследить особенности установления и основные функции брачного союза в системе русского и киргизского родства;

- показать организационное строение традиционной киргизской семьи и в связи с этим сложившуюся культуру и практику внутрисемейных связей и отношений;

Хорошим подспорьем для изучения системы родства являются работы, посвященные системам родства других народов, и в особенности тюркоязычных народов, в которых есть очень много сходного в силу языковых и бытовых традиций.

Таким образом, изучение системы родства имеет определенные традиции. Но в настоящее время четко обозначилась необходимость комплексного и обобщенного исследования и глубокого анализа всех связанных с данной проблематикой терминов. Это тем более важно, что сейчас появилась возможность собрать воедино всю необычайно богатую и разнообразную информацию, которая прямо или косвенно связана с системой родства, помогает выявить смысл и назначение данного слоя культуры, степень его воздействия на общественную жизнь.

Итак, предпринятый анализ системы родства русского и киргизского языков показал, насколько сложен и многообразен данный слой традиционной культуры, насколько тесно связан со всеми аспектами традиционного общественного и семейного быта народа.

Выяснилось, что система родства — это хорошо скоординированная многоуровневая система. Первый уровень — лингвистический, соответствующий системе наименований или референций, образующий номенклатуру родства. Второй уровень — психологический и семиотический, охватывающий собой исторически сложившиеся и ставшие

стереотипными установки и отношения между родственникам и, между лицами, представляющими те или иные родственные группы и объединения. Третий уровень — социологический, связанный с системой норм и запретов, определяющих поведение родственников в зависимости от их места в общей системе родственных связей и отношений.

В ходе исследования четко обозначился также еще один уровень, который представляется нам особенно важным. Это уровень всевозможных институтов, ритуалов, обрядов, церемоний, в которых находят выражение взаимоотношения родственников и родственных групп, их позиции и роли в общей системе родственных связей и отношений.

Наряду с рассмотрением полей как парадигматического или синтагматического явления, все явственнее проступала тенденция рассматривать поле как межуровневое явление. Начало такому подходу, без использования термина «поле», было положено Ф. Брюно и О. Есперсеном.

Среди множества аспектов лексикологии семантическое-поле представлял большой интерес для изучения. Полевой подход к описанию многих языковых явлений является весьма плодотворным, поскольку помогает раскрыть системные связи и системную организацию языка на всех его уровнях. Известно, что понятие поля трактуется исследователями неоднозначно и разноречиво, однако не мешало проводить на базе различных теорий поля анализ многих явлений языка.

Интерпретация межуровневых явлений, как поле, прежде всего характерна для Л. Вайсгербера, который рассматривал явления аспектуальности с точки зрения различных средств его выражения в разных языках.

Исследованию средств выражения, относящихся к разным уровням, однако служащих для передачи в языке одинаковых отношений, вернее, смыслов или значений, посвящен ряд работ, в которых подобная совокупность средств интерпретируется как поле [Вайсгербер,1993: 224].

Во всех работах определяющим является то, что в них совмещается по существу два подхода: семасиологический и ономасиологический, при этом функциональная сторона рассматриваемых явлений играет определяющую роль. Основанием для отнесения данной совокупности средств, к полю служит наличие общего семантического признака, который в силу того, что он обнаруживается у явлений, относящихся к разным уровням, может иметь как грамматическую, так и лексическую природу.

В русской и зарубежной научной литературе существует множество теорий поля. Исследователи А. А. Потебня, М. Н. Покровский, Р. М. Мейер, Д. Шперберг, Г. Ипсен в конце XIX начала XX вв. выделили закономерности систематических связей между единицами языка, а также типы семантических полей.

Согласно теории Р. М. Мейера, существует три типа семантических полей: 1) естественные (названия деревьев, животных, частей тела, чувственных восприятий и т. д. 2) искусственные (названия воинских чинов, составные части механизмов), 3) полуискусственные (терминология охотников и рыбаков этические понятия).

Семантический класс он определяет как «упорядоченность определенного числа выражений той или иной точки зрения» [Гухман, 1961: 123] т. е. с точки зрения какого- либо одного семантического признака, который автор называет дифференцирующим фактором.

Высказывания ученых XIX – XX вв. о системном характере лексики стимулировали дальнейшие исследования в этой области.

Идея исследования лексики по семантическим (понятийным) полям связывается с именем Й. Трира, который использовал термин «семантическое поле», впервые появившийся в работах Г. Ипсена. Он определил поле (семантическое) как совокупность слов, обладающий общим значением.

Теория Й. Трира тесно связана с учением В. Гумбольдта о внутренней форме значимостей. Заслугой Й. Трира считается разделение понятий

«лексическое» и «понятийное» и введение в лексический обиход этих терминов.

Согласно теории поля Й. Трира, каждое из полей подразделяется на элементарные единицы – понятия и слова, при этом составные компоненты словесного поля, подобно камешкам мозаики, полностью покрывают сферу соответствующего понятийного поля. Таким образом, Й. Трир предполагает полный параллелизм , между понятийным и словесными полями. Считается, что признание абсолютного параллелизма между словесными и лексическими полями обусловило главную ошибку Й. Трира. Речь идет о положении, согласно которому внутренняя форма языка обуславливает миропонимание его носителей.

По мнению русского исследователя XX века Г. С. Щура, подход Й. Трира был продиктован чисто практическими соображениями. Его, прежде всего, интересовало, что может быть взято за основу при выделении определенной группы слов из общего лексикона. Ему казалось, что наличие общих значений у данной группы слов, является определяющим.

Лексико-семантическое поле - это термин применяемый в лингвистике чаще всего для обозначения совокупности языковых единиц, объединенных каким- то общим (интегральным) лексико- семантическим признаком; иными словами- имеющих некоторый общий нетривиальный компонент значения.

Первоначально в роли таких лексических единиц рассматривали единицы лексического уровня – слова; позже в лингвистических трудах появились описания семантических полей, включающей также словосочетания и предложения. Семантическое поле обладает следующими основными свойствами:

1. Семантическое поле интуитивно понятно носителю языка, и обладает для него психологический реальностью.
2. Семантическое поле автономно и может быть выделено как самостоятельная подсистема языка.

3. Единицы семантического поля связаны теми или иными системными семантическими отношениями.
4. Каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему.

А. В. Бондарко по своему интерпретирует различные средства выражения в языке, например: время, залог, вид и.т.д. как функционально – семантических полей и представляет концепцию, который дает этим понятиям и постулирует следующее соотношение между ними: «Функционально-семантическими мы называем категории, у которых план содержания образует понятия, аналогичные понятиям, выражаемым категориями грамматическими, а план выражения представлен языковыми средствами, относящимся к разным уровням языка (имеются в виду средства морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические, различные комбинации средств контекста) [Бондарко,1983: 208].

Критерием выделения рассматриваемых категорий является общность семантической функции взаимодействующих языковых элементов. Основными компонентами структуры ряда функционально-семантических категорий являются центр (ядро) и периферия. Если функционально - семантическая категория опирается на категорию грамматическую, то именно последняя выполняет роль ядра или центра, потому что в ней содержание данной «ФС» категории находит наиболее «специализированное» и «концентрированное» выражение [Бондарко,1983: 208].

Структура рассматриваемых категорий может быть истолкована как функционально-семантическое поле, создаваемое взаимодействующими и в какой-то области пересекающимися «микрополями». Поля различных функционально семантических категорий также взаимодействуют. Образуя определенные группировки, они могут пересекаться, частично накладываться друг на друга. ФСП представляет собой минимальный элемент поля ФС категории, обладающий самостоятельностью в плане содержания и в плане

выражения (с учетом фактов полисемии синкретизма). Микрополе может находиться как бы на стыке разных ФС категорий, там, где их поля накладываются друг на друга [Бондарко,1999: 260].

Основным понятием, используемым при данном подходе, на наш взгляд, может быть «функционально-семантическое» микрополе. В этом случае, занимаясь проблемой «грамматическая форма и контекст», мы исходим из контекста.

Понятие ФСП также широко используется в работах А. А. Хадеевой-Быковой применительно к синтаксису и рассматривает так: Под «ФСП» мы понимаем семантическое пространство, образуемое группой синонимичных предложных конструкций, характеризующихся общей обстоятельственной функцией» [Хадеева-Быкова,1968: 22-26].

Для концепции А. П. Комарова, как и другие исследователи, характерной чертой является осознанно- функциональный подход и анализ явлений разных уровней. Особенностью этих концепций является отождествление понятий «поле», «система», «структура», причем термин «поле» явно рассматривается как родовой по отношению к терминам «система» и « структура», с чем вряд ли можно согласиться. Однако положительным во всех концепциях представляется то, что их авторы рассматривают, наличие у них общего семантического признака т. е. инвариантных свойств.

Ряд микрополей в области темпоральности имеет структуру, состоящую из двух элементов: «фона» и «спецификатора». Фон-это тот элемент микрополя, который обусловливает его семантическую основу. Фон не принадлежит только данному микрополю: он объединяет несколько микрополей. Спецификатор, накладываясь на тот или иной фон, определяет семантическую специфику именно данного микрополя то, что отличает его от других микрополей с той же семантической основой [Комаров,1986, 164].

1.2. Из истории изучения терминов родства в русском языке

Лексико - семантическая группа (ЛСГ) «Термины родства» (ТР) всегда интересовала исследователей. Создавался инвентарь *терминов родства* для различных славянских языков (как в синхроническом [Бурячок, 1954; Моисеев, 1962], так и в диахроническом аспектах [Филин, 1948]); исследовалось соответствие *терминов родства* и структуры родства (что сближало область лингвистики с областью этнографии. В изучении терминов родства многие работы основаны по компаративистике [Бенвенист, 1995; Исаченко, 1953; Козырев, 1968; Кузнецов, 1975] и этимологии [Трубачев, 1959; Трубецкой, 1922; Ляпунов, 1928; Ларин, 1951; Копечный, 1968]. В этой работе говорится, что ЛСГ «Термины родства» привлекала внимание и диалектологов: в первую очередь речь шла о создании инвентаря терминов кровного родства и свойства в русских говорах, о мотивационных моделях некоторых терминов [Шарапова, 1977].

Рассматривались различные частные аспекты этой темы: например, история словообразовательных типов названий детенышей и детей в русском языке [Азарх, 1976]; название совокупности родственников в русских народных говорах [Ухмылина, 1970]; терминология родственных отношений в языке сказок [Зайцева, 1977].

В Санкт-Петербурге с конца 90-х годов XX в. выходит альманах «Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства» [АР] – и насчитывает к настоящему времени уже 12 и более выпусков, в выпуске 2 помещена «Аннотированная библиография научных трудов по родству, системам родства и системам терминов родства на русском языке (с добавлением литературы на языках бывшего Советского Союза), опубликованных в 1845-1995 гг.», насчитывающая на 70 страницах более тысячи ссылок к литературе о ТР в этом издании распределена по следующим темам: «Историография.. Общие работы.. Термины родства и антропонимы… Парные термины родства… Фиктивное родство… Счет

родства… Система родства и возрастная система… Методика… Формальные методы в изучении систем терминов родства… Родство в фольклоре… Терминология родства как лексическая группа…Сопоставление терминов родства в языках разных семей… Народы Америки… Народы Африки… Арабы… Народы Океании…» и т. д. [Дзибель,1998: 214-284, 286].

В самом альманахе постоянно выделяются следующие разделы: Дискуссии и обсуждения; Теория и методология; Конкретные исследования, Материалы; Библиография. При этом в «Дискуссиях…» обсуждаются темы: Системы терминов родства; этнографический и лингвистический подходы к изучению; Латеральность и линейность как принципы счета родства; Проблемы реконструкции протосистем терминов родства и свойства; Проблемы реконструкции ностратической системы родства и свойства – и т. д. [Алгебра Родства 2, 3, 5, 6,7, 9, 12]. Внимание к вторичным, производным значениям ТР в известной нам литературе уделено явно недостаточно: рассматривались некоторые «новые значения» слов бабка, бабушка, дед, дедушка [Петрищева,1977]; семантические производные от русских терминов родства дядя, тётя [Копыленко, Тулина, 1992], отражение ТР в фамилиях ([Щербак, 2009], на материале говоров Тамбовской области); в последнее время ТР привлекли внимание ученых толстовской школы: о семантической модели родства в славянском народном календаре писала С. М. Толстая [Толстая, 2005]; недавно под ее редакцией вышел сборник «Категория родства в языке и культуре» [Категория родства 2009], где рассматриваются вторичные значения ТР по многим славянским ареалам; особенно хотелось бы отметить в этом сборнике статьи С. М. Толстой [Толстая, 2009], Агапкиной («Тема родства в восточнославянских лечебных заговорах») [Агапкина, 2009], Березович [Березович, 2009], а также статью Березович (в другом сборнике) о «семейных» образах в лексике речного ландшафта [Березович, 2010б].

« Одной из актуальных и популярнейших тем в последние десятилетия

стала «языковая картина мира». В русской лингвистике особенно продуктивно она рассматривается в работах двух школ: Московской семантической, и Московской этнолингвистической.

Вот как в самом кратком виде дает историю понятия «языковая картина мира» Ю. Д. Апресян: «Понятие, закрепленное позже в терминах «наивная картина мира» и «языковая картина мира», возникло в лингвистике еще в XIX веке и с тех пор обросло огромной литературой.

Достаточно назвать такие имена и школы, как В. Гумбольдт и А. А. Потебня, Э. Сэпир и В. Уорф (гипотеза «лингвистической относительности), неогумбольдтианцы (понятие Zwischenwelt'a), Л. В. Щерба (противопоставление «обывательских» и научных понятий), Р. Халлиг и В. Вартбург (идея «наивного реализма»), Г. Хойер (американская школа этнолингвистики) этнолингвистические школы Н. И. и С. М. Толстых в России (см. в особенности их многотомный словарь «Славянские древности») и Е. Бартминьского в Польше… Совершенно исключительное место в этой литературе занимают все семантические исследования Анны Вежбицкой…» Далее Ю. Д. Апресян «из недавних собственно лингвистических работ по русской языковой картине мира» называет работы таких авторов, как Н. И. Сукаленко, Е. С. Яковлева, Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, В. А. Плунгян и нек. др. [Апресян, 2006: 34].

Размышляя над достаточно разнородным материалом, который авторы, работающие в рамках Московской семантической школы, включили в книгу «Языковая картина мира и системная лексикография», Ю. Д. Апресян пишет: «Почти все части книги, каждая по-своему, демонстрируют один и тот же поразительный факт - выделенность в языке некоторого круга фундаментальных значений, образующих каркас его семантической системы и способных к взаимопревращениям, к «перетеканию» друг в друга в определенных условиях. При этом одни и те же пути взаимопревращений

прослеживаются на синхроническом, диахроническом и типологическом материале» [Апресян, 2006: 30]. Представленный нами материал (термины родства) также относится к «кругу фундаментальных значений», «образующих каркас семантической системы, способной к взаимопревращениям», т. к. в нашей работе речь пойдет главным образом об интервенции, экстраполяции терминов родства (преимущественно кровного) в другие области. Если Школа Апресяна еще не заинтересовалась терминами родства и их «взаимопревращениями», то Школа Толстых недавно выпустила сборник «Категория родства в языке и культуре», в котором в качестве вступления помещена статья С. М. Толстой «Категория родства в этнолингвистической перспективе» [Толстая, 2009]. В терминологии С. М. Толстой, одна система может становиться «донором» для других систем. К таким «донорам» относится и система терминов родства. С. М. Толстая подходит «к категории родства как к коду или семантической модели, используемым в языке и культуре. Сюда могут относиться вторичные значения терминов (или шире – лексики) родства, используемые системно в языковой номинации различных объектов и целых классов объектов, а также мотивы родства, метафоры семьи и родственных отношений, присутствующие в текстах фольклора, обрядах и верованиях» [Толстая, 2009: 9]. Она пишет: «Тенденция к расширению понятия родства характерна не только для языка, но и для культуры, где мы можем наблюдать распространение этой категории за пределы собственно родственных отношений, определяемых связью людей по рождению, и формирование целой системы видов родства, в разной степени и в разных направлениях отступающих от прототипической модели генетического родства» [Там же: 12].

Об интервенции, проникновении лексем с их основными значениями в другие области, где они приобретают другие значения, писал Н. И. Толстой. В труде, посвященном славянской географической терминологии, он

отмечал, что задача исследователя «заключается в наблюдении за семантическими сдвигами и смещениями слов, бесспорно относящихся к одному этимону» [Толстой, 2006: 13]. Толстой предлагал исследовать лексику «методом семантических полей», вводил понятия «амплитуда колебания лексемы, …семантическая цепь, семантическое звено, являющихся неотъемлемым компонентом поля» [Там же: 19].Не используя толстовскую терминологию, мы, по сути, будем говорить о том же (с типологической точки зрения).

В представленной работе мы рассмотрим «семантические сдвиги» ЛСГ «Термины родства» на примере архангельских говоров. Обоснование изолированного рассмотрения материала в пределах одной (хотя и достаточно обширной) языковой зоны тоже можно найти в давно ставших классическими работах Н. И. Толстого: «Надо полагать, что без этнически, территориально и лингвистически обозначенных, приуроченных и обособленных семиологией, общая семиология в некотором отношении останется беспочвенной и без широких перспектив дальнейшего развития» [Толстой, 1995: 26].считается территорией раннего заселения русскими, начатой уже в XII в. [РС 2001: 16-22]. Историки выявляют два различных русских потока колонизации: новгородский и московский (ростово-суздальский):

1. 3. Из истории изучения терминов родства в кыргызском языке и труды лингвистов тюркоязычных народов

Нам нужно отметить, что термины родства и свойства у тюркоязычных народов, в том числе и киргизского народа неоднократно были предметом рассмотрения исследователей. Проводятся исследования с использованием системного изучения лексического материала. Так, в киргизском, казахском, башкирском, хакасском, узбекском языкознании имеются ряд лексикологических работ, в которых лексика киргизского, казахского, башкирского, узбекского языков подвергается анализу при помощи системного метода.

В настоящее время проведено большое количество научных работ, как по общетюркской терминологии исследуемого пласта лексики (Э. В. Севортян, В. В. Радлов, Л. А. Покровская, С. Садыков, А. А. Бурыкин и др.), так и по отдельным тюркским языкам, посвященные описанию семейно-одственных отношений.

К таким трудам относятся исследования Э. А. Бегматова (1995), Л. А. Гаджиевой (2009), К. З. Зулпукарова (2016), П. К. Кадырбековой (2012), Л. С. Кара-оол (2004), А. С. Кызласова (1996), И. Кучкортоева (1977), Г. Б. Мадиевой (2005), А. А Машрабова (2005) С. М. Миржановой (2010), К. Мадиярова (1991), Е. Н. Мурадымовой (2014), М. Ш. Сарыбаевой (1991), А. Н. Сыдыкова (2020), Е. П. Федоровой (2012), Х. Х. Эгемназарова (2010), Ш. Ж. Эржигитовой (2018).

Многие из тех, кто использует данные термины родства, не замечают той фамильярности, которые образуют эти слова в таких контекстах.

Связь между тюркоязычными народами и русскими насчитывают не одно столетие. Как отмечает К. М. Мусаев, «вопреки традиционным представлениям, древние люди востока и запада, севера и юга Евразии имели широкие связи между собой, обменивались культурными ценностями,

что видно на примере письменностей разных народов. Чаще всего культуры Востока и Запада встречались в Средней Азии, Поволжье, о чем свидетельствуют последние археологические открытия»

Находясь в центральной части Евразийского континента, тюркские языки и народы имели в прошлом и имеют в настоящее время тесные связи и взаимоотношения со многими языками и, в первую очередь, с русским языком и русским народом. Контакты тюркских народов с окружающими их народами отражаются, прежде всего, на культуре народов и получают закрепление в языковых формах, которые кристализируют наиболее яркие и существенные результаты этих контактов. Контактируют не только культуры и языки, но и миры, стоящие за ними, ментальности, особенности языкового сознания и поведения.

Если сравнить культурно-языковое окружение европейских языков, то мы можем убедиться в том, что в течение столетий они развивались в условиях родственного окружения языков и культур. С русским языком наблюдается принципиально иная ситуация.

В течение веков русский язык вступал в многочисленные контакты со многими языками, но наибольшая часть контактов с иными языками и культурами приходилась на тюркские языки и народы, которые сыграли большую существенную роль в формировании государственности, ментальности русской нации.

Термины родства называются *терминами родства*, а не лексическими единицами. Во-первых, термины родства образуют ограниченную лексическую систему, во-вторых, в пределах этой системы каждый термин со значением «родство» достаточно однозначен, в-третьих, каждый термин тесно связан с другими терминами, образуя лексическую микросистему. Термины родства, таким образом, по своим признакам соответствуют основным требованиям терминологичности, а именно:

1) они соотнесены со специальным понятием;

2) образуют систем у, т. е. взаимосвязаны, с другими терминами терминосистемы;

3) создают потребности в дефиниции. Этими признаками термины родства отличаются от других групп общеупотребительной лексики.

Эти свойства терминов родства и обусловливают необходимость использования при их сопоставительном рассмотрении методов компонентного анализа.

Компонентный анализ, был разработан и используется в основном как метод раскрытия семантики слов, опирается на парадигматические связи в системе языка. Лексическое значение каждого слова можно разложить на мельчайшие смысловые отрезки.

В области сопоставительного изучения языков разного грамматического строя в нашей Республике осуществлены масса работ, в которых в сравнительно-типологическом плане рассматриваются почти все уровни русского и киргизского языков. Среди них важными являются труды А. Жапарова «Сопоставительная грамматика киргизского и русского языков», где он рассматривает синтаксическую структуру киргизского и русского языков.

Книга К. Сейдакматова «Сөздөр кантип жаралган» посвящена исследованию этнолингвистической терминологии. В ней автор рассматривает мотивы появления и утверждения наименований животных, (атан, буура, бото, уй, кулан, кулун, токту, эчки, илбирс, каман и др.), птиц (бүркүт, жагалмай, тоок, короз, каз, сагызган, торгой, чабалекей, каркыра, куш и др.); далее исследуется происхождение соматической терминологии (тил, кулак, көз, мурун, карын, боор, кабырга, далы, толорсук, алакан и др.), названия растений бытовой утвари, конной сбруи, названия блюд, термины, связанные со строением юрты и т. д. [Сейдакматов,2004].

Из двуязычных словарей этнолингвистическая струя наибольшей мере ощутим в замечательном труде К. К. Юдахина, «Киргизско – русский

словарь» (1985), который представляет собой своеобразную энциклопедию содержащую богатейший словесный материал для изучения истории нравов, обычаев, фольклора, пословиц, поговорок киргизского народа.

Труды академика Б. М. Юнусалиева («Киргизская лексикология» (1959), К вопросу о корне в киргизском и родственных ему языках» (1955) «Заметки по истории киргизского языка» (1965) и др.) внесли неоценимый вклад в развитие филологической науки в целом, лексикологии и этнолингвистики в частности.

Для исследовательской методологии Б. М. Юнусалиева характерна обширная фактологическая основа, как правило, с привлечением целого комплекса этнографических, исторических, ономастических сведений, широкая эрудиция, масштабность постановки научных проблем. Так, автор при рассмотрении корневых слов киргизского языка в историческом аспекте опирался на фрагменты древних письменных памятников (V – VIII вв) и словарь Махмуда Кашгари (XI в.), а так же на данные современных киргизских диалектов и фактов из близкородственных (тюркских) и дальне - родственных монгольских языков.

А. А. Машрабов, в своей работе «Значение терминов родства и их выражение в кыргызском и узбекском языках» проводил монографическое изучение значений терминов родства кыргызского и узбекского языков в синхронно – сопоставительном плане с точки зрения системного исследования; была предпринята попытка определить своеобразные функционально – семантические микросистемы терминов родства изучаемых языков [Машрабов,2000].

В своей монографии «Ключевые концепт кыргызской лингвокультуры» З. К. Дербишева предлагает для исследования 25 ключевых слов, являющихся репрезентантами 25 одноименных концептов, которые и представляют национальную концептосферу кыргызского миропонимания. Другими словами, по мнению автора, национальную кыргызскую

концептосферу образуют следующие концепты: Комуз (национальный инструмент), Бозүй (юрта), Тоо (гора), Бала (ребенок), Жылкы (конь), Бакыт (счастье), Ак-калпак, Сөз (слово), Аялзат (женщина), Каада – салт (обычай), Өмур (жизнь), Өлүм (смерть), Аш-той (пир-поминки), Тууган - урук (родня), Абийир – намыс (совесть), Адамгерчилик (человечность), Ажал (рок), Ынтымак (согласие), Кут (благодать), Арбак (дух), Арман (нереализованное желание), Бата (благопожелание). Это ключевые концепты кыргызской культуры» [Дербишева, 2012].

Б. Ж. Усманбетов, в своих диссертациях «Термины ремесленничества в кыргызском языке (на материале конской сбруи и «Слова, обозначающие предметы домашнего обихода, утвари и снаряжения, в труде махмуда Кашгари «Дивани лугат ат-тюрк» и их отношение к кыргызскому языку» исследует термины, связанные с конским снаряжением на основе собранных материалов из различных источников устного народного творчества, словарей, приводит сравнение с материалами некоторых родственных языков, рассматривает объявленные тематические группы с позиции диахронии и этнолингвистической принадлежности [Усманбетов, 2017].

Диссертационная работа Е. Н. Мурадымовой на тему: « Термины родства в лингвокультурологическом аспекте». Исследования состоит в определении лингвокультурной и социопсихолингвистической сущности ТР, в описании и характеристике своеобразия функционирования и употребления ТР и С в республике, взаимовлияния ТР тесно контактирующих кыргызского и русского языков, их использование в живой разговорной речи и произведениях художественной литературы [Мурадымова,2010].

К. З. Зулпукарова «Падежная грамматика: теория и прагматика» [Бишкек, 1994]. Книга посвящена синтезу существующих теорий категории падежа, интеграции составляющих ее единиц и разработки основ русской падежной грамматики. В ней исследуются природа и структурно-

субстанциональные свойства падежей в контрастивно – методическом аспектах.

«Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание» (Ош, 2016) имеет своеобразный жанр. Он не является монографией или учебным пособием, содержит только предворительные результаты сравнения корней-слогов двух языков и основные положения китайско-киргизской (тюркской) комправистики. Рассматривается сравнительная характеристика звуков и корневых морфем китайского и киргизского языков. Обсуждаются некоторые теоретические проблемы синологии и тюркологии в сравнительно-диахроническом аспекте, уточняются этимологии многих киргизских слов с точки зрения синологии, выдвигается гипотеза о принадлежности сино-тибетских языков к ностратической макросистеме языков и обосновывается предложение о вероятных лингвоэтногенетических связях и явных социокультурных контактах ханзу и киргизов по данным их языков.

Работы У. Д. Камбаралиевой «Основы сопоставительного изучения лексики русского и кыргызского языков» (Бишкек, 2004). «Темпоральная категоризация в концептуальной картине мира» (2018), посвящена исследованию категоризации времени и временных отношений в концептуальной картине мира на материале русского и киргизского языков. Объекты исследования – концептосферы «Время» и «Убакыт» подвергаются комплексному анализу в русле когнитивной лексики как глобальные ментальные единицы.

А. Н. Сыдыков в своих монографиях «Летоисчисление: истоки и современность» (2009), «Этнолингвистика» (2020) и в докторской диссертации «Этнолингвистическая специфика лексики русского и кыргызского языков» (2013) использует огромный фактический материал, приводя примеры из фольклорных произведений, мифологии, этнографии, но излагает свою точку зрения на взаимообогащения двух великих культур: русской и киргизской. В них рассматриваются такие вопросы, как

хрононимы, этнонимы, антропонимы, культуронимы, соционимы, теонимы, тенгрионимы, вскрывающие отношения между языком и обслуживаемой им культурой

Исследование А. Н. Сыдыкова представляет собой вклад, как в теорию, так и методологию этнолингвистических изысканий и может быть полезен лингвистам, этнографам, культурологам, и другим специалистам гуманитарного направления.

Особую ценность представляет монография доктора филологических наук Г. А. Мадмаровой «Межкультурные концепты в тексте художественного произведения» [Мадмарова,2016].

В монографии представлены результаты исследования межкультурных концептов и региональных слов в тексте художественных произведений на материалах тетралогии С. П. Бородина «Звезды над Самаркандом» (о событиях XV –XVI веков) и романа – трилогии Аммиана фон Бека «Гунны» (об истории хууну III –IV веков н. э.)

Автор рассматривает лексические единицы, как в плане диахронии, так и в плане синхронии, как следствие многовековых контактов иранских, арабских, монгольских, а главным образом, тюркских народов во всем Евразийском пространстве. Материалы исследования подкреплены в ее докторской диссертации «Региональные межкультурные концепты в художественном тексте», защищенной по теории языка в 2018году.

В XXI веке усилилась тенденция развития языкознания в сопоставительном плане. Так появилась совершенно оригинальная для ареала киргизского языкознания докторская диссертация Б. Б. Нарынбаевой «Фразеологическая картина мира французского и кыргызского языков» где раскрыты характерные черты французов и киргизов, обоснованы через употребление фразеологизмов глубинные основы мировоззрения, психологии, жизненных ценностей, отношение к человеку, наций, принадлежащих к разным языковым структурам и не имеющих

территориального соприкосновения [Нарынбаева,2008].

Диссертационная работа «Термины родства и свойства в тувинском языке» Л. С. Кара – оол. посвящена выявлению и описанию системы терминов родства и свойства тувинского языка.

В работе рассмотрена современная типология системы родства тувинского народа, как и других тюркских народов, по основным параметрам восходит к архаичному варианту турано - ганованского типа, когда со второго восходящего колена еще не наблюдается четкого разграничения терминов как по прямой и боковой линиям, так и по линии матери и отца. Такие термины слиты воедино. Она пишет, что тувинскую систему родства, как и других тюркских языков, можно охарактеризовать как смешанную, в которой костяк системы составляют классификационные термины как отголоски «большой» (патриархальной, «братской») семьи, но наряду с ними возникли и распространились описательные термины, характеризовавшие исторический переход от «большой» семьи к «малой» [Кара-оол, 2004].

Е. П. Федорова в своей научной работе «Термины родства и свойства в якутском языке» дает краткое сведение о месте якутского языка среди тюркских языков, выявляет и описывает систему терминов родства и свойства, а также примыкающих к ней социальных терминов якутского языка в структурно-семантическом аспекте.

Являясь ветвью тюркской системы родства, якутская терминология безусловно имеет много общего с терминологией тюркских языков. С другой стороны, рассматриваемый пласт лексики имеет свои особенности. Это обусловлено тем историческим фактом, что якутский язык прошел относительно обособленный путь развития, по сравнению с другими тюркскими языками [Федорова, 2012].

Коллективная монография «Лингвистический антропоцентризм: проблемы, поиски и решения»[книга Лингв.антр-зм], появившаяся на базе

защищенных диссертаций, в частности, о кинологии, о терминах родства, о концептах «удивление» и «страх», представляет интерес для ученых и вносит весомый вклад в развитие сопоставительной типологии в Республике.

В четвертой главе авторами была рассмотрена следующая тема, «Функционирование русских и киргизских терминов родства в текстах» исследован вопрос функционирования и текстовая реализация русских и киргизских терминов родства в аспекте генеалогии, их употребление в художественной литературе, в пословицах и поговорках. На основе фольклора, произведений, пословиц и поговорок русских и киргизских писателей [книга Лингв.антр-зм].

А. Н. Сыдыков, справедливо отмечает, что «Сопоставительное изучение языков даёт возможность обнаружить новые интересные лингвистические факты и явления, которые остаются вне поля зрения при их отдельном исследовании. Так, например, сравнение киргизской и русской лексики с временным значением позволило обнаружить интересное явление - факт отсутствия обозначения минимальных единиц измерения времени (минута, секунда) в исконно киргизском языке, и факт отсутствия 12-летнего цикла летоисчисления в русском языке...» [Сыдыков, А. Н.].

Сказанное А. Н. Сыдыковым вполне подтверждается нашими наблюдениями в изучении выражений значений родства и свойства в русском и киргизском языках в синхронно-типологическом плане. В сопоставлении способов выражения значений родства и свойства русского и киргизского языков выяснилось, что в русском языке отсутствуют собственные названия значений «тётя по линии отца и матери», «сестра по линии отца и матери», «дядя по линии отца и матери», «дед и бабушка по линии отца и матери» и ряд других.

В матримониальной семе киргизского языка присутствуют собственные названия *сем* всех терминов родства: «тай эне, тай ата, тай эже, тай аке, бөлө, жээн» и т. д. А в русском языке определяют родственные отношения

количеством колен, типа: двоюродная сестра, троюродный брат, двоюродная племянница и т д.

В нашей работе в качестве объекта синхронно-типологического анализа служат выражения значений терминов родства и свойства в русском и киргизском языках (плана выражения языковых явлений), чем она отличается от исследований, в которых в качестве сравнения служили единицы плана содержания языков одного или разного грамматического строя.

Лексическую систему языка можно представить себе как множество «слов-понятий» в их сложных взаимоотношениях. Каждая из таких единиц, состоящая из знака и элементарного значения, как бы покрывает тот или иной «кусочек», или сегмент, действительности, а вся совокупность таких единиц образует сложную мозаику, отражающую внеязыковую действительность. Знак и значение в силу определенных культурно-исторических, социально психологических и собственно лингвистических причин и условий получают в данном языке, например, в русском или киргизском, вполне определенную соотнесенность, характеризуясь специфической для этого языка значимостью. Сама же действительность предстает в этой связи определенным образом расчлененной и названной, как бы приближенной к человеку. Не учитывать этого значит, считаться с объективной закономерностью, свойственной языку. Однако нет никаких оснований считать, что язык, «национальный дух», выражаемое данным языком «миропонимание» преобразуют саму действительность по своему образу и в угоду себе или что «словесный мир» является как бы первичным миром реальности. Различные языки (не говоря уже о несовпадающих, специфических сферах их употребления) могут отражать и отражают одну и ту же или сходную внеязыковую действительность, определенные ее сегменты по-разному, исходя из наличных языковых средств, фактов культуры, национального склада ума, самой диалектики отражения внеязыкового мира в сознании.

Различная «сегментация» действительности, т. е. различное представление ее в языке, представляет собой вторичное, отраженное явление.

Те и или иные предметы, явления, свойства действительности получают качественную определенность в языке, возможность объективного и удобного вычленения их благодаря нашему опыту и свободному воспроизведению в нашем сознании с помощью соответствующих языковых знаков. Правы те учёные, которые предлагают различать референт как предмет реальной действительности вне зависимости от языковой (вообще знаковой) системы и денотат как тот же (такой же, подобный) предмет, выделенный знаком, имеющий знаковое образование, получившим таким образом определенность и ставший внеязыковым объектом лингвистической семантики.

По отношению характера языка Махмуд Кашгари отмечает, что «...киргизский язык относится к группам тюркских языков, в которых не наблюдается влияние языков нетюркского происхождения (таджикско-персидского) и он находится в составе чисто тюркских языков» [Кашгари, 1960: 499].

Киргизский народ и его культура сложились в результате взаимодействия, по меньшей мере, двух этнических элементов: центрально-азиатского и местного среднеазиатского. Один из важнейших «узловых» моментов этногенеза киргизского народа, ближайший по времени, связан с событиями первой половины тысячелетия нашей эры. В эту эпоху на территорию Киргизии проникает с востока значительное большинство предков современных киргизов, говоривших на уже сложившемся киргизском языке. Начиная с указанной даты, которая должна быть еще уточнена в дальнейшем, киргизы становятся численно преобладающей группой населения на территории Киргизии, чего ни в коем случае нельзя сказать по отношению к более ранним эпохам.

По данным языка академик Б. М. Юнусалиев делает вывод, что по ряду важнейших классификационных признаков киргизский язык наиболее близок к горно-алтайскому. И. А. Батманов также приходит к заключению об общности происхождения киргизского и горно-алтайского языков, непосредственно из одного ответвления языка основы. Характерные признаки, повторяющиеся в этих языках, возникли в тот период, когда предки киргизов находились на Алтае и имели теснейшие соприкосновения с горно-алтайскими племенами.

Киргизский язык - основное коммуникативное средство одного из известных тюркских народов-киргизов. Лексема «кыргыз» как этноним, имеет свое собственное происхождение лингвистического плана, что называется этимологией. По этимологии этнонима «кыргыз» есть предположение Хасана Ато Абушия в его книге «История тюркских племён» в которой пишется, что «киргиз» калимасининг асли шакинда турли сузлар бордир: баъзилар *«кирда кезувчи»* сузидан кискартирилмиш дерлар. Баъзилар буларнинг купраги угузлардин улдигини мулогьаза ила «кир-сашро угузи» демакдин кискартилмиш булувини гумон этадилар». Это определение этнонима «кыргыз» Хасана Ато Абуший в русском переводе означает: «Об истинном происхождении слова «кыргыз» имеются разные предположения. Одни считают, что слово «кыргыз» представляет собой сокращением словосочетания «кырда кезүүчү» (*ходящие в горах),* а другие считают, что оно является сокращением другого словосочетания – словосочетания «*кир(сан>ро)угузи»* (огузи степей)». Оба эти предположения по происхождению слова «кыргыз» в определенной степени соответствуют с внутренней формой этнонима «кыргыз».

Как мы уже отмечали задача перед нами скромная - синхронное сопоставление терминов родства русского и киргизского языков.

Сопоставление отдельных пластов лексики киргизского и русского языков - задача весьма сложная.

Имея много общих элементов в грамматике и лексике с близкородственными тюркскими языками, киргизский язык в своей многовековой истории выработал в фонетической системе, в грамматическом строе и в словаре такие специфические черты, которые не свойственны другим.

В сравнительно-историческом языкознании область лексики оставалась наименее изученной не только в тюркологии, но и в индоевропеистике. Не были разработаны удачные методы сопоставительно-типологического исследования лексики разносистемных языков. Вместе с тем современная тюркология, в известной мере, подготовлена к разработке этой темы.

Применение метода компонентного анализа к исследованию лексико - семантических групп является наиболее экономным и поэтому наиболее оправданным. В самом деле, уже само семантическое поле (лексико - семантическая группа) выделяется на основе какого-либо семантического компонента. Так, например, термины родства объединяются в одно семантическое поле на базе основного и общего компонента «родство».

Таким образом, система терминов родства и свойства, которая является объектом нашего исследования представляет собой характер своеобразного функционально-семантического поля. В основе каждого функционально-семантического поля лежат определенные семантические категории, тот семантический инвариант, который объединяет разнородные языковые средства и обусловливает их взаимодействие.

Функционально-семантические поля состоят из разнообразных структур, для неё характерно соотношение центра и периферии. Ядром (центром) функционально-семантических полей является единица языка, наиболее специализированная для выражения данной семантической категории. Понятия центра и периферии функционально-семантического поля (ФСП) связаны с более общей идеей центра и периферии в системе языка [Бондарко, 1999: 260].

В системе значений терминов родства антропоцентром является значения «я» «он(а)» - «мен» «ал», периферийным - остальные значения, денотаты которых имеют родственные и свойственные связи с ФСП в значении родства.

Некоторые слова в значении родства боковой линии в киргизском языке многофункциональны. В их семантической структуре нейтрализованными. Ярким примером для этого определения является слово *кайын,* которое употребляется для выражения родственников и родственниц и мужского, и женского полов одновременно:

а) родственник **мужа** по отношению к жене;

б) родственник **жены** по отношению к мужу;

в) **родственница** мужа по отношению к жене;

г) **родственница** жены по отношению к мужу.

Значения родственников или родственниц мужа или жены выражаются с помощью словосочетаний, в составе которых употребляются слова в значениях родителей, родственников и родственниц боковой линии. Н.: *а)* кайын ата: «отец мужа» в отношении жены; «отец жены» в отношении мужа; б) кайын эне: «мать мужа» в отношении жены; «мать жены» в отношении мужа. в) кайын ага (кайнага): «старший брат мужа» в отношении жены»; «старший брат жены» в отношении мужа; г) кайын ини (кайни): «младший брат мужа» в отношении жены»; «младший брат жены» в отношении мужа»; д) кайын эже (кайнэже): «старшая сестра мужа» в отношении жены; «старшая сестра жены в отношении мужа; е) кайын синди (кайынсинди): «младшая сестра мужа» в отношении жены; балдыз «младшая сестра жены» в отношении мужа.

В русском языке, в отличие от киргизского, значения *«родители мужа», «родители жены»* выражаются разными словами: в значении «родителя мужского пола мужа» употребляется лексема *свекор//свекровь* (в отношении жены); в значении «родителя мужского пола жены»—*тесть//тёща*(в

отношении мужа).

А значения «родственники мужского пола мужа и жены одного поколения с антропоцентра «я»», «родственницы женского пола жены одного поколения с антропоцентра «я»» выражаются словосочетаниями, в составе которых употребляются слова «старший//старшая», «младший//младшая», «брат», «сестра»: *а) старший брат мужа; старший брат жены; б) младший брат мужа, младший брат жены; б) старшая сестра мужа, старшая сестра жены; г) младшая сестра мужа, младшая сестра жены.*

Следует отметить, что системное изучение лексического материала в тюркских языках находится в стадии развития. Так, в узбекском языкознании имеется ряд работ, в которых лексический материал узбекского языка исследован при помощи системного метода. К ним относятся работы Ш. Рахматуллаева, И. Кучкортоева, Э. Бегматова, Р. Расулова, Р. Сафаровой и т. д.

При сопоставительном изучении материалов лексики тюркских языков немаловажную роль играет синхронно-сравнительный метод, основанный М. Кашгари в XI веке, при его помощи в сопоставительно-синхронном аспекте изучается лексический материал тюркских языков.

В. И. Абаев свидетельствует о том, что «...в осетинском языке термины «отец» *(fuel),* «мать» *(mad),* «сын» *(furt)* являются семейными, т.е. применяются к внутрисемейным отношениям родства в нашем современном понимании». Подобные обычаи характерны и для семейнородственной жизни тюркских народов, в том числе, и для киргизов [Абаев,1971: 239-242].

Один из ведущих этнографов, изучивший семейно-родственную жизнь киргизского народа, С. М. Абрамзон, ссылаясь на мысли С. Е. Малова и Н. П. Дыренковой, отмечает, что «..в глоссарии к своему замечательному труду С. Е. Малов к термину jagin дает пояснение «племянник», «внук», а к термину jigun – «название родства», а в глоссарии к другому своему труду

поясняет термин jigan, как «родственник» (внук); но ведь речь идет не о племяннике и внуке вообще, а о племяннике и внуке со стороны брата матери». «Дядя - пишет Н. П. Дыренкова, - называет племянника eceni- у шорцев, eceni – jeeni - у кумандинцев, jeen - у телеутов и шолганов-челканцев, jeen - у алтайцев и neeni - у тубаларов. Этим термином дядя называет, кроме своих племянников, т.е. сына и дочь своей сестры, еще внуков своей сестры, сына и дочь своей дочери и т. д.» Аналогичное значение имеет термин *жээн* у киргизов: «племянник» или «внук» (по женской линии).

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что некоторые термины родства почти во всех языках земного шара имеют полифункциональный, полисемантичный характер. Так, в киргизском языке *чоң ата («*дедушка по линии отца»; *байке//аба(ава) ага и ака//аке* «старший брат», кроме своих собственных значений, употребляются и в значениях «старший брат отца», «младший брат отца».

В подобных употреблениях (в несобственных значениях) в семантической структуре термина *ата* «отец» нейтрализуется один из основных его признаков, сем - это признак (сема) «родитель». Это наблюдается и в значениях термина *эже* – «старшая сестра». *Эже,* кроме собственного употребления, имеет несколько значений, например, «тетя по линии отца», «тетя по линии матери», «жена старшего брата», «мачеха», «старшая родственница (старше меня)», «всякая женщина, старше говорящего», в которых признак «кровная родственница по боковой линии» является нейтрализованным.

При употреблении терминов родства в несобственных значениях возникают «нестандартные» синонимические ряды между двумя и более терминами родства. Например, термин *аба* со значением «отец» синонимичен термину *ата* («отец»); со значением «дедушка», синонимичен термину *чоң ата* («дедушка по линии отца»), *тай ата* («дедушка по линии

матери»); термин *апа* со значением «мать» синонимичен термину *эне* («мать»); со значением «тетя по линии отца» синонимичен термину *эже;* со значением «тетя по линии матери» синонимичен термину *тай эже* и т.д. В подобных случаях семантическая структура терминов приобретает новые семы-признаки, которые не характерны для собственных их значений. Например, в семантических структурах терминов *аба* со значением «отец», *апа* со значением «мать» возникает признак «кровный родитель» и т. д.

Цель нашего исследования — синхронно-сопоставительное изучение семантики терминов родства киргизского языка и их соответствие в русском.

Есть и работы, в которых изучение вопроса имеет общетюркологический характер. К таким относятся работы Л. А. Покровской, А. Н. Кононова, К. М. Мусаева и др.

Эти работы по своему характеру разнообразны. Некоторые из них имеют общетеоретический характер и изданы в виде статей; отдельные носят характер монографии. В некоторых работах даны этимологические анализы отдельных терминов родства. Среди них по своему объему и содержанию выделяется работа Л. А. Покровской «Термины родства в тюркских языках».

Основным объектом исследования Л. А. Покровской являются материалы терминов родства в тюркских языках. В них отмечается, что «...терминология родства относится к наиболее архаическим пластам лексики. В этой лексико-семантической группе названия, отражающие главнейшие родственные отношения, бесспорно, входят в основной словарный фонд каждого языка. Изучение терминологии родства в каком-либо языке или группе языков представляет большие трудности вследствие того, что «..форма семьи изменяется быстрее, чем система родства, и поэтому у самых различных народов наблюдаются несоответствия между, сохранившейся с давних времен системой родственных отношений и современной формой семьи. Такое же явление наблюдается и у тюркских народов» [Покровская,1961: 11-81].

В работе Л. А. Покровской исследованы двадцать семь названий терминов родства, из них больше 15ти относятся к теме нашего исследования. Она содержит два раздела:

1) термины родства по крови (*кыз, апа, ача - эже, аба, сингил, карында-/кадаш, уруг, туган-тухма, тай-дайы, йеген, бөлө, угей);*

2) термины родства по браку (*кадын-хатуну, келин, йезке, йенге, бажа, балдыз, куда).*

Автор данного исследования справедливо пишет, что «..настоящая работа является первым и, разумеется, весьма несовершенным опытом рассмотрения в лингвистическом плане терминов родства, общих для всех или большинства современных тюркских языков» [Покровская, там же].

В изучении терминов родства тюркских языков немаловажную роль играет монография И. Исмоилова «Термины родства в тюркских языках» [Исмоилов,1966: 150].

Исследование состоит из трех разделов:

1) термины родства *(она, ота, угил, киз, ака-уога, или, опа, сингил, карындош, бува, амаки, жиян, невара*);

2) термины родства послебрачных отношений *(эр, хотин, куев, келин, янга, почча, божа, овсин, болдиз, кайин, куда, угай);*

3) названия свойства сродненных отношений (сродные дети, сродные братья, сродные сестры).

В качестве объекта данной работы И. Исмоилова привлечены материалы терминов родства узбекского, уйгурского, казахского, киргизского, каракалпакского и туркменского языков. В ней отмечается, что «...изучение терминов родства в узбекском и уйгурском языках имело нелингвистический характер», что поддерживается и со стороны М. Ш. Саидовой. Она пишет, что «...исследование терминов родства носит преимущественно этнографический характер» [Саидова, 1995: 21].

Диссертация М. Ш. Саидовой «Лексико-семантический анализ терминов

родства наманганских говоров» посвящена изучению этимологии и выявлению путей формирования и дальнейшего развития терминов родства наманганских говоров узбекского языка. В работе выявлены исторические формирования терминов родства, начиная с древнейших времен и до наших дней, прослежены фонетические, морфологические, семантические их изменения.

В работе А. С. Кызласова «Термины родства и свойства в хакасском языке» термины родства проанализированы с точки зрения лексики, этнографии, была предпринята попытка анализа семантической структуры и сочетаемости терминов кровного родства.

Следует отметить, что все эти работы, по методу исследования, имеют традиционный характер. В них не учтены своеобразные системные особенности терминов родства, и они исследованы при помощи сравнительно-исторического метода [Кызласова, 1996].

В тюркологии имеются и работы, в которых термины родства отдельных языков рассматриваются в качестве своеобразной микросистемой лексики и анализированы путем системного метода лингвистических исследований. К таким относятся работы Г. Г. Джафарова и М. Нарзиевой.

Системный характер терминов родства и свойства характеризуются тем, что все термины между собой взаимосвязаны друг с другом определенными отношениями. «Общим для терминов родства является то, что все они выражают отношение. Отношение...- есть способ сравнения или рассмотрения двух вещей вместе и присвоения имени на основании этого сравнения одной или обеими, иногда даже самому отношению» Г. Г. Джафаров, основываясь на наблюдении А. И. Моисеева, указывает три типа соотносительностей между терминами родства:

1) встречная относительность - соотносительность;

2)родовая (или косвенная) соотносительность;

3) последовательная (или нумеративная) соотносительность.

В рамках встречной соотносительности сопоставляются и противопоставляются термины родства вместе с выраженными ими степенями родства на основании несовпадения, диаметральной противоположности соответствующих им оснований родства: «отец-сын», «мать – дочь», «невеста – свекор» и т. д.

В рамках родовой (косвенной) соотносительности рассматриваются термины родства, которые взаимно дополняют друг друга, за исключением одного случая (термины «муж и жена»).

В рамках последовательной (линейной) соотносительности сопоставляются и противопоставляются термины родства, которые различаются друг от друга по отношению к хронологическому срезу (отец - дед, отец отца, прадед - отец деда). Отмечается, что данный тип относительности, в самом деле, не образует соотносительности, поскольку носит линейный характер.

В диссертационной работе и монографии А. А. Машрабова всесторонне и глубоко проанализированы содержания исследований А. Ишаева, М. Нарзиевой, в которых изучены термины родства узбекского языка.

Термины родства в киргизском языке изучены со стороны Н. П. Дыренковой и С. М. Абрамзона.

Наиболее полно охарактеризованы особенности тюркской системы родства в статье Н. П. Дыренковой «Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов» [Дыренкова,1927].

Хотя статья построена только на материале киргизского языка, тем не менее в описанной системе родства есть очень много сходных черт с системами родства других тюркских народов. Поэтому, считаем нужным привести здесь описание системы родства у киргизов из работы Н. П. Дыренковой.

1) Кыргызы строго различают категорию родства в собственном смысле от так называемого свойства. В свою очередь, родства, распадаются на

родства: по отцовской линии, и родства по материнской линии.

2) Для кыргызской терминологии родства прежде всего характерно то, что в ней явственно сохранились черты классификационной системы. Целый ряд терминов применяется к целому классу лиц, по отношению к которым в нашей системе допускаются только термины индивидуальные или описательные. Так, термин *аке* применяется ко всем братьям отца, родным, двоюродным, троюродным и т.п. по отцовской линии; *синди* - к младшим сестрам всех степеней родства.

Как и в других классификационных системах, здесь существуют различные термины для обозначения «сестры» в зависимости от пола лица говорящего. Далее, характерно, что наряду с классификационным характером терминологии в терминах родства по отцовской линии строго проводится дифференциация по старшинству лет. Так, в терминологии различают классы «сестер старше говорящего» и «сестер моложе говорящего»; позже по отношению к братьям, дядям и т. д.

Наоборот, в материнском родстве дифференциация по старшинству лет совершенно отсутствует, но зато в нем строго соблюдается старшинство по поколениям, которое, в свою очередь, совершенно не принимается во внимание в отцовском родстве. Так, например, по отцовскому родству дядя, брат отца, если он по возрасту моложе племянника, называет последнего так же, как старшего брата или своего дядю, и обратно - сам носит название младшего брата. Дядя же по материнской линии имеет один только термин, независимо от возраста

Несколько слов об отношении терминов родства к единицам терминологии - единицам метаязыкового характера.

Названия родственных отношений людей являются одними из многофункциональных и полисемантических единиц языка. Они, на наш взгляд, находятся между обыкновенными словами и терминами в научном его понимании.

Термины в научном понимании - это слова, имеющие научное понятие, «...обслуживающие профессионально-трудовые нужды людей». Значение термина по сравнению со значениями общеупотребительных слов строго понятийно, т.е. информирует о понятии, выражает понятие, участвует в формировании понятия. Чистая понятийность лексического значения термина лишает его некоторых синтагматических и словообразовательных свойств, присущих общеупотребительным словам. Термины не могут, например, свободно вступать в синтагматические связи, создающие переносно образные, в частности, метафорические смыслы, хотя такие связи и не исключаются. Как правило, не принимают термины и суффиксы субъективной оценки, вообще не участвуют в образовании и производных слов со значением экспрессии и модальности». Еще отмечается, что термины в научном понимании «составляют особый пласт литературной лексики и как слова узкоспециальные противопоставляются не терминам словам общего употребления».

Несходство между терминами родства и терминами в научном понимании заключается в том, что термины родства в подобии слова общеупотребительного характера не лишены некоторых синтагматических и словообразовательных употреблений, они могут принимать суффиксы субъективной оценки (*энежан, эжежан* и т.п.), а также участвуют в образовании производных слов и с номинативным (денотативным) значением *(энелик* «материнство», *аталык* «отцовство» и т. п.), и со значением экспрессии и модальности.

Следует отметить, что термины родства составляют особый пласт лексики живого - народного языка, они, скорее всего, не литературные по сравнению с терминами в научном понимании.

Некоторые исследователи (например, А. А. Реформатский) терминологическую систему языка делят на две группы:

1) теоретические термины или собственно термины, под которые

подводятся научные понятия (определения);

2) номенклатурные термины или номенклатура, обозначающая названия предметов, вещей, которые прямо не соотнесены с научными терминами.

По определению А. А. Реформатского, «терминология связана с системой понятий данной науки, номенклатура лишь этикетирует ее объекты» [Реформатский, 1967: 567].

По характеру термины родства сближаются с системой терминов второй группы. Это не значит, что термины родства и термины номенклатуры не различны друг от друга. Различие между терминами родства и терминами номенклатуры наблюдается, в первую очередь, в экспрессивном и эмоциональном их употреблениях: термины теоретического и номенклатурного характеров стилистически строго нейтральны. Терминам родства, в отличие от сопоставляемых им словарным единицам, свойственна и экспрессивная, и эмоциональная окраска *(балажан* «ребеночек» и т.д.).

Одной характерной особенностью терминов родства является то, что большинство из них являются многозначными, полифункциональными. Например, значение термина родства «ата» в тюркских языках зафиксировано в словаре Э. В. Севортяна:

1) отец, папа, тетя, моя свекровь, мой тесть (чувашский), крестный отец (чувашский);

2) дед по отцу (туркский), дед (туркский диалект), предок (киргизский, калмыкский и др.), патриарх (каракалпакский), старик, старец; прибавляется к имени пожилого мужчины при обращении к нему при употреблении его имени (туркский, узбекский), вежливое обращение к пожилому мужчине (узбекский), обращение к старикам (кул.), уважаемый, почтенный (туркский диалект), обращение к женщинам более, старшей по возрасту (туркский диалект);

4) дядя (туркский диалект);

5) старший брат (туркский диалект), старшая сестра (туркский

диалект);

6) самец (ногайский, татарский, башкирский).

Э. В. Севортяном отмечается, что «...из состава значений *ата* видно, что центральные среди них связаны с патриархальным укладом; старший в роде или семье, т.е. отец – «дед». Для этого «мужского» типа значений характерно, в частности, значение «самец», представленное в ногайском, татарском, башкирском.

По женской линии для семантики *ата* характерно, что, например, «дед» исторически означает деда со стороны отца (в противоположность – «*тай ата*» дед со стороны матери).

Несколько слов об употреблении слов, относящихся к другим лексико - семантическим пластам лексики в функциях терминов родства. В лексике киргизского языка имеются некоторые слова, которые в речи употребляются в качестве терминов родства. Своеобразный характер этих слов характеризуется тем, что они имеют обобщенное родственное значение, значение «родственника».

По характеру степени родства, их можно разделить на две группы:

1) «близкая родственность»
2) «далекая родственность».

К первой группе родственности относятся: *зат* (словарное значение: род, происхождение), (словарное значение: семена).

Ко второй группе - *тамыр* (словарное значение «корень»), *тарап* (словарное значение «сторона»), *жакын* (словарное значение «близкий»), *негыз* (словарное значение «группа, основа, куча, толпа»), фразеологизированное сочетание *аркандын бир учу* (дословно: «одна сторона аркана//каната//веревки»). Своеобразный характер этих лексем (и фразем) заключается еще в том, что они употребляются по отношению к лицам, родственные отношения у которых находятся на стадии забывания. Используя эти слова по отношению к объекту-адресату, говорящий - субъект

(адресат) не знает, что его собеседник-адресат является родственником по линии отца или матери.

Большинство терминов родства в общении людей используется в качестве обращений и называет собеседника-адресата независимо от того, что является ли он родственником или нет по отношению к говорящему - адресанту. Н.: Аба, кайда бара жатасыз ? - Дядя, куда вы путь держите?

В киргизском языке слово *карындаш* – «младшая сестра для брата, для мужчины старше девушки» при обращении принимает аффикс принадлежности 1-го лица (*карындашым* «моя младшая сестра»). Карындашым, мага окшош - Сестра, похожа на меня. А также, термины родства *уул «*сын», *кыз «*девочка, дочка», *бала «*дети» и др. в киргизском языке одинаково принимают аффиксы принадлежности 1-лица: *кызым «* (моя) дочка», *уулум «*(мой) сын», *балам, «*(мой) ребенок» и т. д.

Звательные функции некоторых терминов родства замечаются и со стороны Б. Хасанова. Он отмечает, что "...некоторые лексемы (термины родства - А. М.) можно назвать «звательными словами»: *агай, апай ага* (брат) и *апа* (старшая сестра). Ими называли старших родственников и сородичей. В современном языке они служат для обращения к своим наставникам, учителям. Большинство слов приобретает значение обращения с помощью специальных суффиксов: аке, ке, ка, й, я, е, ш, с и др.

Некоторые лексические варианты терминов родства типа *балакай***,** (бала+кай) могут выполнять функции обращения. Их употребление социально ограничено - это форма обращения к детям. При обращении взрослых друг к другу слова *балакай* принимают фамильярный или иронический оттенок.

Подобный характер свойствен и словам-терминам *карындаш*- обращение мужчин к девушкам в смысле «сестра», *кызым* — обращение пожилого к молодой женщине (буквально, «дочь», «доченька»), *апасы* - обращение мужа к своей жене, *атасы* - обращение жены к своему мужу

(буквально «его//ее мать», «его//ее отец»), *чоң атасы//тай атасы* - обращение бабушек к своим мужьям- дедушкам по отношению к внукам и внучкам (буквально «его//ее дедушка»), *чоң энеси // тай энеси* - обращение дедушек к своим женам - бабушкам по отношению к внукам и внучкам (буквально «его//ее бабушка») и т. д.

1. 4. Определение понятия «термин» в лингвистических исследованиях

Сейчас в области терминоведения благодаря исследовательским работам Б. Н. Головина, В. П. Даниленко, Л. Н. Ткачевой и многих других были достигнуты значительные успехи, обусловленные практическим подходом исследователей к рассмотрению терминологической лексики. На основании объективной оценки лингвистической сущности термина был пересмотрен ряд устаревших концепций в общей теории термина и произведено разграничение требований, предъявляемых к «идеальному» термину, и свойств реально функционирующих терминов.

Исследования, выполненные на материале самых различных терминологических подсистем, подтверждают, что однозначность, отсутствие синонимии и эмоциональная нейтральность, ранее считавшиеся свойствами термина, это лишь требования, предъявляемые к «идеальному» термину, которым большая часть реально функционирующей терминологической лексики не отвечает.

В этой главе на основе исследования терминологической лексики русского и киргизского языков, а также в соответствии с принятой в лингвистике концепции «термин» и «терминология», мы попытаемся предложить наше определение понятия «термин». Понятия «термин» и «терминология» имеют многочисленные определения. Предложенные

таджикскими, казахскими, русскими, и другими лингвистами дальнего зарубежья.

По мнению Г. О. Винокура, «термины - это не особые слова, а только обычные слова в особой функции, в функции названия» В. В. Виноградов считает, что «если слово становится средством логического определения - тогда оно научный термин» [Виноградов,1947: 312].

О логическом соотношении термина с понятием пишет Н. П. Кузьмин, который указывает, что «термин непременно обладает логическим значением, т .е. он должен поддерживать связь с дефиницией» [Кузьмин, 1976: 69-81].

По определению С. М. Бурдина, «термин - это слово, имеющее специальное, строго очерченное в той или иной области (знания) значение. В этом смысле допустимо считать, что термин - объект определения». Он же считает, что «для термина не существен контекст, нежелательна синонимия, омонимия. Термины лишены образности, отличительная черта терминологии - обилие словосочетаний» [Бурдин, 1958: 107-115].

В этом определении есть высказывания, которые являются спорными, прежде всего, это утверждение о якобы отрицательной роли контекста.

Как показывает исследование материалов двух языков, термины не всегда однозначны, компактны и независимы от контекста. На наш взгляд, они становятся вне контекстно, самостоятельны, когда находятся на высшем этапе своего развития, т.е. когда форма и содержание термина не вступают в противоречие, а это достигается при специальном моделировании терминов одной области единой структурно-семантической общностью. А наличие многочисленных рядов синонимии в сфере терминологии родства киргизского языка связано, на наш взгляд, с историей, культурой, кочевым образом жизни киргизского народа, влиянием соседних стран таджикского, узбекского, казахского языков.

В течение многих веков это становилось причиной проникновения множества лексем-терминов из этих языков в страну, как диалектные разновидности.

Конечно, термины, попадая в общелитературный язык, детерминологизируются, их значение расширяется. По мнению О. С. Ахмановой, «термин - это слово или словосочетание специального языка, создаваемое для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова, 1966: 606].

В этом определении О. С. Ахмановой значительный интерес представляет постановка вопроса о планируемости терминов. Словесная формулировка научного понятия - термина должна, с одной стороны, не нарушать норму литературного языка, с другой - обязана вскрыть сущность научного понятия. И поэтому термины создаются и планируются.

В лингвистической литературе не сложилось единого требования к семантическому содержанию термина. Многие исследователи считают, что отличительным признаком термина является наличие чёткой научной дефиниции, отвечающей ряду требований. Существует также утверждение, что «термин не обладает лексическим значением, ...он безразличен к контексту, жанру высказывания, к ситуации речи», «что большое количество терминов функционирует без единых дефиниций, что, однако, не препятствует их распространению и использованию при формулировании определений других понятий» [Ахманова, 1979: 109].

Таково положение дел в терминологии различных областей науки, где значительное количество терминов не имеет чётких дефиниций, и авторам часто приходится оговаривать своё понимание того или иного понятия.

Другие учёные традиционно придерживаются взгляда на термин как на особую единицу, имеющую чёткую научную дефиницию. Поэтому постановка вопроса, отрицающая лексическое значение термина, для них является необоснованной. Слово выступает в роли термина в силу своего

особого лексического значения. Это значение соотносится с определённым научным понятием и тем самим становится термином. Если термин не обладает дефинитивным значением, он не может выполнить свою функцию.

С другой стороны, нельзя не принимать во внимание и утверждение о том, что отрицание лексического значения и сочетаемости термина представляется несколько категоричным. Для русской и киргизской терминологии лексическая сочетаемость является одним из способов образования двух или многокомпонентных терминов. Проблемам терминологии посвящены многие работы учёных-языковедов зарубежных стран.

По мнению Т. М. Горшковой, определяющими признаками терминов является их номинативная особенность, системность, отсутствие синонимов и омонимов, точность формулировок и выражения, а также компактность выражения с точки зрения чувственно эмоционально-уравновешенной экспрессии, наличие связи с научными понятиями, а также ограничением с точки зрения выполняемой задачи. Благодаря указанным особенностям, термины входят в определённую систему [Горошковой, 1975: 57-69].

В определении дефиниции термина важное, значение имеет выявление его места и роли в кругу других рядов и групп лексики.

Выводы по первой главе

В лексической семантике главной проблемой является проблема языкового значения в его отношении к мышлению, внеязыковой действительности к другим значениям в лексико-семантической системе языка.

Вообще языковая система и лексико-семантическая система, в частности, существуют одновременно в плане выражения и в плане содержания. Но нужно учитывать, что семантическую систему языка можно рассматривать отдельно как некую идеальную (содержательную) систему

представления знаний. Для основания служит отсутствие изоморфизма между единицами этих планов, что доказывается раздельным хранением форм и значений языковых единиц в сознании.

В отличие от плана содержания, связанного с опытом через «мыслительные структуры ума» и поэтому принципиально общего для всего человечества, план выражения, вообще говоря, произволен и варьируется так же, как варьируются различные средства достижения одной цели. Языковая семантика доминирует над формой, поскольку «на базе семантической модели гораздо легче объяснить употребление языка. Поэтому семантическая структура языка есть его главный компонент, из чего следует признание словозначения, а не слова главной единицей языка на уровне его двухплановых единиц. Соответственно, стратегической задачей современной лингвистики является изучение семантики языковых форм в их взаимных структурных отношениях и связях, а не типология самих форм и моделей их функционирования.

Языковое значение понимается как выделимая единица внутреннего содержания языка, отражающая внеязыковое содержание и представляющая его в виде формы (знака). По функциональной теории Л. М. Васильева, единица плана выражения (словоформа) представляет единицу плана содержания (сему), выражая ее путем грамматического членения фонетической субстанции, а сема представляет предмет реальной действительности через понятие о нем [Васильев, 1990: 176].

Следовательно, стратегической задачей современной лингвистики является изучение семантики языковых форм в их взаимных структурных отношениях и связях, а не типология самих форм и моделей их функционирования.

Итак, в настоящей работе рассмотрен именно лингвистический аспект номинации терминов родства и свойства в русском и киргизском языках, т. е. языковые предпосылки и средства. И с лингвистической точки зрения

номинация любой лексико-семантической подсистемы словаря не представляет собой элементарного явления.

Простейший акт коммуникации включает номинацию и предполагает ее наличие. Коммуникация и номинация – это следствие взаимосвязанного понятия и нередко одно из них обусловливает другое.

Коммуникативная единица опирается на номинативные знаки и создает на их основе новые названия.

Ономасиология - один из аспектов семантики, изучает лексическое значение т. е. от плана содержания к форме, т. е. к плану выражения в направлении: «значение-знак».

Ономасиологический подход формировал новое направление в языкознании, которое называется **функциональной лингвистикой,** разработанной в русской лингвистике такими учеными как: А. В. Бондарко, И. Ф. Вардуля, Г. А. Золотовой, К. Г. Крушельницкой и другими.

Теоретические предпосылки функциональной грамматики на основе закона изоморфизма можно применять и к исследованиям лексико-семантического уровня языка, что доказывается результатами нашей работы.

Лексическая единица, включая нарицательные и собственные имена, может быть употреблена для именования любого объекта. Всякое слово, содержащее в качестве своих сем обобщенные признаки объекта, приложимо к единичному объекту, но единичность именования воссоздается в пределах некоторого языкового контекста, в рамках словосочетания. Например, слово «отец» в русском языке есть обобщенное понятие «родитель мужского пола», что приобретает значение единичности, отдельный конкретный «родитель мужского пола» (отец) в соответствующем языковом окружении типа «отец моего друга», «отец моей подруги», «отец наших братьев и сестер» и т. д.

Ономасиологический подход к изучению фактов языка является одним из основных принципов современной функциональной лингвистики, что мы

апробировали на материале терминов кровного родства и свойства в русском и киргизском языках в синхронно- сопоставительном плане.

Таким образом, при ономасиологическом подходе изучения языковых знаков смещается акцент в отношении элементов, детерминирующих семантику номинативных знаков, и варьируется набор факторов, констатирующих ситуацию семиозиса речевых единиц.

Термины родства и свойства, как лексическая единица других лексико-семантических полей, являются знаками языка. «Знак» есть предмет в широком смысле слова.

Термины родства и свойства русского и киргизского языков, как и другие единицы гетерогенной системы терминов родства и свойства, имеют отношение к явлениям гипонимии и эквонимии, чем определяется их своеобразная подсистемность по отношению к общей системе терминов родства словарного состава каждого языка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2. 1. Материалы исследования

Объектом исследования является функционально-семантическая классификация терминов кровного и некровного родства в русском и киргизском языках, что даёт возможность определения генетической природы наиболее распространённых значений терминов родства и их выражения в русском и киргизском языках.

Предметом исследования становятся термины кровного и некровного родства, а также свойства и их функционально-семантическое поле в русском и киргизском языках.

Как известно, термины родства в любом языке семантически различны. Они делятся на: а) термины кровного родства; б) термины некровного родства, в) термины свойства.

В предлагаемом исследовании подвергаются изучению - термины кровного родства и их выражение, и значения некровного родства.

Значения терминов кровного родства, в свою очередь, представляют две разновидности:

1) значения прямой линии родства («отец», «мать», «дед», «бабушка», «дети, дитя», «сын», «дочь», «внук», «внучка», «правнук», «правнучка» и т. д.

2) значения боковой линии родства («братья», «сестры», «дядя», «тётя», «двоюродные братья», «двоюродные сестры»).

Но, значения некровного родства могут быть объектом отдельного, специального исследования.

Структура лексической системы языка является наиболее сложной по своей организации и является наименее исследованной. Система включает в себе такое большое количество связанных самыми различными

отношениями элементов, что их системность представляется трудновообразимой или даже ставится под сомнение. Существуют нерегулярные явления, для описания которых требуется большое количество правил, многие их них тесно связаны с внешними, экстралингвистическими факторами. Вся эта сложность характерна и для микросистемы терминов кровного родства и свойства по браку, и еще ярче наблюдается при сопоставительном их изучении, на материалах терминов со значением «родство» в русском и киргизском языках, в патрилинейной и матримониальной системе.

Объектом исследования является – лексический фонд, отражающий кровное родство и свойства по браку в русском и киргизском языках. А предметом исследования является - система терминов кровного родства и свойства по браку в русском и киргизском языках.

Значения терминов родства и свойства патрилинейной системы бывают разными: а) значения кровного родства (Н.: *ата, чоң ата, баба буба, жете. жото, небере, чөбөрө, отец, дед, прадед, прапрадед, внук, правнук, потомок* и т.д) и б) значения некровного т е. свойства (*күйөө, жезде, күйөө бала, муж, зять, сват* и т. д.,)

Значения терминов родства и свойства в матримониальной системе делятся на две группы: а) значения кровного родства (Н.: *эне, чоң эне, тай эне, эже, сиңди, мать, бабушка, прабабушка* и т. д.,) б) значение терминов некровного родства т. е. свойства (*аялы, жеңе, абысын, кайнеже, кайнисиңди, жена, золовка, свояченица, свекровь* и т. д.)

По сравнению с другими ярусами языка, лексика представляется наиболее многослойной. Этим объясняется функционирование в ней многочисленных функционально-семантических микросистем, с которыми определяется ее план выражения и план содержания.

Одна из таких функционально-семантических микросистем лексики составляет названия терминов со значением «родство», где каждая единица

обозначает *антропоцентр,* имеющий кровную или некровную связь с другими людьми.

Синхронно-сопоставительный метод вместе с системным методом весьма удобен и плодотворен при изучении системы *терминов родства* разноструктурных языков. В зарубежной лингвистике имеется ряд работ, в которых термины родства изучены на материале германских языков в сравнительно-историческом плане. В середине XIX века данный вопрос исследован немецким ученым Яковом Гриммом, позже - Б. Дельбрюком, Шуфом, М. М. Гухман и другими [Гухман, 1961: 123-162].

Яков Гримм (1785-1863) отметил в некоторых германских языках наличие двух категорий терминов, обозначающих «отец», «мать», и пытался дать этому явлению своё объяснение. Он пишет, что «... по-видимому, те родственные народы ..., которые обладали некогда формой *vater, mutter, bruder, schwester,* нашли при своём вторжении в Европу другие термины, некоторые из них они заимствовали, другие, наоборот, проникли от них к их соседям». В виде иллюстрации Я. Гримм приводит готское *atta «*отец» и *aipei «*мать» и редкие, по его словам, случаи употребления у верхненемецких племен *azo* и *eidi* [Гухман,1961: 133].

Вслед за Я. Гриммом, мы прослеживаем здесь ностратические корни, поскольку термин «ата», «ажо», «айдай» встречаются и в тюркских языках, в частности, киргизском языке.

В статье М. М. Гухман «Доиндоевропейские термины родства в германских языках» отмечается, что «... в последующих работах как германисты, в более широком смысле, вынуждены были всё более и более считаться с наличием в индоевропейских языках, помимо общеизвестной группы терминов родства, еще каких-то др угих терминов, более примитивных по форме и при этом общих не одним индоевропейским языкам» [Гухман,1978: 93-115].

Бертольд Дельбрюк «....специально выделил эти вторые, сходные по своей структуре: в основном редупликация одного слога типа санскритского *tata,* немецких диалектальных *deda, nena, muhme,* иногда с усечением первого согласного *ata, ama, ane* и т. д.»

М. М. Гухман далее пишет о том, что «.....исследователей поражали два обстоятельства:

.....1) чрезвычайная распространенность этих комплексов на всем земном шаре, наличие их в абсолютно, казалось бы, чуждых и несхожих языках;

.....2) расплывчатость семантики каждого комплекса, обозначающих сплошь и рядом в одном, или в близко соседствующих языках «отец», «мать», «отец», «дед», «мать», «тётка по матери» и т. д.

..... М. М. Гухман свидетельствует ещё о том, что « ....диалектальные словари вскрыли наличие этих комплексов почти во всех диалектах немецкого языка как южных, так и северных» [Гухман, там же].

М. М. Гухман считает, что многие термины родства, обозначающие отношения кровного родства между людьми, носят «общенародный, интернациональный» характер, и они возникли путём редупликации одного слога и усечения первого согласного. Он поддерживает определение Потта о том, что редупликация более широко распространена среди мировых языков в качестве универсального для разных языковых стадий приёма словообразования и словоизменения. В вышеуказанной работе М. М. Гухман отмечается, что «...путём редупликации образованы термины родства типа *tata- ftate, dade* со значениями «отец», «дядя по отцу», «дед»; *muhme, meme* со значениями «мать», «сестра по матери»; *nahna, nanne, nanna* со значениями «отец», «мать», «бабушка», «дедушка»; путём усечения первого согласного, *atta, ette, ade* со значениями «отец», «дядя по отцу», «дед»; *ama, mma – «*мать», «сестра по матери»; *an, en, ano-* «отец», «мать», «бабушка», «дедушка» [Гухман, 1978: 115].

Касаясь вопроса появления терминов родства со значениями «дядя» и «тетя», Л. Г. Морган (1818-1881) полагает, что в системе родства, отражающей *пуналуа* («туранская система родства»), сестра матери является одновременно матерью, а брат отца - отцом, тогда как брат матери считается дядей, а сестра отца - тётей. В отличие от более поздней системы, эти термины существуют вначале только для брата матери и для сестры отца, поскольку сестра матери при форме семьи *пуналуа* является, матерью и брат отца - отцом [Морган, 1934: 315].

В своё время Ф. Энгельс отмечал, что «...система терминов родства, будучи консервативной, часто не соответствует действующим у данного народа семейным отношениям, а отражает предшествующую ступень общественного развития». В качестве примера Ф. Энгельс приводит термины родства у *ирокезов* Северной Америки. У них господствовала «парная семья». Значит, можно было бы ожидать, что термины «отец», «мать», «сын», «дочь», «брат», «сестра» по своему значению соответствуют этой форме семьи. В действительности оказалось не так. «Ирокез называет своими сыновьями, и дочерями не только своих собственных детей, но и детей своих братьев, а они называют его отцом..., ирокез называет детей своих сестёр, как и своих собственных детей, своими сыновьями и дочерьми, а те называют её матерью, дети братьев, как и дети сестёр, называют друг друга братьями и сестрами» [Абаев, 1971: 239-242].

У киргизов сохранились такие же обращения к близким родственникам, но не с позиции кровного родства, а с позиции генетической близости, указывающий на невозможность жениться или выходить замуж за родичей.

Как нам известно, термины родства образуют своеобразную микросистему лексики каждого языка.

Сопоставительное исследование терминов родства способствует достоверному представлению о родственном и неродственном генезисе языков, входящих в одну языковую семью. Яков Гримм, определяя

родство индоевропейских языков, приводил четыре группы терминов, которые являлись показательными в отношении установления родства языков. К ним относятся:

1) система числительных;
2) местоимения;
3) verbumsubstantivum;
4) термины родства типа «отец», «мать», «сестра», «брат», «дочь» [Гухман, 1978: 96].

По справедливому высказыванию М. М. Гухман, термины родства «...действительно являются излюбленным материалом, используемым особенно широко для доказательства непоколебимости основ компаративистики» [Гухман,там же].

Термины родства подвергаются изучению и во многих других языках, Э. В. Северотян в своём лексикографическом труде пишет, что «...изучение терминов родства создаёт некоторые трудности. Они заключаются в том, что общность основных терминов родства в различных языковых семьях нуждается в объяснении, при котором надо, видимо, исключить генетическую общность всех этих лексических разрядов. В противном случае встаёт вопрос о генетических отношениях между самими языковыми семьями» [Северотян, 1978: 349].

Термины родства на материале русского языка изучены А. И. Моисеевым [1962, 121].

Системный характер терминов родства характеризуется тем, что все термины между собой взаимосвязаны друг с другом определенными отношениями. «Общим для терминов родства является то, что все выражают отношение. Отношение...- есть способ сравнения или рассмотрения двух вещей вместе и присвоения имени на основании этого сравнения одной или обеими, иногда даже самому отношению». Г. Г. Джафаров, основываясь на

наблюдении А. И. Моисеева, указывает три типа соотносительностей между терминами родства:

1) встречная относительность - соотносительность;

2) родовая (или косвенная) соотносительность;

3) последовательная (или нумеративная) соотносительность.

В рамках встречной соотносительности сопоставляются и противопоставляются термины родства вместе с выраженными ими степенями родства на основании несовпадения, диаметральной противоположности соответствующих им оснований родства: «отец – сын», «мать – дочь», «невеста – свекор» и т. д.

В рамках родовой (косвенной) соотносительности рассматриваются термины родства, которые взаимно дополняют друг друга, за исключением одного случая (термин «муж и жена»).

В рамках последовательной (линейной) соотносительности сопоставляются и противопоставляются термины родства, которые различаются друг от друга по отношению к хронологическому срезу (отец — дед // отец отца — прадед // отец деда). Отмечается, что данный тип относительности, в сам ом деле, не образует соотносительности, поскольку носит линейный характер.

Все термины родства анализируются в зависимости от отношения к антропоцентру «он(а)».

Дифференциация по старшинству лет совершенно отсутствует в материнском родстве, но зато в нём строго соблюдается старшинство по поколениям, которое, в свою очередь, совершенно не принимается во внимание в отцовском родстве. Так, например, по отцовскому родству дядя, брат отца, по возрасту может быть моложе племянника, но называет последнего же, как старшего брата или своего дядю, и наоборот - сам носит название младшего брата. Дядя же по материнской линии имеет один только термин, независимо от возраста [Покровская, 1961: 11-81].

Целесообразно рассмотреть отношение терминов родства к единицам терминологии - единицам метаязыкового характера.

Названия родственных отношений людей являются одними из многофункциональных и полисемантических единиц языка. Они, на наш взгляд, занимают нишу между обыкновенными словами и терминами в научном его понимании.

Термины в научном понимании - это слова, имеющие научное понятие, обслуживающие профессионально-трудовые нужды людей. Значение термина по сравнению со значениями общеупотребительных слов строго понятийно, т.е. информирует о понятии, выражает понятие, участвует в формировании понятия. Чистая понятийность лексического значения термина лишает его некоторых синтагматических и словообразовательных свойств, присущих общеупотребительным словам. Термины не могут, например, свободно вступать в синтагматические связи, создающие переноснообразные, в частности, метафорические смыслы, хотя такие связи и не исключаются. Как правило, термины не содержат суффиксов субъективной оценки, вообще не участвуют в образовании производных слов со значением экспрессии и модальности» [Березин,1979:416].

Помимо этого, термины в научном понимании «составляют особый пласт литературной лексики и как слова узкоспециальные противопоставляются не терминам, а словам общего употребления» [Белкина, 1975: 201].

Следует отметить, что термины родства составляют особый пласт лексики живого народного языка, они, скорее всего, не литературные по сравнению с терминами в научном понимании.

Некоторые исследователи (например, А. А. Реформатский) терминологическую систему языка делят на две группы:

1) теоретические термины;

2) номенклатурные термины, или номенклатура, обозначающая на

звания предметов, вещей, которые прямо соотнесены с научными терминами. По определению А. А. Реформатского, «терминология связана с системой понятий данной науки, номенклатура же лишь этикетирует её объекты» [Реформатский, 1951: 46-54].

По характеру термины родства сближаются с системой терминов второй группы. Это не значит, что термины родства и термины номенклатуры не отли чаются друг от друга. Различие между ними наблюдается, в первую очередь, в их экспрессивном и эмоциональном употреблении: термины теоретического и номенклатурного характера стилистически строго нейтральны.

Строй русского языка, находящегося в центре нашего внимания, хорошо изучен, имеется описание всех его уровней для различных целей, т.е. существуют грамматики разного типа школьные, описательные, научные и др.

У носителей киргизского языка, изучающий русский язык, возникает ряд трудностей, которые не в состоянии разрешить грамматику одного отдельно взятого языка. Это связано с различиями грамматического строя русского и родного (киргизского) языков, изучающих с различным группированием отдельных типов структур и с возникающей на основе этого интерференцией родного языка, с различными внутриязыковыми аналогиями и т. п. [Менац, 1974: 74-77].

2. 2. Методы исследования

Сопоставительно-типологическое изучение языков считается ценным материалом для общей теории, помогает определить место каждого в системе языков мира. Оно применяется также при разрешении такой важной проблемы, как закономерности их развития и взаимодействия.

Если сравнить культурно-языковое окружение европейских языков, то мы можем убедиться в том, что в течение веков они развивались в условиях родственного окружения языков и культур. С русским языком наблюдается принципиально иная ситуация. В течение веков русский язык вступал в многочисленные контакты со многими языками, но наибольшая часть контактов с иными языками и культурами приходилось на тюркские языки и народы, которые сыграли большую существенную роль в формировании государственности, ментальности русской нации.

Исследования контактов тюркских языков с русским языком сыграли важную роль не только в формировании их говоров, но и диалектов.

Каждый тюркский язык имеет свою историю взаимоотношений с русским языком и русским народом. Своя история языковых и культурных контактов имеется и у киргизского языка. Контакты в первую очередь отражаются на лексике, которая признана наиболее проницаемой сферой языка.

Стоит отметить, что рассмотрение эволюции развития сопоставляемых языков не является основной задачей: перед нами ставится более скромная задача сопоставление одного конкретного лексического пласта русского и киргизского, а именно, терминов родства.

При изучении эквивалентных по отношению друг к другу фактов неродственных языков обычно применялся сравнительно-типологический метод, который и ныне сохраняет свою важную роль, позволяя определить схожие и различные явления в сопоставляемых языках.

Этот метод появился в начале XIX века вместе с возникновением сравнительно-исторического языкознания, т.е. компаративистики, и в настоящее время рассматривается в числе традиционных методов, при помощи которых изучаются непосредственно наблюдаемые исследователями

языковые факты, носящие характер материалов речи, а не языка в узком терминологическом смысле.

Традиционные методы, в свою очередь, не лишены отдельных недостатков, которые заключаются в основном в том, что при их помощи не все ярусы языка подвергаются одинаковому изучению, например, при помощи сопоставительного (исторического), метода рассматриваются лишь сравнительная фонетика и морфология языков, входящих в одну языковую семью. При изучении материалов семантики и синтаксиса данный метод применяется пассивно [Усмонов, 1972: 208].

В настоящее время в лингвистических исследованиях активно применяется системный метод, относящийся к современным методам лингвистических исследований. Но надо отметить, что при изучении всех ярусов языка он является неодинаково результативным. Системный метод особенно нелёгкий и не всегда удобный при изучении словарных материалов языка. Причина неудобства и сложности данного метода заключается в том, что «лексический материал любого языка весьма своеобразен. Он труднее поддаётся системному изучению, чем материал морфологии, фонетики или синтаксиса. Выбор «оппозиционной пары слов» в лексике в известной степени условен по причине "открытости" и постоянной подвижности её системы» [Будагов,1976: 428].

Есть и другие причины, которые препятствуют изучению лексического материала путём системного метода. Так, некоторые лексико-семантические пласты словарного состава носят системный характер и легко поддаются системному изучению. Есть и некоторые другие, которые, имея сложное системное строение, трудно поддаются данному подходу исследования. Об этом А. Г. Григорян пишет следующее: «Относительно хорошо изучены отдельные лексико-семантические группы — прежде всего *термины родства,* цветообразования, некоторые группы конкретной лексики; значительно хуже, несмотря на немалое количество работ, обстоит дело с

обозначениями, касающимися социальных отношений и внутренней жизни человека. Эти различия в степени изученности обусловлены, прежде всего неоднородностью самого объекта исследования: одни группы лексики организованы более «системно», чем другие, одни сложнее по своему составу, чем другие и т. д.» [Григорян, 1983: 57-63].

При исследовании эквивалентных по отношению друг к другу фактов родственных и неродственных языков применяется сравнительно-типологический метод, который носит традиционный характер. При его помощи изучаются непосредственно наблюдаемые исследователями факты речи, а не языка в узком терминологическом смысле.

Системное исследование материалов языка во многом связано с методом компонентного анализа, возникшего в 50-е годы XX века. Метод компонентного анализа основан на гипотезе о том, что значение каждой единицы состоит из компонентов, которые называются семой или признаком Так, например, значение слово *дядя* состоит из пяти сем, или признаков: 1) лицо мужского пола, 2) родственник, 3) кровное родство по боковой линии, 4) старший или младший брат отца или матери, 5) родственник первого поколения. Аналогичные признаки свойственны и значениям термина родства - *дедушка*: 1) лицо мужского пола, 2) родитель, 3) родитель по прямой линии, 4) кровный родитель, 5) родитель второго поколения Применение метода компонентного анализа в исследованиях лексико-семантических групп является наиболее экономным и поэтому наиболее оправданным. В самом деле, уже семантическое поле (лексико-семантическое группа) выделяется на основе какого-либо семантического компонента. Так, например, термины родства объединяются в одно семантическое поле на базе основного и общего компонента – «родство» Успешное изучение русского языка не русскими теснейшим образом связано с исследованием синхронно-сопоставительного характера разносистемных языков, например, русского (флективного) и киргизского

(агглютинативного). В этом плане в киргизском языкознании осуществлены многочисленные исследования специалистов-языковедов, в которых изучались фонетическое, лексическое и грамматическое явления киргизского и русского языков в синхронно-сопоставительном аспекте.

Е. Д. Поливанов является одним из первых ученых, уделивших основное внимание сравнительному (типологическому) исследованию разно системных языков, особо отметил, что при изучении русского языка «»...трудности...оказываются относительно ничтожными по сравнению с тем, что приходится преодолевать нерусскому (например, узбеку) при условии связанных со смысловой стороной речи грамматических явлений: именно при условии морфологии и синтаксиса русского языка» [Поливанов, 1935: 90].

Это утверждение Е. Д. Поливанова содержит верное зерно, так как изучение разносистемных языков на лексическом уровне показывает нам, что языки разного грамматического строя и в лексико-семантическом плане различаются друг от друга, как средством выражения отдельных значений, так и различием внутренних форм функционально-семантических единиц, о чем свидетельствуют лингвистические особенности терминов родства и свойства русского и киргизского языков.

Сопоставление отдельных пластов лексики двух (или более) языков имеет немаловажное значение не только для их практического изучения, но и для развития этих языков, способствует более глубокому анализу лингвистических явлений сопоставляемых языков.

Сравнение и сопоставление материалов двух языков осознано многим, и оно дало и продолжает давать свои положительные результаты при обучении языкам в общеобразовательных школах и вузах разных направлений. Следует, однако, указать на относительную разработанность методики составления сравнительных лексикологий русского и не русского - национального языков. Нам представляется, что при сравнении данных двух

языков, например, русского и киргизского, необходимо учитывать специфические особенности каждого из сопоставительно изучаемых языков.

«Для сравнения двух языковых систем, теоретически безразлично, принадлежат они или не принадлежат к одной и той же исторической семье языков», — писал Ш. Балли [Балли, 1955: 416].

Поэтому в современном теоретическом языкознании уделяется большое внимание учёных изучению грамматического строя языков, которые типологически различаются друг от друга.

О характере сопоставительного изучения языков В. Г. Гак пишет о том, что «Сопоставительное изучение языков, имеющих целью выявление сходств и различий между языками независимо от степени их родства и всегда выступавшее как лингвистическая основа обучения неродному языку, в последние годы сблизилось с лингвистической типологией, отделом общего языкознания, которая через сравнения языков стремится постичь наиболее общие черты, свойственные языкам (универсалии), и на их фоне выявить специфику данного языка. Намечается сопоставительно-типологический подход к изучению языка, при котором анализ схождений, осуществляемый в практических целях, проводится на фоне данных типологии. В этом случае схождения и расхождения не просто фиксируются, но особенности сравниваемых языков определяются по отношению к общим средствам человеческого языка» [Гак, 1971: 104].

В. Г. Гак еще отмечает, что сопоставление раскрывает два типа расхождений: качественные (абсолютные), которые заключаются в том, что данный элемент или тип (структурный либо функциональный) присутствует в одном языке и совершенно отсутствует в другом, и количественные (относительные), которые состоят в том, что данный элемент присутствует в обоих языках, но в одном из них он пользуется чаще, чем в другом. Количественные расхождения выявляются статистическим путём. Они позволяют вместе с тем выявить доминантные и рецессивные черты строя

языка [Гак, 1971: 53].

Синхронно-сопоставительное изучение фактов одного и разного грамматического строя имеет определенные трудности. О сложности данного направления исследования проф. А. Азизов справедливо отмечает, что «язык есть сложное явление. Изучение же языков в сопоставительном плане еще сложнее. При изучении таких сложных проблем исследователь должен хорошо знать многие языки, не менее двух. Кроме этого, сопоставительное изучение языков требует от исследователя глубокого лингвистического знания по всем отраслям науки о языке, плюс к этому и историю, культуру народов сопоставительно изучаемых языков» [Азизов, 1995: 20-21].

Сопоставление словарного состава русского и кыргызского языков должно опираться на сравнительном изучении не отдельных разрозненных фактов, а целых систем, имеющих сходные черты, что относится к одной из задач функциональной типологии, которая по определению должна исходить из системного сравнения (т. е. из сравнения систем); в противном случае возникает опасность сопоставления малоинформативных атомарных фактов [Успенский, 1965: 288].

Как известно, структурно-типологическое (а также и функционально-типологическое) сопоставление ставит задачи - определить характеры отношения системы одного языка к аналогичным системам другого языка и выявить характерные черты, присущие одному языку, и отсутствие их в другом, которое даёт, в конечном счете - «построение общей теории языка, выявление универсальных соотношений или черт языковых универсалий [Успенский, там же].

Все эти операции осуществляются выявлением изоморфизма и алломорфизма данных разных языков, что составляет основу лингвистических исследований синхронно-типологического (сопоставит.) характера. Основные особенности исследований синхронно типологического направления указываются в работах В. З. Панфилова [Взаимоотношение

языка и мышления-М.,1971], И. И. Мещанинова [Типологические сопоставления и типология систем // ФН,№3].

Л. З. Жиркова [Всегда ли случайно типологические сходства // ВЯ,№ 4], Б. А. Серебренникова [О лингвистических универсалиях //ВЯ, 1972, № 2] и В. Г. Гака [К проблеме семантической синтагматике // Проблемы структурной лингвистики -1971, -М., 1972].

Например, Б. А. Серебренников утверждает, что результаты наблюдений над общими явлениями развития грамматических форм в различных языках мира, полученные на основе применения сравнительно-типологического метода, неизбежно заставляет прийти к одному выводу о том, что типологические исследования должны быть необходимым продолжением сравнительно-исторических исследований, их естественным синтезом.

Основные выводы Б. А. Серебренникова по характеру типологических исследований заключаются в том, что основной задачей исследований подобного типа является выявление в различных языках общие типы изменений в области морфологии, синтаксиса, а также и развития значений [Серебренников,1958: 38].

При синхронно-типологическом анализе языковых явлений в качестве объекта сравнения могут являться единицы в плане выражения, и в плане содержания языка.

В основе синхронно-сопоставительного изучения языков лежит описательный метод, относящийся к традиционным методам, который появился в результате слияния описательного и сравнительного методов.

В наше время все больше развивается сопоставительная, или контрастивная лингвистика. Она изучает обычно два языка, редко больше двух, сопоставляя отдельные элементы одного языка соответствующими элементами другого. Сопоставления проводятся в синхронном плане на основании проведенного описательного анализа разных уровней данных языков фонологического, грамматического, словообразовательного,

лексикофразеологического, стилистического. Результаты сопоставительного анализа двух языков показывают, в каких элементах этих уровней они различаются.

Сопоставительное языкознание тесно связано с педагогической практикой, поскольку знание сходства и различий структур сопоставленных языков позволяет определить, в каких элементах изучаемого языка возможна интерференция родного языка. Отсюда очевидно значение данного направления в языкознании для учебника.

Выводы по второй главе

Аанализ терминологии родства как семантической системы до сих пор ведется двумя путями: либо методом компонентного анализа, либо методом структурного анализа.

Метод компонентного анализа разработан в 50-х годах прошлого столетия (Ф. Лаунсбери, У. Гуденаф). А. Кребером в 1909году были сделаны попытки изучения внутренних принципов построения систем родства. Он является представителем старшего поколения американской этнолингвистики. А. Кребер утверждает, что семантическое содержание терминов родства любого языка может быть описано путем всевозможного сочетания восьми признаков, но каждому языку присущи свои определенные черты, и семантическое содержание терминов любого языка может быть передано путем всевозможных комбинаций этих признаков или их части.

Так, в русской и киргизской системе терминов кровного родства и свойства задействованы следующие семь дифференциальных признаков:

1) характер родственной связи: кровное (когнационное) родство//родство по браку (матримониальное), или свойство. В рамках кровного родства рассматриваются описательные термины неполного родства, т. е. дети единокровные - от общего отца при разных матерях, и дети единоутробные – от общей матери при разных отцах;

2) генеалогические поколения, или колена: по восходящей и нисходящей линиям. Терминологически система родства охватывает семь и более поколений, но центральными среди них являются три: поколение - это лица, относительно которых ведется отсчет родства поколение родителей *эго* (антропоцентра), поколение детей *эго* (антропоцентра);

3) степень близости родства: прямое или боковое;

4) пол *альтера (антропоцентра)*, т. е лицо, которое может быть одновременно родственником *эго* и другого лица; мужской или женский;

5) пол *эго*(антропоцентра): мужской или женский;

6) латеральность кровных родственников: по материнской (матрилатеральность) или по отцовской (патрилатериальность) линии;

7) относительный возраст альтера (антропоцентра): старше или младше.

Восьмой признак А. Кребера - терминологическое различие живых или мертвых родственников - на наш взгляд, данный признак требует отдельного рассмотрения.

В нашей работе объектом исследования является функционально-семантическая классификация терминов кровного и некровного родства в русском и киргизском языках, что даёт возможность определения генетической природы наиболее распространённых значений терминов родства и их выражения в русском и киргизском языках.

Предметом исследования в предлагаемой работе является изучение – терминов кровного и не кровного родства в плане значения и в плане выражения в русской и киргизской лингвокультурах.

Значения терминов кровного родства, в свою очередь, представляют две разновидности:

1) значения прямой линии родства: а) патрилинейная система в киргизском и русском языках. б) матримониальная система в киргизском и русском языках.

2) значения боковой линии родства («братья», «сестры», «дядя», «тётя», «двоюродные братья», «двоюродные сестры»).

3) значения некровного родства, так называемые свойства.

В работе была использована комплексная методика, включающая описательный, синхронно-сопоставительный и метод компонентного (семного) анализа и ономасиологический подход к исследованию материала.

Для раскрытия словообразовательного и терминообразовательного значения, применялся сопоставительный метод, который в значительной мере способствовал успешной разработке поставленных задач. Он помог выявить особенности терминологической лексики со значением кровного и некровного родства русского языка в сравнении с киргизским языком. Значимость этого метода бесспорна, так как с его помощью можно установить объект калькирования многих терминов, а также новые методы моделирования в терминологическом словообразовании.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПАТРОНИМОВ В РУССКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

3. 1. Патрилинейная система родства старшего поколения в русском и кыргызском языках

Патронимия (от греческого patronymia род. п. pater - отец, и греч. onyma-имя)

1) в ономастике - совокупность людей, называющих себя по патрониму- имени общего реального или мифического мужского предка.

2) в антропологии - патрилинейная семейно-родственная резидентная или дисперсная группа, объединенная общим *патронимом*,- патрилинейный аналог *матронимии*.

Локализованное ядро *патроним* одновременно является ядром группы тесно связанных между собой больших и малых семей. Патронимия характерна для позднепервобытных и раннеклассовых обществ. Впервые выявлена в 1931 и изучена 1950-1960-е гг. М. О. Косвеном на кавказском материале [б. российская энц.].

«Патрилинейность» - счет происхождения, родства и наследования по отцовской линии [БРЭ 2012].

М. О. Косвен в своей работе «Патронимия и ее роль в истории общества» пишет: «Как известно, основную общественную единицу в эпоху патриархально-родового строя составляет большая семья, или семейная община (задруга у южных славян). Обладая большой устойчивостью, эта форма, трансформируясь, сохраняется в быту сельского населения и при классовом строе. Когда такая семья разрастается, она сегментируется или делится. Образовавшаяся от этого разделения семья сохраняет между собой более или менее глубокую и прочную связь. Такую произошедшую от раздела одной большой семьи группу больших или малых семей, сохраняющих между собой хозяйственную, общественную и идеологическую

связь, мы называем -*патронимией»* [Косвен, 1963: 217].

Понятие «патронимия» было предложено ими впервые в 1931г. и затем развивалось в различных частных и общих работах авторов.

Патронимия складывалась в условиях патриархально-родового строя и, сохраняясь в последующих формациях, имеет свою историю и претерпевает, вместе с развитием всего общества, весьма значительные и глубокие изменения от архаической формы, выражающей ее первобытнообщинную сущность, до ее распадного и пережиточного состояния. Это представление об историчности патронимии составляет важнейшее условие ее общего понимания, как и правильного толкования ее отдельных проявлений.

Патронимию нетрудно найти в отдельном и совсем недавнем прошлом, а также и в настоящем у многих народов. У всех народов, где она выявлена, патронимия обозначается особым термином, иногда на местном языке, иногда заимствованным термином из другого языка. У славянских народов в разные времена патронимия могла обозначаться различными терминами: «род», «братство», «племя», «печище», «дворище» и др.

М.О. Косвен полагает: «что термин «вервь» Русской правды и Полицского статуса обозначал родственную группу, представляющую собой не что иначе, как патронимию» [Косвен, там же].

Поскольку каждая семья, разросшись, может сегментироваться или делиться и давать начало новой патронимии, в результате чего сама патронимия может разрастаться и делится на части, возникает сложная структура родственных между собой малых или больших семей, составляющих меньшие и большие, подобные концентрическим кругам, группировки. Эти родственные малые и большие группы патронимии имеют у разных народов и в разных местностях различные наименования. Примеры можно найти в племенной терминологии динарских сербов. Наименьшую ячейку составляет у них большая семья, именуемая различно: «породица», «дом», «фамилия», «опнище», «дым», «верига», и пр. Меньшее или

большее число этих больших семей, родственных между собой, образуют группу, именуемую «род», «куча», или «близика». Эти группировки объединяются в «братство», и наконец, некоторое число «братств» составляет племя.

Патронимию, состоящую из семейных общин, М. О. Косвен называл патронимией первого порядка. Патронимию более сложную, образованную из меньших патронимий, он называл, патронимией второго порядка» [Косвен, 1963: 217].

Патронимия в архаическом прошлом, по-видимому, всегда занимала отдельное поселение, какого бы размера оно не было. Древние постоянные поселения были, таким образом, по своему составу чисто родственными. Но и более позднее время, а подчас и в недавнем прошлом, патронимические поселки составляли широко распространенную форму поселения. У некоторых народов и в некоторых местностях они встречаются и в настоящее время, в том числе и у киргизов.

По мнению Г. Ц. Цыбикова патронимия существовала не только у оседлых народов, но и у кочевых и полукочевых народов, представляя собой группу родственных семей, имеющих общие места кочевания и совместно кочующих. Типичные кочевые патронимии- *улусы* - встречаются и поныне по всей Монголии. Улус состоит из 5-8, редко 8-12 юрт, преимущественно связанных близким родством и постоянно кочующих совместно [Цыбиков, 1981:481].

Как было упомянуто, одну из специфических и отличительных черт патронимии составляет ее наименование -производное от собственного имени ее предка. В славянских языках это имена с окончанием *ичи, овичи* и др. Таковы же имена с окончанием у латинск. *ani,* англо-германск. *ing, ung,* переходящее в *ingen, ungen,* скандин. *son,* древнерусск. *та*, иранск. з*аде* и т. д. Все эти окончания и приставки означают не что иное, как, *сыновья* или *дети*.

Таковы славянское *братство* или *племе,* иранское *тохум (тухум)-семя,* монгольское сеок - «кость», тюркское *кьок(кьук)- корень, основа*, арабское *насыл (нэсл, несил, эсил*) от *наслун- поколение, потомство,* арабское *жинс (джинс)- род порода*, иранское арха - *хребет, спина* и др: тот же характер имеет выражение *карындаш- единоутробные* у балкарцев или *гарындаш* у туркмен-нохурли, сходное *тууган от туу - рожать* у киргизов.

Обозначение патронимии имеет часто описательный характер, указывая, в свою очередь, на единство происхождения от одной семьи или одного хозяйства. Таковы болгарское *одна крьв* или *един корень*, киргизское *бир атанын балдары- дети одного отца*, туркменское *бир ата - один отец*, адыгейское -*братья одного дома*, хевсурское - *из одного огня вышедшие* или осетинское - *от одного огня разошедшиеся;* сюда же относится монгольское *ухта* от архаического, вышедшего из употребления слова *ут –огонь*, обозначающего *происходящие от одного огня* (или очага). Заметим, что киргизы тоже употребляли схожий термин *түтүн (дым, очаг),* подразумевая одну семью.

Мы знаем, что значения термина родство (ТР) бывают разными:

1) значения кровного родства (КР);

2) значения некровного родства (НКР)

В работе будут рассмотрены и выявлены семантические особенности патронимов старшего поколения (ПСП), целью которого является, во-первых, общая характеристика, что существует в области терминологии «родство», и, во-вторых, определение специфики каждого языка в пределах этой лексико-семантической группы.

В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова (ТСРЯ) и в словаре русского языка в четырех томах (СРЯ) патронимы интерпретируются:

«отец» - отец 1) мужчина по отношению к своим детям. Родной отец. Названный отец. Неродной отец (отчим) От отца к сыну переходит что-нибудь. (также переносное Н.: от поколения к поколению) о семействе (отец

как глава семьи). Проблема отцов и детей. (перен.: отношения старшего поколения и младшего). Наши отцы (перен.: о предках). Отцы города (перен.: городское начальство власти; устар. и иронич.) 2) переносное тот, кто является родоначальником, основоположником чего-нибудь(высок.) 3) Обращение к пожилому мужчине или к мужу как отцу своих детей (прост.) 4) название служителей культа, монахов, а также обращение к ним. «прилагат. *отцовский ,-ая, -ое к* 1.,2 знач. и отчий, -ая, -ое, (к 1знач.; устар.высок. Н.: отцовские заботы, отчий дом, ата мээрими, ата журт .

«папа» - то же что отец (в 1 знач.)

«батя» - то же, что батюшка.

«дедушка»- 1) отец отца или матери. Н.: Наши деды.(перен. о предках) Биздин ата-бабалар. 2) вообще старик, преимущественно в обращении.

«прадед» - отец деда или бабушки.

«пращур» - а, м.(книжн.) отдельный предок родоначальник (неизвестного колена)

Словарь русского языка:

«отец»- 1) мужчина по отношению к своим детям. родной отец. Н.: Я не помню своей матери, а отец умер, когда мне было четырнадцать лет. (Гаршин. «Надежда Николаевна».) Энем эсимде жок, атам болсо, мен он төрттө кезимде кайтыш болгон. Отец у мальчика был офицер Красной Армии. (Катаев. «Отче наш».) Бул баланын атасы Кызыл Армиянын офицери болчу.

2) мн. ч. (отцы отцов) предшествующее поколение, предки. Н.: Богаты мы едва из колыбели, ошибками отцов и поздним их умом. (Лермонтов. «Дума».) Биз төрөлгөндө эле ата-бабаларыбыздын кемчиликтерине жана кеч келген акылдарына байбыз.

«папа» - то же, что отец (в1знач.) (преимущественно в языке детей)

«папа» - Верховный глава римско-католической церкви. (на наш взгляд, имеет значение «святой отец», то есть, глава религиозной общины)

1) разг. то же, что папа Н.: Папаша - сказал он - позволь познакомить тебя с моим добрым приятелем, Базаровым. (Тургенев «Отцы и дети».) Атакеси - деди, ал - менин мээрман досум Базаров менен таанышпырып коюумду уруксат этиңиз

«дедушка» – тоже, что дед (в1 знач) Н.: Скоро ты увидишь деда! Саше отец говорит. Дедушкой только и бредит Саша, - не может уснуть: -Что же он долго едет? (Н. А. Некрасов «Дедушка».) Жакында чоң атаңды көрөсүң! Сашага атасы айтты…Чоң атасы деп гана Саша…уктай албады: Эмнеге ал көпкө келбей жатат?

«дед» - отец отца или матери. Н.: Никогда мне не забыть наших поездок к деду - маминому отцу. (С. Михалков. «Илья Головин») Менин эсимден кетпейт тай – атамдыкына конокко барган күндөрүм.

«прадед» - 1. Отец деда или бабушки. Н.: Твой прадед Полознев, генерал, сражался при Бородине, дед твой был поэт, оратор, преподаватель, дворянство, дядя - педагог, наконец, я, твой отец архитектор. (А. П. Чехов. «Моя жизнь») Сенин бабан Полознев, генерал Бородинодо согушкан, чоң-атаң акын болчу, оратор жана дворяндардын мугалими, агаң-педагог, акыры, мен, сенин атаң, архитектор.

«пращур» - Далекий предок, родоначальник. Н.: Заводы утраивал твой пращур, Тим Привалов. (Д. Н. Мамин-Сибиряк. «Приваловские миллионы».) Заводдорду сенин бабан Тим Привалов тургузган.

А теперь рассмотрим как в толковом словаре киргизского языка под редакцией Э. Абдулаева, Д. Исаева и в киргизско-русском словаре под редакцией К. К. Юдахина патронимы: ТСКЯ:

«ата» - 1) зат. Балалуу болгон эркек (балдарына карата) Мужчина, который имеет детей (по отношению к детям) Н.: Баланын атасы. Отец ребенка. Атасынын сакалын сыйлоо. Уважать отца.

2) жалпы эле улгайган кишилерге кайрылганда айтылат. В обращении по отношению к пожилым людям. Н.: Ташбай атанын алмасы качан болот?.

деди - Динар (Т.Сыдыкбеков) – Когда же поспеют яблоки у старика Ташбай? - сказала Динар.

3) миф - мифтик түшүнүк боюнча айрым айбанаттардын колдоочусу. В мифологии покровитель некоторых животных. Н.: Чолпон – Ата (покровитель овец), Камбар - Ата (покровитель лошадей), Чычаң - Ата (покровитель коз)

«аяш ата» - досунун атасы, атасынын досу. отец друга, друг отца. Н.: Эр Табылды аяш атасы уста менен турганын көрдү. («Эр Табылды») Эр Табылды увидел, что отец друга стоит с кузнецом.

«ата – баба», ата тек; өткөн укум тукум. предки. Н.: Алар өз элин, өз ата - бабаларынын даңкын булгаган жок. (Боконбаев) Они не посрамили честь своего народа, и своих предков.

«ата – конуш» же «ата – журт», эзелден жаралган мекен. Земля отцов и предков; Н.: Ал элдин бир замандан берки ата-конушу. (Сыдыкбеков) Это земля испокон веков наших отцов (предков) Ата-журтум, силерди кантип чыдайм сагынбай. (Токтогул) Как я могу не скучать по Родине.

«ата – мекен», эзелден жердеген ата-бабасы өткөн, туулуп - өскөн жер, Родина.

«чоң ата» - баланын атасынын атасы, небересинин атасы, дедушка по линии отца, дед внука. Н.: Бул менин чоң-атам. Это мой дедушка.

«баба» - 1) түпкү ата, ата-баба, предок, предки. Н.: Бери Кара- Дөбө кайканча Берендер ордо аткан жер. Мына ошол бабадан калган кайран жер. («Сейтек».) Этот бугор Кара Дөбө является местом для игр в ордо богатырей. Вот земля оставшаяся от предков.

«беделдүү карыя» - адамдарга карата урматтоо, кадырлоо иретинде колдонулат. Н.: Кайра тартып ошондо, жөнөдү бабаң Көкөтай. («Манас».) Повернул тогда и пошел предок Көкөтай. (наш перевод). Бабасы Бакай карган чал, Акылынан таныптыр. («Сейтек».) Дед у него Бакай от старости с ума выжил.

3) баба дыйкан - мифологияда дыйкандын колдоочусу. Покровитель

земледельца. Н.: Баба дыйкан бар болсо бир карашаар ал жайга (фольклор). Если есть покровитель земледельца, то он не оставит нас в беде.

«жете» - түпкү укум - тукуму, ата - бабасы, теги, түбү, негизи. Н.: Жигиттин гүлү Манапбай, Жетесин тарткан бек бекен? Добрый молодец Манапбай, наверное бек, как его предок.

«жото» - предки, деды.

«тек» - 1) зат. келип чыккан түбү, түпкү укум - тукуму, негизи. Предки, родоначальник. Н.: Муратбектин тегин уксан кедей. (Абдыраманов) Послушай про предков Муратбека, бедняки.

Киргизско - русский словарь (КРС):

«чоң ата» - дед (по отцовской линии)

«баба» - ир. 1) дед; предок; бабалар или ата - бабалар предки; Н.: бабабыз черткен бул комуз, баркына жетип сыйлайлы (фольклор) почтим этот комуз, на котором играли наши деды; бабалардын жолун жолдойт – он идет по стопам своих предков; мындай азат заманды ата - бабаң көргөн жок (стих) - таких свободных времен предки твои не видели; атасынан бабасы унуткус чыр салалы, (стих) - проучим его так, чтобы ввек и он и его предки и потомки не забывали;

2) почтительное обращение к старому и уважаемому мужчине. Н.: Кайра тартып ошондо жөнөдү бабаң Көкөтай (фольклор) Тут, повернув обратно, отправился твой дед Көкөтай. 3) миф - (в некоторых сочетаниях) патрон, покровитель;

«жото» ата - жото. Предки, деды; Н.: Ата - жотодон калган салт. Дедовские обычаи. Обычаи предков.

«жете» - предки; происхождение; жетеси жаман, со скверными задатками; жетең жаман, сен киши болбойсуң – у тебя плохие задатки, из тебя человека не выйдет; жетеге жетчү кек - месть переходящая из поколения в поколение (здесь в значении от предков до их потомков).

В статье «Сакральное число «семь» в кыргызской этнолингвистике»

профессор А. Н. Сыдыков отмечает, что киргизы испокон веков чтили генетическую память. Свидетельством тому являются народные сказания, именуемые «санжыра», эпос «Манас», эпос «Эр Төштүк». Для сохранения памяти главным стержнем выступает сакральное число *семь,* особенно, чтобы помнить своих предков, их жизнь, экономическую деятельность, социальные условия, политическую структуру и т. д.

На наш взгляд, в корне термина «жете» присутствует число семь - жети, киргизы считали, что каждый человек обязан был знать своих предков до седьмого колена.

«Жети атасын билбеген кул» «Кто не знает своих предков до седьмого колена - раб», - говорили киргизы. А еще: «Тектүү жердин кызын ал» («Женись на той девушке, кто знает своих предков до седьмого колена» «тек» - здесь обозначение дальнего пращура)

Киргизы запрещали жениться (выходить замуж) на родственников по отцовской линии до седьмого колена, таким образом, исключая инцест (кровосмешение), но разрешая *левират* (от латинского levir – брат мужа, деверь), ужичество (от церк.-слав. ужик–родственник), обычай, предписывающий брак вдовы с братом ее мужа, иногда - с родственниками, в порядке близости к умершему) и *кузенный брак* (брак между кузенами, форма обязательного или предпочтительного брака)[б росс.энц] по женской линии.[Сыдыков, статья с. 9-11]

Сказители эпоса «Манас», прежде всего, скороговоркой перечисляли родословную главного героя, а потом уже приступали к пению основного содержания. Так, по варианту великого *манасчи* (так называют киргизы сказителей) Сагынбая Орозбакова, сначала упоминаются общие предки киргизов Кара - хан и Өгүз - хан, затем перечисляются имена предков Манаса по прямой линии: Аланча - хан, Байгур, Бабыр- хан, Тебей (Төбөй), Кегей (Көгөй), Ногой и Джакып (отец Манаса) [Манас; т.1].

Киргизы для общего употребления пользовались специальной

терминологией родства иерархического типа: *отец – дед – прадед – предок - пращур.*

В «Толковом словаре киргизского языка» [КТС] в приложении указывается порядка двадцати наименований, как по верхней, так и по нижней вертикали. Само собой разумеется, что данные названия являются сборными и диалектными, не претендующими порядковому обозначению.

Основной вариант дается в словарном гнезде «Жети ата»: 1. Ата (отец) 2. Чоң ата (дед) 3. Баба (прадед) 4. Буба (прапрадед) 5. Куба (прадед-5) 6. Жото (прадед-6) 7. Жете (прадед-7) [КТТС].

Таким образом, патрилинейность старшего поколения русского и киргизского языков можно представить в следующей схеме:

руск.	он(а)	кирг.	ал, он(а)
	отец		ата
	дед		чоң ата
	прадед		баба
	прапрадед		буба
	предок		куба
	пращур		жото
			жете

На основе сказанного можно сделать следующий вывод:

- лексема «отец» и «ата» в основном своем значении совпадают, но русский термин родства «отец» имеет несколько синонимов «папа», «батя»;

- в обоих языках термины родства старшего поколения многозначны многофункциональны;

- лексем в киргизском языке, обозначающие термины родства старшего поколения больше, чем в русском языке;

- наличие множества лексем на киргизском языке обусловлено тем, что киргизы четко соблюдали иерархию как по вертикали, так и по горизонтали

(уважение и почитание семи поколений);

- в обоих языках лексемы имеют фразеосочетания *Отчизна, отцов земля, отец народа, ата журт, атадан калган туяк* и т. д.

- на «пять» лексем русского языка, обозначающие термины родства старшего поколения приходится «восемь» и более лексем киргизского языка;

3. 2. Патрилинейная система родства младшего поколения в русском и кыргызском языках

Киргизам свойственно было соблюдать иерархию во всем, в том числе в родственных отношениях.

Ниже рассмотрим термины родства, такие как «сын», «внук», «правнук», и «бала» (уул), «небере», «чөбөрө», «кыбыра » и другие. в русском и киргизском языках, и условно назовем их: «Патронимы младшего поколения» (ПМП) и постараемся определить специфику каждого языка в пределах данного функционального поля, с опорой на лексикографические источники.

В киргизском языке в значении «дети» широко употребляются лексемы *бала, (перзент),* которые носят характер гиперонимов в отношении лексем *уул* мальчик. В свою очередь, лексемы *уул, кыз* являются гипонимами по отношению к гипероним*у бала, (перзент*- из языка фарси- ребенок-Ч.Ж.) Лексемы *уул* и *кыз* являются согипонимами по отношению друг к другу. В семантической структуре лексем - гиперонимов *бала, перзент дети, дитя* синхронно - синкретично совмещены два значения:

1) «дети», «дитя» мужского пола;

2) «дети», «дитя» женского пола, значение «дети», «дитя» мужского пола выражается лексемой «*уул» «*дети», «дитя» женского пола - лексемой *кыз.*

Следует отметить, что имеется различия между семантическими

структурами терминов *бала* и *перзент* в отношении наличия признака «мужской пол». Признак «мужской пол» более прозрачно осуществлен в семантической структуре лексемы *бала,* чем в семантической структуре лексемы *перзент.* Эта функционально-семантическая особенность лексемы *бала* ярко наблюдается при употреблении его в значении «мальчик», «сын».

Отметим, что имеются различие между семантическими структурами терминов *бала* и *перзент* в отношении наличия признака «мужской пол». Признак «мужской пол» более прозрачно осуществлен в семантической структуре лексемы *бала,* чем в семантической структуре лексемы *перзент.*

Можно обратить внимание на следующий пример, часто встречаемый в разговорной речи киргизского языка: Балаң барбы ? - Жок, эки кызым бар. У тебя есть дети? - Нет, есть две дочери (КРС).

Фактические материалы нашего исследования свидетельствуют: что гипероним в функционально-семантическом плане нередко совпадает с гипонимом. В вышеперечисленном примере представляется совпадение подобного характера, где гипероним *бала* вбирает в себя семантическую нагрузку гипонима *уул* мальчик, сын *бала* = *уул.*

Функционально-семантическое совпадение гиперонима с гипонимом наблюдается при актуализации одного из основных значений семантического строения гиперонима. Обнаруживаются и обратные случаии: гипоним выполняет функционально-семантическую нагрузку гиперонима, что тесно связан процессом нейтрализации одного из ярких дифференциальных признаков *семантической структуры гипонима.*

Выше было сказано, что между гиперонимами *бала (дети, дитя)* и гипонимами *уул (мальчик, сын)* наблюдается функционально-семантическое сходство по отношению к признаку естественного рода семантической структуры. Но это не значит, что *бала (мальчик)* и *уул (сын)* имеют однозначную функционально-семантическую характеристику. Они отличаются друг от друга в отношении признака (семы) «степень возраста»

семантической их структуры. В семантической структуре гиперонима *бала–мальчик* основным является признак(сема) *младенчество*, что является наиболее слабым в семантической структуре гипонима-лексемы *уул* сын. В этом отношении семантическая структура *бала* сходится с семантической структурой лексемы «*бөбөк», «наристе»* что функционально -семантически совпадает с «малыш», «грудной ребенок» в русском языке.

Так, С. И. Ожегов в «Толковом словаре русского языка» рассматривает термины кровного родства следующим образом:

«сын» - лицо мужского пола по отношению к своим родителям. Н.: Это наш сын. Бул биздин балабыз

«внук» - сын сына или дочери. Н.: Бабушка попросила своего внука помочь ей с переездом. Чоң-энеси небересин көчкөнгө жардам берүүсүн сурады.

«правнук» - сын внука или внучки. Н.: Моя мама, так хотела увидеть своих правнуков. Менин энем чөбөрөлөрүн ушунчалык көрүүнү эңсеген.

В толковом словаре русского языка патронимы младшего поколения (ПМП) интерпретируются:

«сын» -1) лицо мужского пола по отношению к своим родителям. Н.: Жена порадовала его рождением сына, но бедный мальчик жил недолго.(Тургенев «Дворянское гнездо») Аялы аны эркек бала төрөп кубандырды, бирок байкуш бала көпкө жашаган жок. 2) обычно множественное число(сыновья, -вей и высок. сыны, -ов). Ближайшие потомки, молодое поколение. Н.: Сыны не ведают о подвигах отцов; и в дальнем прахе их богов лежат изверженные линии. (Баратынский «Финляндия»). Урпактар (балдары) аталарынын эрдиктерин сезбейт, тээ алыста алардын топурактарынан бүркүлгөн из жатат.

Обычно в обращении (устаревшее) лицо мужского пола по отношению к своему духовному наставнику или лицу духовного звания. Н.: - Очень это скорбно, сын мой! Прихожанин ты примерный, а вот посоветовать тебе в деле

твоем, и я не могу. (М.Горький «Жизнь Матвея Кожемяки») Мунун баары кайгылуу, балам менин, сен жакшы үлгулүү үммөтүсүң, бирок сенин мындай ишиңе мен көмөк кыла албайм.

1) с определением устар. лицо мужск. пола принадлежащее к определенному общественному сословию. Н.: Так как я был дворянский сын, и притом мне минуло уже семь лет, то волей-неволей приходилось подумать о моем ученье. (Салтыков-Шедрин, «Пошехонская старина») Мен дворян үй-бүлөсүнүн баласымын жашым жетиге чыгышы менен, аргасыздан окуу жөнүндө ойлонуум керек болчу.

2) кого-чего высокое. Человек, как уроженец, как обитель какой-либо местности или представитель какой-либо национальности. Н.: Сын востока. Сын славян. Человек кровно тесно связанный с кем-либо. Сын Отчизны. Сын революции.

*сынишка -1) умен. ласк. к сын (в1 знач.) маленький сын Н.: У них есть маленький сынишка, которого они, уезжая, оставляют у бабушки. (Г. Николаева «Жатва») Алардын кичинекей баласы бар, алар бир жакка кетерде аны чоң-энесине ташташат.

2) устар. уничиж.к сын (в4знач) Н.: Дрянной мальчишка! Знаете, эдакой купеческий сынишка, франтик, соблазнитель. (Л.Толстой, «Война и мир») Кудай урган бала! Билесизби, кандай купецтин баласы, эрке обу жок, азгырынкы.

«внук» - 1. Сын сына или дочери мн.ч. (внуки, ов)дети сына или дочери.

2) потомки Н.: Мы должны страдать, чтобы нашим внукам было легче жить. (Белинский, «Письмо Боткину»,14март 1840г) Биз неберелерибиздин жакшы жашоосу үчүн кыйналышыбыз керек.

«правнук» - сын внука или внучки. Н.: Бабушка во всем согласилась с внуком: Чем раньше женится, тем лучше. Давно пора свою семью заводить. А мне, может, бог приведет правнуков понянчить. (А. Перегудов, «В те далекие годы») Чоң-энеси небереси менен баардыгына макул болду: Канча эрте

үйлөнсө, ошончо жакшы. Мурун эле үй-бүлө куруу керек болчу. А мага, кудай буйруса, эртерээк чөбөрө көрсөтсүн.

Рассмотрим киргизские термины кровного родства младшего поколения (ПМП) в толковом словаре киргизского языка и в киргизско - русском словаре под редакцией К. К. Юдахина.

Термины родства «бала», «небере» рассматриваются по женской линии и по мужской линии, однако, нас будет интересовать термины родства: по мужской линии.

В толковом словаре киргизского языка (ТСКЯ):

«бала» - зат.1) бойго жете элек жаш уул, кыз; жалпы эле уул, кыз (ата-энесине карата) кыз бала, эркек-бала (подросток мальчик или девочка по отношению к своим родителям) Н.: Канча балаң бар?-десе, абышка; эки уул үч кызым бар,-деди.(«Ала-тоо»)-Сколько у тебя детей, спросили у старика-Два сына и три дочери,- ответил он.

3) улуу адамдардын өзүнөн кичүүлөргө, өз балдары курактууларга кайрылганда айтылат (в обращении всех взрослых всем молодым людям, которые одного возраста с его детьми) Н.: Ырас,балам Искендер, журттан айла кетти. (Турусбеков) Сын мой, Искендер, меня стойбище беспокоит.

4) өтмө мааниде: эн эле жаш, жаш өспүрүм (переносное значение ласк. уменьш.) Н.: Мен бир чыккан эмгекчиден балапан. (А. Токонбаев) Я сын-птенец, выходец из трудящихся. Здесь просматривается метафорический перенос значения.

«бала» - 1. Наристе жаш бөбөк , жалпы эле уул кыз (ата энесине кара та) (ребенок м.ч. дети, но нас интересует этот термин родства в значении «сын») Н.: Эне төрөйт баланы, жарайт деп түрдүү намыска. (К. Жантөшов). Матери рожают своих детей, чтобы они защищали честь.

Жалпы эле улуулардын кичүүлөргө карата кайрылуусунда колдонулат (исключительно в обращении всех взрослых по отношению к молодым). Н.: Кой сен да убара болбо , балам (Т.Сыдыкбеков) Нет сын мой, ты тоже не

беспокойся.

*бала болуу- өз ата-энеси болбосо да, башка бирөөлөргө өз баласы катарында туруп калуу, өз тукумдары катарында алынып кетүү (стать сыном кому-то, быть усыновленным) Н.: Аралаш конуп бир жүрүп бала болуп калды элем.(Олжобай менен Кишимжан). Всегда вместе с ними ходил и стал им, как сын родной.

эркек бала, уул бала мальчик, сын; кыз бала девочка, дочь; бала кылып ал - усыновить;

2. Внук (по мужской линии),

а) атанын баласы (достойный) своего отца.

б) уст. Благородного происхождения (сын знатных или благородных родителей); Н.: же мен атасынын баласы эмес белем? А я –что хуже других, что ли, что я не сын своего отца?

«небере» - зат. Уулунун же кызынын баласы, баласынын баласы. Н.: Эшиктен жаңы кирген чоң-энеси, китеп окуп отурган небересин көрүп ичи жылып, аны эркелетти. (Т. Сыдыкбеков). Бабушка, увидев, как внук читает книгу, приласкала его.

«чөбөрө» - зат. Майда кичинекей жаш балдарга, балапандарга карата, жалпысынан айтылуучу сөз. Н.:Ушинтип эки үйдүкүн кошкондо жалаң чөбөрө балдар ондон ашык. (Эшбаев). Вот если собрать из двух семей, маленьких детей больше десяти.

По мнению профессора А. Н. Сыдыкова, киргизы по нижней вертикали также считали до седьмого колена. Например, когда кого-то хвалили или благословляли, говорили: «Өркөнүң өссүн!»- что означало «Пусть будут счастливыми твои потомки». Вспомним один из основных широко употребляемых вариантов: 1. Бала (или уул-сын) 2. Небере (внук) 3. Чөбөрө (правнук) 4. Кыбыра (праправнук) 5. Тыбыра (правнук-5) 6.Чүпүрө (правнук-6) 7. Өркөн (правнук-7) [Сыдыков, А. Н. статья.]

Некоторые сказители трилогии эпоса «Манас», следуя стародавним

традициям, добавляют еще 4 потомка, которые защищали свой народ от завоевателей, таким образом, доводя потомков главного героя до седьмого колена по нижней вертикали. В киргизском литературоведении, они называются малыми эпосами.

Так, в варианте Жусупа Мамая перечисляются следующие эпические сказания: «Манас»1. «Семетей» 2. «Сейтек» 3. «Кененим» 4. «Сейитим» 5. «Асылбача-Бек-бача» 6. «Сомбилек» 7. «Чигитей» [.....]

Анализ данных примеров и словарных статей показал, что некоторые термины кровного родства в киргизском языке не были исследованы. Это такие, как: «кыбыра», «жыбыра».

Патрилинейность младшего поколения русского и киргизского языков можно представить в следующей схеме:

он(а)	ал(он(а)
сын	бала (уул,)
внук	небере
правнук	чөбөрө
праправнук	кыбыра
потомок	тыбыра
	чүпүрө
	өркөн

Здесь нужно рассмотреть слово *урпак*, как эквивалент слову *потомок* (потомки - урпактар имеет обобщенное значение). В толковом словаре киргизского языка лексема интерпретирована: «урпак» - келечекки жаш укум - тукум. Н.: Биздин кылым укмуш сонун. Укмуш эмгек калса экен! Бул кылымдын толук сыры, Урпактарга барса экен. (А. Токонбаев) Наш век прекрасен тем, что совершались великие дела. И пусть история дойдет до потомков. Баатырдан калган шумкарым. Бабадан калган урпагым. («Семетей»). Сокол мой доставшийся мне от богатыря и предков.

К. К. Юдахин лексему «урпак» расписал:

«урпак» - 2. перен. потомок потомки потомство; Өтүптүр чоң бабабыз Тагай деген, урпагы биз экенбиз калган анын. Жил когда-то наш предок Тагай, мы - оставленное им потомство.

В толковом словаре русского языка лексема «потомок» под редакцией С. И. Ожегова обозначает:

«потомок»- 1. Человек по отношению к своим предкам. Н.: Потомки великого полководца. 2. мн. люди будущих поколений. (высокое)

Таким образом, можно сделать следующий вывод:

- лексема «сын» и «бала» в основном своем значении совпадают, но киргизский термин родства «бала» в переводе на русский язык обозначается как «ребенок». Чтобы лексема «бала» имела то же значение, что и «сын» в киргизском языке употребляются следующие притяжательные суффиксы -сы, -у, которые обозначают принадлежность т.е. бала-сы, уул-у «сын»;

- в киргизском языке лексема «бала» имеет синоним «уул» в значении мужского пола;

- лексем в киргизском языке, обозначающие термины родства младшего поколения больше, чем в русском языке;

- наличие множества лексем на киргизском языке обусловлено тем, что киргизы строго отличали иерархию как по вертикали, так и по горизонтали (уважение и почитание старших и младших);

- лексемы «внук» и «небере» в основном значении совпадают, но в киргизском языке есть синонимичная лексема «жээн», которая обозначает ребенка дочери, это тоже обусловлено традициями, укладом жизни киргизского народа;

- на 5 лексем русского языка, обозначающийе термины родства патронимов младшего поколения приходится 7 и более лексем киргизского языка, но они являются менее употребительными и более экзотичными;

3. 3. Функционально-семантическое поле терминов свойства по

браку: «муж- күйөө», «примак- күч- күйөө» в русском и кыргызском языках

Термины родства относятся к наиболее архаическим пластам лексики. В этой лексико - семантической группе названия, отражающие главнейшие родственные отношения, бесспорно, входят в основной словарный фонд каждого языка. Изучение терминов родства, в каком- либо языке представляет немалые трудности, поскольку, как установлено исследователями в этой области, форма семьи изменяется быстрее, чем система «родства», и поэтому у самых различных народов наблюдается несоответствие между сохранившейся с древних времен системой родственных отношений, и современной формой семьи. Такие же явления наблюдаются и у славянских (в том числе русского), и у тюркских (в том числе киргизского) народов.

Впервые на необходимость изучения терминов родства обратил внимание американский ученый- этнограф Л. Г. Морган в работе «Древнее общество».

Важность исследований терминов родства для истории семьи и рода подтвердил Ф. Энгельс в своем труде « Происхождение семьи, частной собственности и государства» [Энгельс, 2019].

Несмотря на вековую историю исследования, система терминов родства различных языков остается объектом многочисленных историко-этнографических исследований, тщательных изучений, так как изучение ТР способствует более глубокому проникновению в суть социальных отношений на том или ином этапе человеческого развития. Система ТР выражает «…фактические отношения, существовавшие в семье во время образования данной системы, она в свою очередь, раскрывает господствовавшую тогда форму семьи» [Морган, 1934,315].

Следует отметить, что в сравнительно- историческом аспекте система родства в русском и в киргизском языках слабо изучена.

Так, семантический анализ в сравнительно- историческом и в

сопоставительном планах проведен такими учеными как: А. А. Машрабов, М. Ш. Сарыбаева, Н. В. Бикбулатов, Л. А. Покровская.

В работе А. А. Машрабова «Значение терминов родства и их выражение в киргизском и узбекском языках» исследуются киргизские и узбекские термины родства. Суть исследования заключается в том, что в родственных языках есть совпадения, так и различия в использовании терминов родства. В работе применена комплексная методика, включающая описательный, сравнительно- исторический, синхронно- сопоставительные аспекты, использован преимущественно метод компонентного анализа [Машрабов,2000].

М. Ш. Сарыбаева в своей диссертации «Система обозначений родства в английском, русском и казахском языках» проделала колоссальную работу в сопоставительном плане казахского, английского и русского языков. В данной работе типология родства трех языков составлена с учетом параметров родства, которые в системе значений соответствуют дифференциальным семам [Сарыбаева, 1991].

Н. В. Бекбулатов в своей работе «Система родства у тюркоязычных народов и проблемы большой семьи» отмечает, что в системах родства тюркоязычных народов Средней Азии, Сибири и Приуралья для предков (деда и бабки, прадеда и прабабки) употребляются те же термины, что и для родителей, лишь с прибавлением определений старший, большой, старый.

Он отмечает, что в быту тюркоязычных народов значительную роль играли пережиточные обычаи родового строя, поэтому в системах родства отчетливо прослеживаются классификационные тюркоязычные черты, различающие родство по линии отца и матери и выделяющие потомство сестер и племянниц [Бекбулатов,1981:128].

Известно, что термины, определяющие родственные отношения, играют важную роль в создании «картины мира» в дидактиколингвистике и онтологолингвистике .

Значения терминов родства (ТР) бывают разными:

1) значения кровного родства (КР)

2) значение некровного родства (НКР)

Последние называются и значениями *свойства.*

В диссертации будет сделана попытка обозначить некоторые специфические особенности терминов родства в сопоставительном плане.

Понятие родство- социальное, более того историко – этническое, развитие родства обусловлено не только всеобщими закономерностями, но и бытом, культурой, моралью того или иного этноколлектива. Мы думаем, что результаты исследования позволят получить ряд важных сведений, подтверждающих лингвистическую и экстралингвистическую обусловленность формирования и функционирования обозначений родства.

В работах, посвященных терминологии родства в русском и киргизском языках, стоят две основные задачи:

во-первых, выявить и охарактеризовать то общее, что существует между двумя языками в области терминологии родства, и,

во-вторых, определить и подчеркнуть специфику каждого языка в пределах данной лексико-семантической группы. Рассматриваемые термины подразделяются, согласно существующей традиции на термины родства по крови и термины родства по браку.

В качестве примера мы рассмотрим термины отражающие отношения родства по браку: *муж -күйөө, примак- күч- күйөө,* обобщенные термины по браку или так называемые *свойства.*

Так, в «Толковом словаре русского языка» (под ред. С.И. Ожегова)

«муж» - мужчина по отношению к женщине, с которой он состоит в официальном браке, интерпретируется: 1) женатый мужчина (по отношению к своей жене. Н.: Помню, прочил я Саше моей доброго мужа и детей. (Н. Некрасов «Саша»). Менин Сашенькама мээрман күйөөнү, жана ымыркайларды тилегеним эсимде.

Таким образом, мы считаем, что эквивалентами русской лексемы «муж» в переводе на киргизский язык определяется фразеосочетания родства, это «эр жеткен адам», «бой жеткен».

В этимологическом словаре русского языка термин «муж» трактуется:

«муж» - общеслав. суф. производное (суф. –g-и- j-) от той же основы, что нем. mann, др- инд. manu- “человек- муж» исходное *manj-муж после изменения an-o-y-и gj-ж. Первоначальное - «взрослый мужчина» «понимающий, ученый» ср. возмужать [Шанский, 2004: 398].

В толковом словаре киргизского языка трактуется:

1) аялдын эри (аялына карата) - муж женщины, с которой он состоит в официальном браке. Н.: Кишимжандай сулуунун Байназар болду күйөөсү (А. Усөнбаев). Байназар стал мужем красавицы, как Кишимжан.

Кыздын кудалаган жигити жана турмушка чыккан кыздын күйөөсү, аялдын эри (кыз тарапка, кыздын өзүнүн ага-тууган, эже-синдисине карата) «просватанный», «зять», «муж» (по отношению к женщине, с который вступит в брак, и ее родственникам) Н.: Туганбай, барып сыйлайлык, күйөө болчу баланы. («Курманбек») Туганбай, пойдем окажем почести юноше, который станет мужем (зятем).

А в киргизско-русском словаре (М.,1965) лексема «күйөө» рассматривается следующем образом:

«күйөө» - зат. аялдын эри (аялына карата); муж женщины (по отношению к жене) Н.: Жаш келиндин ушул мүнөзү күйөөсүнө бөтөнчө жага турган (Сыдыкбеков) Именно такой характер молодой жены нравился мужу

Эта лексема в киргизском языке рассматривается как отдельная, имеющая свой лексико-семантический характер. Переводится на киргизский язык «күйөө - бала» (зять) Н.: Күйөө келсе кыз даяр (поговорка). Придет жених- невеста готова (мы готовы, дело за вами);

5) молодой муж;

6) зять (в отношении всех старших родственников и родичей жены-ср.

жезде);

7) күйөө бала- молодой муж (в отношении старших родственников своей жены);

У киргизов лексема *күйөө* многозначная и многофункциональная. Это подтверждается данными выше примерами. Лексемы *жених* и *зять* в русском языке рассматриваются, как отдельные лексемы, хотя в киргизском языке это обусловлено некоторыми типами структурных отношений в сложных многоуровневых системах, характеризуемых упорядоченностью, организованностью взаимодействий между отдельными уровнями по вертикали.

Итак, в киргизском языке лексемы «күйөө» есть синоним *эр - эрим*

1.«Эр» - зат. эркек киши, адам - человек. Н.: Эр өлтүрүп кун тартпай, айдалып келдим алыстан (Токтогул). Не убив человека, не заплатив виру, побыл в ссылке.

2. аялдын күйөөсү, күйөө - муж Н.: Кадырлаш болсо өлгөнчө, катындын көркү эр менен (Токтогул) Быть в уважении до смерти, мужем красуется жена. Если взаимоуважение длится до кончины, то благодаря мужу жена будет в почете

3-өтмө маанисинде. Баатыр, жүрөктүү жалтанбаган –герой, смельчак.

Н: Сырттан Сыргак, эр Манас сырдашкан киши аянбас («Манас»).

Герой (волкодав) Сыргак, богатырь Манас, сдружившийся (с ним) человек станет преданным.

В русском языке у лексемы «муж» есть синоним «супруг» - муж (в 1-ом значении). Н.: Господа, поверьте. Что я постараюсь быть достойным той чести, которую мне делает Раиса Павловна , избирая меня своим супругом. (А. Островский «Лес»). Мырзалар, Раиса Павловна мени урматтап, өзүнө күйөө кылып тандаган ишеничин актай алам деп ойлойм.

Таким образом, мы можем утверждать, что эквивалентом к лексеме «муж» «супруг» в киргизском языке выступают лексемы «күйөө», «эр».

К рассматриваемой теме по значению близко подходит лексема «примак» («күч-күйөө»).

1. «Примак» - зять, принятый в семью жены, живущей в доме жены. Н: Артем пошел в примаки к серенькой Стеше, в семью из пяти ртов. (Н. Островский «Как закалялась сталь) Артем беш аяк бошотордон турган чычкандай Стешаныкына күч-күйөө болуп кирип калды.

2) приманивание - я. ср. действие по знач. Глагола приманивать. лексема «күч - күйөө»

1) кыздын үйүндө жүргөн күйөө.

Эта лексема состоит из двух самостоятельных частей речи: «күч» - «сила», «күйөө» - «муж». Объясняется это сложившимися особенностями уклада жизни и общественным бытом тюркоязычных народов. У них күч - күйөө, само определение или семантика этой лексемы является нечто постыдным, ибо мужья дочерей или сестер не должны были жить в семье жены, это считалось унижением.

1) «күч-күйөө» ист. примак, влазень (мужчина, который не имея средств на приданое (калым), жил и отрабатывал в доме будущего тестя, а после свадьбы оставался жить у него); Н.: Күч-күйөө болуп кирди, он вошел в дом тестя (тещи) примаком; Менин пейлим жактырбайт күч-күйөө болуп алышка (фольклор). Нрав мой не позволяет находиться (взять жену и быть) на положении примака;

Итак, мы можем определить, что лексемы «примак» и «күч-күйөө» в лингвистическом отношении тождественны, но в культурологическом отношении дают разный смысл.

Таким образом, опираясь на вышеприведенные примеры можно сделать следующие выводы:

-лексемы «муж» и «күйөө» в основном своем значении совпадают;

-в обоих языках лексемы многозначны и многофункциональны;

- лексемы «муж» и «күйөө» имеют синонимы;

-в отличие от русского языка в киргизском языке есть фразеосочетания термина родства «муж», такие как «эр жет», «эр жеткен адам»;

-лексемы «примак» и «күч-күйөө» при переводе теряют первоначальный смысл;

-в обоих языках синонимы лексем «примак» и «күч-күйөө» не наблюдаются;

3.4. Функционально-семантическое поле кыргызского термина родства «бөлө» и его эквивалент в русском языке

Семья и родственные отношения являются важными ориентирами поведения людей, вне зависимости от их принадлежности к конкретной культуре. Они находят свое отражение в лингвокультурных концептах, обладающих как универсальными семантическими признаками, так и этнокультурной спецификой. Концепты транслируются не только в такие важные сферы деятельности человека как наука и искусство, но и в его обыденную жизнь. Концепт «семья» принадлежит к понятийно-языковому ядру лексики многих языков, воспроизводя как общечеловеческие (совокупность родственных отношений), так и культуроспецифичные (социальные, нравственные, этические) представления о родственных отношениях. Имея богатую историко-культурную наполненность, концепт «семья» отражает ряд особенностей взаимосвязи норм поведения и языка, присущих определенному этносу.

В каждой культуре термины родства относятся к лексике, которая исторически, генетически и культурно является одной из самых древних.

Установление родственных отношений шло параллельно с формированием и развитием общества.

Родственники — лица, связанные кровным родством, определяющим происхождение (близкие родственники), или объединённые с родственными связями в результате социального института — семьи.

Лица, объединенные общим происхождением от одного и того же предка, называются кровными родственниками.

В своей работе..... русском языке основную группу терминов кровного родства составляют следующие слова:

Бабка, бабушка – мать отца или матери, жена деда. Брат – каждый из сыновей одних родителей. Братан, братаник, братеня, братеник, брательник – двоюродный брат. Братанна, братична, братучада – дочь брата, племянница по брату. Брательница – родственница вообще, двоюродная или дальняя. Братыч, братучадо, братичич, братич – сын брата, племянник по брату. Внук – сын дочери, сына; а также сын племянника или племянницы. Внучка, внук – дочь сына, дочери; а также дочь племянника или племянницы. Вуй - дядька, брат матери. Дед – отец матери или отца. Дедина, дедка – тетка по дяде. Дедич – прямой наследник по деду. Дочь – лицо женского пола по отношению к своим родителям. Дядя – брат отца или матери. Мать – лицо женского пола по отношению к своим детям. Отец – лицо мужского пола по отношению к своим детям. Отценачальник – старший в поколении. Отчинник, отчич – сын, наследник. Племянник – сын брата или сестры. Племянница – дочь брата или сестры. Племяш – родич, родственник. Прародители – первая по родословной известная чета, от которой берёт начало род. Пращур – родитель прапрадеда, прапрабабки. Родоначальник – первый известный представитель рода, от которого ведётся родословие. Самобрат - родной брат. Сестра – каждая из дочерей в отношении к другим детям этих же родителей. Сестренница – двоюродная сестра, дочь сестры матери или отца. Сестрёнка, сестрина, сестричка, сестрейка, сестреница, сестрия – двоюродная сестра Сестрянка, сеструха, сеструшка - двоюродная или внучатая сестра. Сестренич, сестрич, сестричич, сестричищ – сын сестры матери или отца, племянник по сестре Сестрина - дочь сестры. Стрый - дядька, брат отца. Сын – лицо мужского пола по отношению к своим родителям. Тётка, тётя – сестра отца или матери.

Что является особенностью в изучении киргизского термина родства

«бөлө», наличие или общие семантические признаки, т. е. инвариантные свойства.

Значением «дети двух родных сестер» понимаются «двоюродные сестры», осуществляемого между детьми двух родных сестер по отношению: дочери двух родных сестер являются «двоюродной сестрой» в отношении друг друга.

Функционально-семантическим компонентом (семантическим коррелятами) значения *двоюродная сестра* является значение *тетя (*по линии матери), которое в киргизском языке выражается, лексемой *тай эже,* а в русском — *тётя по матери.*

Значение «двоюродная сестра», родители, которых являются родными сестрами, в киргизском языке выражается лексемой *бөлө,* в русском языке - *двоюродные сёстры по матери.*

Функционально - семантическая микросистема с инвариантным значением «родства между детьми двух родных сестер» имеет три семантических компонентов, два из них выражаются негативно (имплицитно). Эксплицитный компонент выражается лексемой *бөлө.*

Центральную семантическую зону значения ФСМС «родство между детьми двух родных сестер» занимает негативно выраженный семантический компонент *тетя по матери (тай эже).*

В семантической структуре значения *бөлө,* которое является одним из семантических компонентов данной ФСМС основной являются две семы:

1) сема «женский пол»;

2) сема «младше» (в отношении тети дочек).

Семантическая структура 2-го (имплицитного: *тётя)* компонента ФСМС в значении «дети двух родных сестер женского пола» (*дочь одной сестры- дочь другой сестры: бөлө-тётя)* состоит из четырёх сем:

1) «женский пол»;

2) «мать»;

3) «сестра» (матери);

4) «старше» (адресанта).

Семантическая структура первого компонента **(«дети** одной сестры-дети другой сестры»: *бөлө-бөлө*) в данной функционально-семантической микросистеме не отличаются друг от друга в отношении характера и количества. Здесь не имеет значение кто старше, кто младше из двоюродных сестер и братьев. Если один из них является *мальчиком (сын одной сестры - дочь другой сестры* или наоборот), тогда семантическая структура этих компонентов различается в отношении семы «различия пола» («мужской пол», «женский пол») Эксплицитное выражение имеет только один семантический компонент всех вариантов ФСМС со значением «родство между детьми двух родных сестер», два их компонента носят негативный, имплицитный характер.

Эксплицитный компонент выражается лексемой *бөлө* (дети двух родных сестер).

Значение «дети другой родной сестры (другой компонент ФСМС) не имеет вербальное выражение, т.е. выражается негативно, имплицитно.

Разница между семантическими структурами компонентов эксплицитного *бөлө (дети двух родных сестер)* и имплицитного наблюдается в отношении двух сем:

а) сема «различия возраста» старше («тётя старше племянницы») и «младше» («племянница младше тёти»);

б) сема «различия пола» — (если *бөлө* обозначает «мальчик»).

«бөлө» - кыз бир туугандардын балдары (бири - бирине карата) дети родных или двоюродных сестер (по отношению друг другу) Н: Шабыркүл бир тууган бөлөм болот. Шабыркуль моя двоюродная сестра (сестренница) [КТТС].

У К. К. Юдахина киргизский термин родства *бөлө* интерпретируется

так:

«бөлө» - (или *карын* бөлө – здесь имеется ввиду, *утроба*) двоюродный брат, двоюродная сестра (по линии матери) Н: Бөлөм, бөлөм үчүн өлөм (поговорка). За двоюродного брата (сестру) готов умереть. (поговорка, выражающая близость этой степени родства); Сураштыра келсе карын бөлө чыгат. Начнешь расспрашивать, так обязательно окажется какими-то утробными родственниками;

Во многих тюркских, в том числе и киргизском языках, мы наблюдаем четкое разделение родственников «матери» и «отца» соответствующими терминами, тогда как в русском языкеблизость родственных связей определяется количеством поколений по горизонтали или по вертикали патрилинейных и матрилинейных отношений, как-то: *двоюродный брат (сестра), двоюродный дядя (тетя), троюродный брат (сестра)* и т. д.

Итак, мы можем сделать следующие выводы:

-наличие киргизского термина родства «бөлө» обусловлено и связано с культурой, традициями и обычаями киргизского народа;

-семантическое поле терминов родства интуитивно понятно носителю языка, и обладает для него психологической реальностью;

-семантическое поле терминов родства автономно и может быть выделено как самостоятельная подсистема языка;

-каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образуют языковую систему;

-наличие отдельных терминов родства по каждому поколению в киргизском языке, указывает на уникальность национальной культуры.

-эквивалентность терминов родства указывает на уникальность лингвистической антропологии;

3. 5. Функционально- семантическое поле кыргызских терминов родства по матери «тай-ата, «тай-эне», «тай», «төркун»

Для того, чтобы рассмотреть, киргизский термин родства «тай эне» и «тай ата» и определить ФСП, нужно начать с «фона», а «фоном» для этих терминов является лексема «тай», и термин родства «төркүн».

В своей книге «Кыргыздын көнөрбөс дөөлөтөрү» Акматалы Амантур Сейитаалы уулу пишет: «Төркүн»- (родня, родственники замужней девушки) турмушка чыкан кыздын өз эли журту. Киндик каны тамган, чоңойгон жери. Ата - энелери, ага - туугандары, эже - сиңдилери.

Төркүлөтүү - (отправить погостить сноху к себе домой) кайын- журту келинди ошол ата - энелерине, жерге-жеегине, тууган - уруктарына азык-түлүк даярдап, кийим - кечек камдап жөнөтүүсү. Төркүлөп келген кыздын төрдө отуруусу. («төркүлөтүү» ушундан улам айтылса керек - Ч.М).

«Родители, родственники замужней девушки» (РРЗД) - (төркүн) это место где она родилась, ее родители, братья – сестры, родственники. «Отправить погостить сноху домой» (төркүлөтүү) почетным гостем, и когда приходит к себе домой т. е. к родителям, сидит всегда на почетном месте, а почетное место у киргизов это - «төр» - место, который находится напротив двери (*если это была бы юрта, а в остальных случаях в зависимости от расположения дома или гостевой комнаты*) (конечно, после свекра и свекрови - Ч.М).

Рассмотрим семантику лексемы «тай»:

1) тай - двухгодовалый жеребенок. Родители, при рождении первенца у дочери, не зависимо от пола ребенка, т. е. мальчик или девочка дарили «тай» (двухгодовалого, жеребенка), если родители были состоятельные, этот подарок дарился и при последующих детях. Эта традиция у киргизов существует (применяется) и поныне;

В толковом словаре киргизского языка под редакцией А. А.

Акматалиева (69г.) термины родства «тай» и «төркүн» рассматриваются следующим образом: «тай» -1.Эне жагынан болгон тууган-туушкан. (родственники по линии матери) Н: Жаман тайын тааныбайт. (макал) Плохой человек не признает своих родственников. (имеется ввиду родственники по линии матери)

Этимологический анализ термина *таай* привел нас к тому, что данный термин является более архаичным, чем фонетические варианты, представленные в большинстве тюркских языков, и в киргизском *тай*. Наиболее ранний вариант термина *таай* восходит к *тага/тагай*. Как пишет Л. А. Покровская(1961), дальнейшее фонетическое и развитие этого термина могло пойти по линии выпадения *г* в интервокальной позиции и стяжения гласных, между которыми он находился. В результате гласный а становится долгим. Следы таких стяжений и отобразились в современном варианте якутского термина *таай*, а также алтайском *таай*, тувинском *даай,* Это изменение является первой ступенью развития данного термина. В других тюркских языках, произошло дальнейшее структурное развитие данного термина: тага > тагай > таай > даай > дайын > дайы> тай (Н.: в казахском языке «тага»)

«төркүн» -1. Күйөөгө чыкан кыздын ата энеси жана башка туугандары.

а) төркүнгө келген кыздардай төрө болуп калыптыр. (Калмырза). Стал важным как замужняя девушка у своих родителей

б) алар төркүндөрүн кыдырып күндө бирөөнүкүнө конок болду. (А. Токомбаев). Они побывали в гостях у всех родственников.

в) кыздын сыры төркүнгө маалым . (поговорка). О характере девушки очень хорошо знают ее родственники.

Төркүн - төз (төш) жалпы эле төркүн тарап, күйөөгө чыкан кыздын, ата-эне, тууган - туушкандары. (РРЗД) Н: Кимдин жары болосун? Төркүн – төзүң кайда эле? (Тоголок Молдо). Чья ты супруга? От куда родом сама?

Акматалы Амантур Сейитаалы уулу, «понятие» или термин родства как

«тай» считает: тоже что и родители, родственники замужней девушки. Отождествляет с таким термином как «түп- куда» и интерпретирует: «түп - куда» - (сваты) Куда күтүү менен кыргыздардын каада-салты артылат. Бири-бирине ымаласанашууну, карым - катнаш жасоону, кыргыздын наркындай ымасактоочу жакшы көргөн элбиз.

Смысл сказанного в том, что с появлением сватов у киргизов взаимоотношений и взаимных хлопот становилось больше. Ходить, одаривать друг друга подарками, пожеланиями придерживаясь традиций, и насколько можно уважать друг - друга самое большое достоинство, достижение.

Потому, что говорят: «Куданыкы кудайдан», «Куда миң жылдык», «Жакшы тоодон кудалашып түшөт, жаман кубалашып түшөт» (народная пословица) «Сваты от бога», «сваты на всю жизнь» (породнившись они считаются как родственники), «Хорошие соседи станут сватами, плохие врагами». Потому и при встрече, знакомстве киргизы обязательно спрашивают: « кто, откуда, с какого рода, племени и. т. д.»

Акматалы Амантур Сейитаалы уулу приводит такой пример:

- Кайсы элденсин?

- Нарынданмын

- Уругуңузду айтыныз?

- Моңолдордонмун

-Аа, а нарындык моңолдордон болсон кудам турбайсынбы.Аяктан биз келин алганбыз. Бир кызым Жумгалда, саяктар да менин кудам. Эки кызым Таластык саруурга кеткен. Жээним кушчудан келинчек алган. Кызымдын кызы солтого чыккан. Жангарач бийдин элинде. Өзумдүн чоң тайке-тайымдарым (бабушка с дедом по линии матери) Кочкордук Сарбагыш. Мына ошондой ызаттоолордон улам элибиздин ортолорунан жел өтпөөчү жылуу сезим пайда болот. Бул –ата-бабалардан калган адамкерчиликтүү сапат, санат, үлгү.

-Ты откуда, с какого рода?

- Из Нарына

- С какого племени?

- С моңолдоров

-Аа, а, если с Нарынских моңолдоров то, ты мне приходишься сватом. Сноха наша оттуда. Одна дочка в Жумгале, саяки тоже сваты. Две замужем за Таласких саруу. Племянник (по линии дочери - М.Ч.) взял в жены из кушчу. Дочь дочери вышла за солто, из племени Жангарач бий. Мои родные дяди, бабушка с дедом по линии матери (тайке - тайларым) из Кочкорских сарбагыш. Поговорив можно стать родственниками (имеется ввиду в том числе и сватами). Вот почему у народа крепкая, доброжелательная, теплая связь, потому - что идущая от предков, испокон веков, взаимоуважение и взаимопонимание, хорошие обычаи и традиции у киргизов. (перевод наш Ч. М.)

А. С. Акматалиев объясняет, что «тай ата» - (дедушка по линии матери) уул кыздын эненсинин атасы болгондуктан ал энеге төркүн болот. «Чыккан кыз чийден тышкаары» жана кыз бала бирөөнүн бүлөсү. Аны төркүндөрү урматташат. Кызын сыйлоо-кадырлоо аркылуу андан туулган балдар да урматтоого эгедер. Тай ата деп жээндери сүймөнчүлүктүү келет. Тай ата, чоң –ата үчүн уулдун, кыздын балдары бирдей эле сезилет. Экөө тен небере болот. Уулдун баласы чоң- ата үчун өз тукумунун уландысы катары көрүнөт. Ал чоң - ата чоң- эне менен бирге жүрөт . Колдорунда чоңоет. Башка тайаке- тайындар т. а. тайаке, тайжезде, тай эже туралуу да ушундай маанай бар.

«тай ата» - дедушка по линии матери- отец матери. Как уже выше мы приводили пример, что дочь по отношению к своим родителям считается чужой. Ее уважают, как почетную гостью. Дети дочери имеют те же блага, что и дети сына. Но для дедушек и бабушек с обеих сторон внуки имеют одинаковые права. У киргизов дети сына для дедушки считаются наследниками, потомством, продолжателями рода. Они растут, и находятся всегда рядом в отличие от детей дочери. По отношению к другим

родственникам матери такой же подход.

Мы считаем, что контент «тай» еще имеет значение «высокочтимый», «опора», которое в современном киргизском языке десемантизировано, но охранилось в таких выражениях, как: «тайаке деген пир болот» (тайаке, является покровителем, опорой), «тай акеге тил тийгизбейт» (дядю не бьют, в смысле, он равен святому - Ч. М.)

Однако, заметим, что, когда идет речь о наследственности, автор имеет ввиду современные условия. А раньше дети дочери считались наследниками по линии сватов, поскольку они принадлежали другому племени.

Целью нашего исследования, было выявление функционально-семантического поля киргизского термина родства *тай - эне* и *тай - ата,* и есть ли эквивалент в русском языке, и чем обусловлено наличие терминов кровного родства таких лексем, как «дедушка и бабушка» в киргизском языке.

Рассмотрев, выше приведенные примеры мы можем сделать следующие выводы:

- функционально - семантическое поле терминов «кровного родства» имеет общий семантический признак, согласно теории Р. Мейера - является дифференцирующим фактором;

- наличие отдельных терминов в киргизском языке обусловлено культурой, традициями и обычаями киргизского народа;

- семантическое поле терминов кровного родства интуитивно понятно носителю языка и обладает для него психологической реальностью;

- семантическое поле терминов «кровного родства» автономно и может быть выделено как самостоятельная подсистема языка;

- единицы семантического поля терминов «кровного родства» связаны теми или иными системными семантическими отношениями;

- каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему;

- наличие термина на киргизском языке, указывает на уникальность

киргизского языка;

3. 6. Функционально – семантическое поле терминов социального родства «пасынок», «падчерица», «отчим», «мачеха» и о значении лексемы «өгөй» в кыргызском языке

Значение «неродной сын и неродная дочь» имеет два ЛСВ:

а) «неродной сын и неродная дочь отца»;

б) «неродной сын и неродная дочь матери»;

Денотат значения словосочетания *неродной сын и неродная дочь отца* в реальной жизни взаимосвязан с денотатом значения словосочетания *неродной отец,* а денотат значения словосочетания *неродной сын и неродная дочь матери* — с денотатом значения словосочетания *неродная мать:*

а) неродной сын и неродная дочь - неродной отец (отчим);

б) неродной сын и неродная дочь - неродная мать (мачеха).

В киргизском языке в значениях «неродной сын и неродная дочь отца», «неродной сын и неродная дочь матери» употребляется сложное слово *өгөй бала* и *өгөй кыз.*

Слово «өгөй *кыз»* имеет гетеронимическую связь с лексемами *«өгөй эне», «өгөй ата»- «өгөй бала», «өгөй эне, өгөй ата – өгөй кыз; өгөй ата- өгөй эне- өгөй бала- өгөй кыз).* Денотат значения өгөй является неродным и с детьми одного из родителей (неродного отца или неродной матери).

В реальной жизни денотат значения өгөй бала, өгөй *кыз* совпадает и с денотатами значений лексем *эже, сиңди, ага- ини: өгөй эже, өгөй ага, өгөй ини, өгөй сиңди* (по отношению к детям неродного отца и неродной матери).

Значение *«неродной сын и неродная дочь»* в русском языке выражается лексемой «пасынок» и «*падчерица,* которые состоят из двух ЛСВ:

а) ЛСВ 1—«неродной сын и неродная дочь отца» (по отношению к мужу родной матери);

б) ЛСВ 2—«неродной сын и неродная дочь матери» (по отношению к жене родного отца).

Следует отметить, семантическая структура лексемы «өгөй бала» «өгөй *кыз»* в киргизском языке не отличается от семантической структуры «пасынок» и «*падчерица»* в русском языке. Это объясняется тем, что и өгөй *бала и өгөй кыз* в киргизском языке, и пасынок и *падчерица* в русском языке употребляются в отношениях неродного отца и неродной матери.

В реальной жизни встречается еще неродной сын и неродная дочь в отношении родителей, которая не связана с браком и не является родным в отношении всех членов семьи. В отличие от өгөй бала и өгөй кыз, в киргизском языке называется багып алган бала и багып алган кыз, функционально-семантическим ее эквивалентом в русском языке является словосочетание (название) «приемная дочь».

Лексема «өгөй» обозначает «свойственник, сводный» (не кровный) в киргизском языке употребляется в отношении некровного отца, некровной матери, вообще, в отношении лиц, которые не имеют кровное родство с говорящими субъектами. Н.: өгөй ата, өгөй эне, өгөй бала, өгөй кыз; өгөй ага, өгөй ини; өгөй эже, өгөй синди *и т. д.* (неродной отец, неродная мать, неродной сын, неродная дочь, неродной брат, неродная сестра *и т. д.). Н.:* Өгөй эне, өз эне боло албайт—мачеха никогда не станет родной матерью (народное)

В киргизском языке лексема «өгөй» функционирует как производящая основа в словообразовательной структуре дериватов *өгөйлөө (өгөй+лөө)* в значениях «относиться к неродному и чужому» *(жарык дуйнө мени өгөйлөп салды - белый свет отвернулся от меня)* и өгөйлүк *(өгөй+лүк)* в значениях «свойство», «чуждать» (КРС, 586).

Значение лексемы *өгөй* в русском языке совпадает со значением *не родной(ая).* В отличие от киргизского языка, в значениях «не родной отец» и «не родная мать» в русском языке употребляются самостоятельные

лексемы *отчим* (в значении «неродной отец») и *мачеха* (в значении «неродная мать»).

Денотат значения словосочетания «вторая жена (родного) отца» по отношению к родным детям (отца), и денотат значения «второй муж (родной) матери» по отношению к родным детям (матери) представляет собой «неродной матерью» и «неродным отцом», которые выражаются в киргизском языке лексемой *«өгөй эне» и «өгөй ата».*

Денотат значения лексемы *өгөй ата и өгөй эне* соответствуют со «вторым мужем матери и второй женой отца», которые не являются родными для детей, мужа и жены. (*неродной отец- отчим)* и *(не родная мать - мачеха).*

Вторую жену отца при обращении дети называют с помощью лексем *эне, апа, эже* в киргизском языке, и *мамой* - в русском. Второго мужа матери называют следующими лексемами *ата, байке* в киргизском и *отцом и папой* - в русском языке. К слову, взрослые дети русского народа часто обращаются к отчиму или мачехе по имени отчеству, а в киргизской лингвокультуре таковое не принято.

Вне общения значение словосочетания «вторая жена отца» и «второй муж матери» выражаются лексемой *өгөй ата* и *өгөй эне.*

Следует отметить, что значения словосочетаний «неродная мать», «вторая жена отца» имеют один и тот же денотат—«жена мужа» и «мать детей»: вторая жена отца—это есть неродная мать, а неродная мать—это есть вторая жена отца- «мачеха», а словосочетание «неродной отец», «второй муж матери» тоже имеет один и тот же денотат «муж матери» и «отец детей»: второй муж, и есть - «отчим»

Рассмотрим лексемы «отчим» и «мачеха» в толковом словаре под редакцией С. И. Ожегова:

«отчим» - муж матери по отношении к ее детям от прежнего брака. Н.: Отчим оказался хорошим человеком. Өгөй атасы жакшы киши болуп

чыкты.

«мачеха» - жена отца по отношению к его детям от прежнего брака Н.: Мачеха не любила Золушку. Золушканы өгөй энеси абдан жаман көрчү.

«пасынок» - 1.Сын одного из супругов по отношению к другому, для него неродному. Относиться к кому-чему-н. как к пасынку (недоброжелательно, равнодушно) Н.: Я бы не хотела у Серафимы оказаться пасынком. Серафиманын өгөй баласы болуудан кудай сактасын.

«падчерица» - Дочь одного из супругов по отношению к другому, для нее неродному. Н.: Мачеха отослала падчерицу в зимний лес за подснежниками. (С. Я. Маршак «Двенадцать месяцев») Өгөй энеси, өгөй кызын кышкы токойго гүл терүү үчүн жиберди.

В толковом словаре киргизского языка по сравнению с русским языком все эти термины, рассматривается только одним словом *өгөй*.

«өгөй» - 1. Жат, өздүн карама - каршысы. Чужой, антоним «родной»

2. өз баласы эмес, өз ата-энеси эмес, өз боору эмес. Н.: Фатиманы пенсияга чыккан атасы менен өгөй энеси да карап турушпады. (Сасыкбаев). За Фатимой не только отец пенсионер, но, и мачеха не присматривала. Өгөй атаң болсом да, өз атаңдан кем эмес бактым эле, бул эмнең балам. (Т. Сыдыкбеков) Если даже был отчимом, не хуже родного воспитал.

Опираясь на вышеприведенные примеры, сделаем следующие выводы:

- лексемы *отчим*, *мачеха*, *пасынок, падчерица* и киргизские термины *ата, эне, бала, кыз* в сочетании со словом *өгөй* в основном своем значении совпадают;

- прослеживаются переносные значения в обоих языках;

- в обоих языках лексемы многозначны и многофункциональны;

- в отличие от русского языка термины косвенного родства в киргизском языке имеют фразеосочетания, такие как: өгөй ата, өгөй эне, өгөй бала, өгөй кыз;

- одной киргизской лексеме «өгөй» соответствуют четыре русских

лексем, близких по денотативному значению.

Схематически это можно представить так:

	ата	отчим
	эне	мачеха
өгөй	бала	пасынок
	кыз	падчерица

Выводы по третьей главе.

Итак, патрилинейная система родства является универсальным для сопоставляемых языков, но обозначение родственных отношений отдельными терминами внутри системы является уникальными для каждого языка.

Ядерные значения функционально-семантического поля со значением «родство» являются идентичными, а периферийные номинации имеют свою специфику.

В сопоставляемых языках термины родства старшего поколения многозначны и многофункциональны. В киргизском языке патронимов, обозначающих старшее поколение, больше, чем в русском.

В киргизском языке 8 патронимов, в русском - 6.

Наличие множества лексем в киргизском языке обусловлено тем, что киргизы четко соблюдали иерархию, как по вертикали, так и по горизонтали (например, уважение и почитание своих предков до седьмого колена). В обоих языках термины родства допускают образование фразеосочетаний, типа: *отцов земля, отец народа, отцы нации, дальний предок; ата-журт, ата-баба, жети ата, тең ата, баба салты, бабалардан калган сөз* и т. д.

Патронимы младшего поколения многофункциональны и многозначны. В киргизском языке терминов родства обозначающих младшее поколение, больше, чем в русском. Так в киргизском языке 7

патронимов, в русском - 5.

В сопоставляемых языках патронимы младшего поколения допускают образования фразеологизмов, типа: *сыновий долг, славные сыны Родины, достоин отца (о сыне), внучатый племянник; уулум сага айтам, атанын баласы, атанын уулу, эркек уул, тондуу уул* и т.д. и т. п.

В русском языке, как по верхней, так и по нижней иерархии, после третьего поколения патронимы обозначаются с помощью приставки **пра-** (прадед, правнук), тогда как в киргизском языке каждое колено имеет свое название (баба, буба, жото, жете; чөбөрө, тыбыра, өркөн). Это обусловлено тем, что киргизы почитали память о своих предках и заботились о том, чтобы дети знали свои историю. «Кто не знает своих предков до седьмого колена, тот раб»,-говорили кыргызы и из уста в уста передавали каждому следующему поколению как завет предков. В условиях бесписьменности такое отношение к истории своего народа играло неоценимую роль.

Современный киргизский язык больше тяготеет к антропонимическим названиям, нежели патронимическим, обобщенным. видимо, это связано с тем, что в XX веке кыргызы перешли к фамильному обозначению своих предков и обобщенные названия стали архаичными.

Свойства по браку *муж, жена, күйөө, аялы* в сопоставляемых языках в основном своем значении совпадают, указанные термины имеют синонимы, а также многозначны и многофункциональны. По социальному положению функционируют термины равные *мужу* и *күйөө,* **примак - күч күйөө.** Данные термины в денотативном значении идентичные, но имеют разные семантические мотивации по происхождению.

Таким образом, мы рассмотрели 15 патронимов киргизского языка и 11- русского языка, из них 11 являются эквивалентными, а 4 не совпадают в денотативном значении.

Термины родства автономны и могут быть выделены, как

самостоятельная подсистема языка. Функционально-семантическое поле со значением «родство» связано с другими семантическими полями и в совокупности с ним образуют терминологическую систему языка.

Схема №1

Термины кровной системе в киргизском языке от антропоцентра Ал (Он(а)):

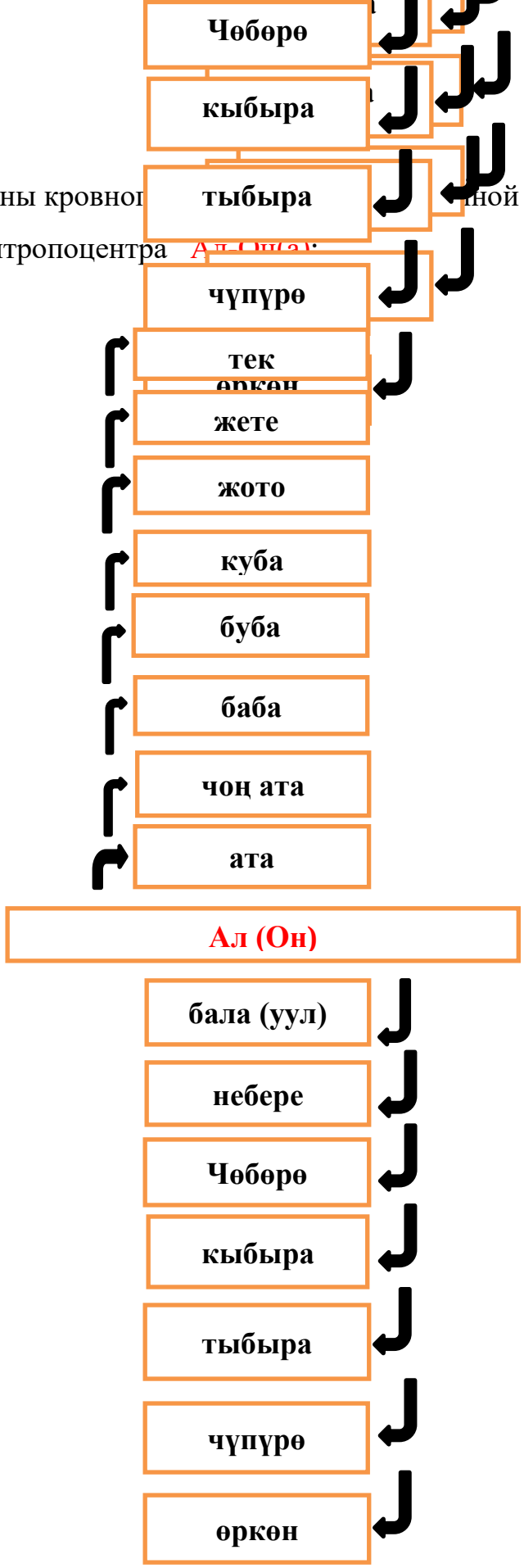


Схема №2

Термины кровного родства по патрилинейной системе в русском языке от антропоцентра **Ал-Он(а)** :

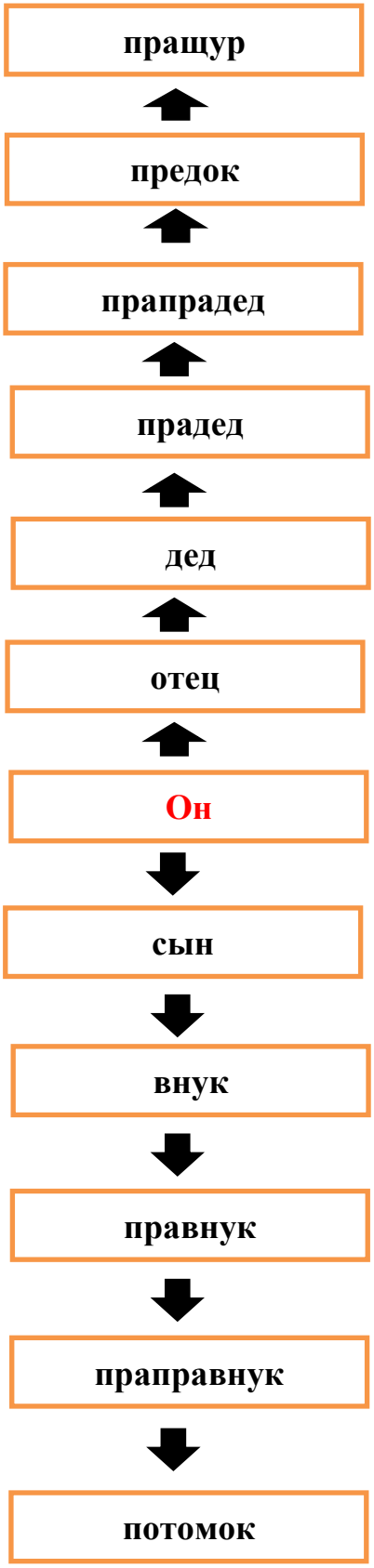
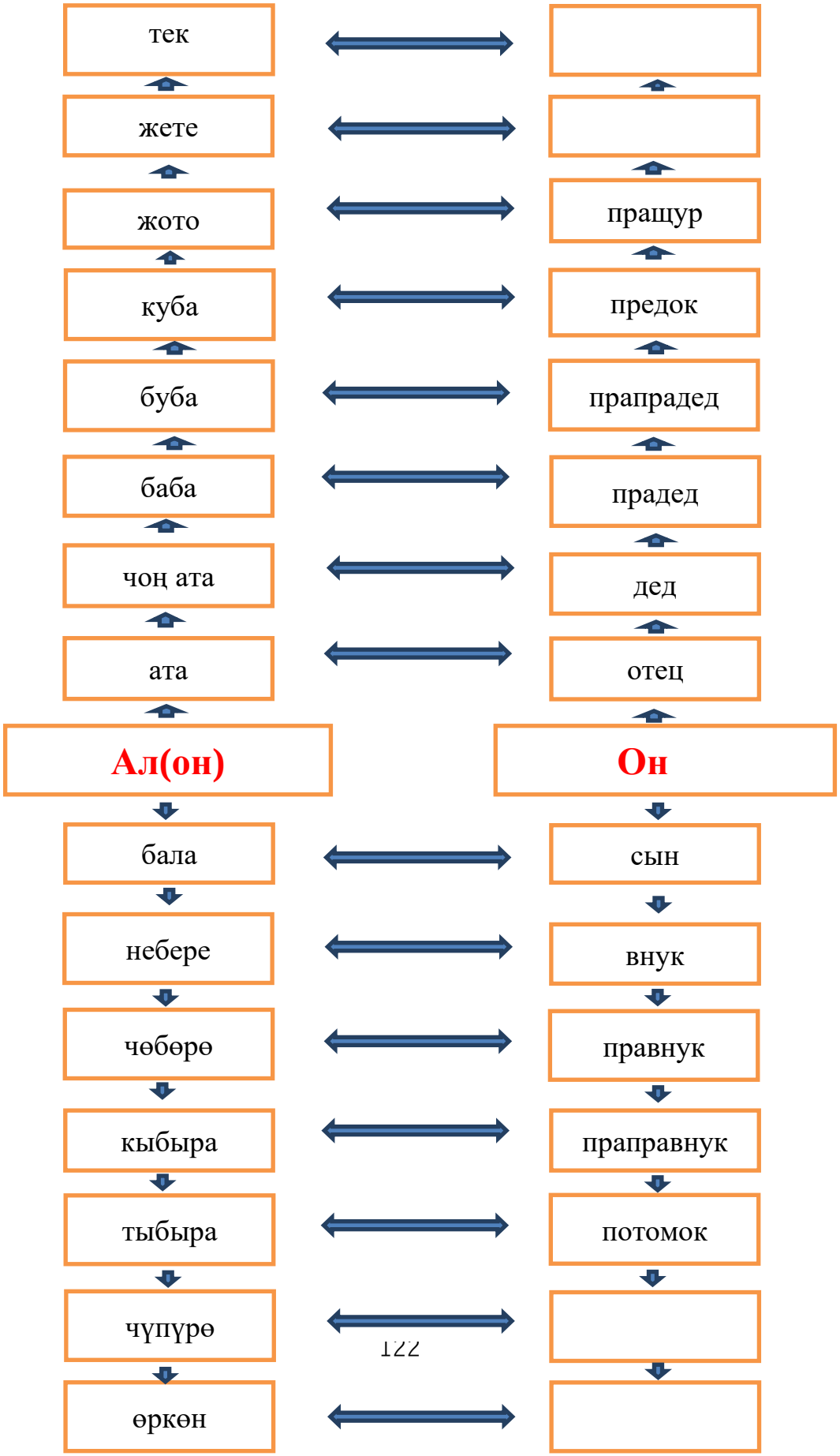


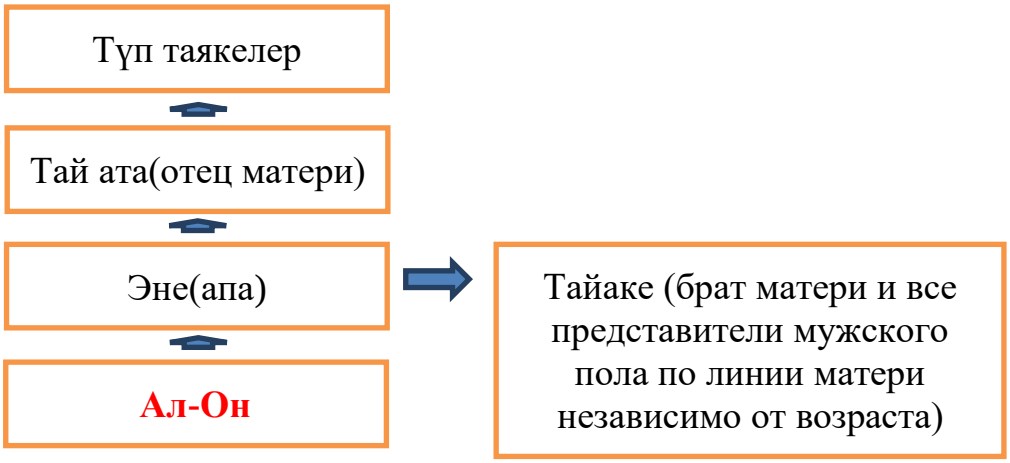
Схема №3

Термины кровного родства по патрилинейной системе в киргизском и русском языках от антропоцентра Ал–Он (а) в сопоставительном плане:



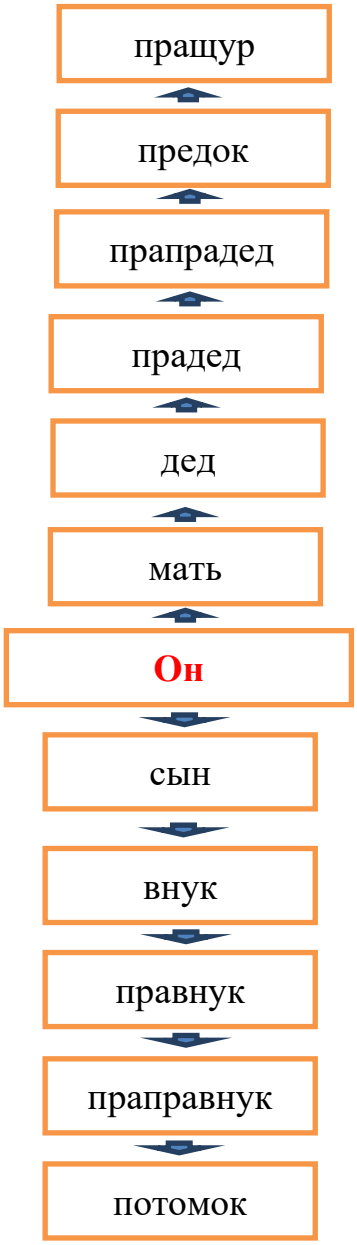
Схема№4

Термины кровного родства по матери по патрилинейной системе в киргизском языке от антропоцентра Ал-Он(а):



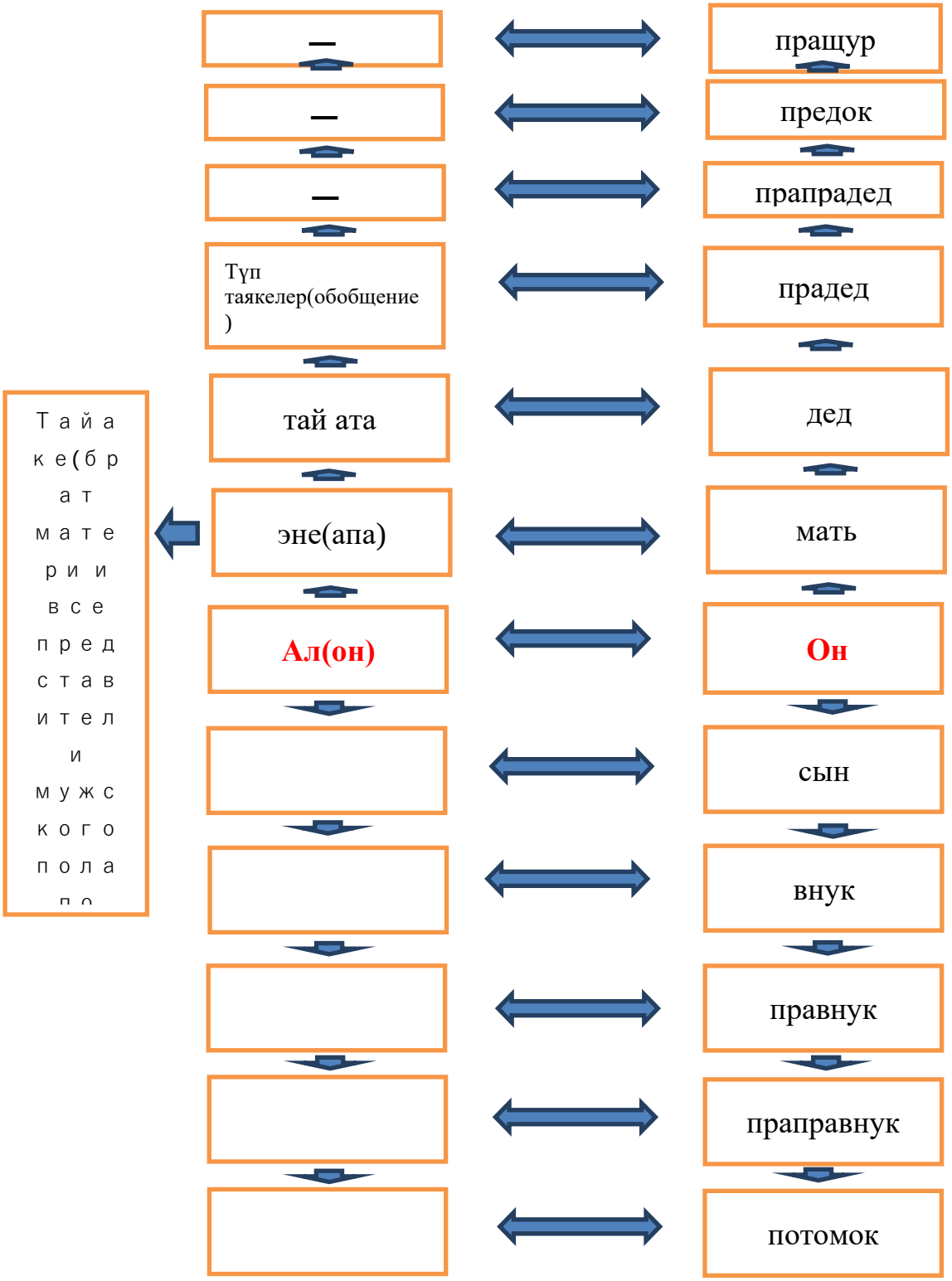
Схема№5

Термины кровного родства по матери по патрилинейной системе в русском языке от антропоцентра Ал - Он(а):



Схема№6

Термины кровного родства по матери по патрилинейной системе в киргизском и русском языках от антропоцентра Ал-Он(а) в сопоставительном плане:



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНО–СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ МАТРОНИМОВ В РУССКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

4. 1. Матримониальная система родства старшего поколения в русском и кыргызском языках

Матронимия (от латинского mater, род. п. matris –мать и греч. onyma – имя; генеаномия), матрилинейная семейно – родственная или резидентная группа, именующая себя по матрониму - имени общего женского предка (предка – эпонима).

Локализованное ядро *матроним* одновременно было ядром группы тесно связанных между собой больших и малых семей. Матронимия существует только при матрилинейном *счете родства* и является матрилинейным аналогом *патронимии,* но характерна только для позднепервобытных предклассовых обществ и почти не встречается в классовом обществе [б. росс. энцк.].

«Матрилинейность» - счет происхождения и наследования по материнской линии [БРЭ2012].

Одна из актуальных задач современных ученых культурологов является изучение роли женщины в традиционном обществе, в котором существует некие стандарты женского поведения, уходящими своими корнями в начало человеческой жизни и связанные с архетипом Великой матери.

С возникновением теории матриархата, ученые по – новому, осмыслили место и роль женщины в истории. Впервые на это обратил внимание И. Я. Бахофен, который в своем труде «Материнское поле», опубликованном в 1861г., сформулировал теорию о существовании матриархата как специфической стадии развития человеческого общества.

При матриархате (буквально «власть матерей») счет родства

происходил только по женской линии - от матери к дочери [Баховен, 1996: 217-267].

Иоганн Якоб Бахофен (1885- 1887) – швейцарский юрист, один из основоположников теории матриархата. Он заметил, что до патриархального периода развитие общества в течении длительного времени женщина была центром семьи, занимая главное место в обществе, религии. Женские божества, олицетворяющие материнство и плодородие, играли важную роль (древнеегипетская *Исида,* фригийская *Кибе-ла,* аккадская *Иштар,* древнегреческая *Рея*, мать Диметры, покровительницы плодородия и пр.)

Он утверждал, что «стадия матриархата была универсальной в истории человечества, что женщины через материнство создали братство всех людей, сознание и признание которого погибают вместе с отцовством. На самых глубоких ступенях человеческого бытия единственным светлым мгновением в жизни, единственным наслаждением в пучине бездонного бедствия была материнская любовь, привязывающая женщину к порождению ее плоти» [Бахофен, 1996: 225].

Почти одновременно с книгой И. Я. Бахофена выходят работы Д. Ф. Мак-Леннона (1865), Л. Г. Моргана (1877) о матрилинейном счете родства у *ирокезов*. Американский исследователь Л. Г. Морган ввел понятие материнского рода как начальной, допатриархальной стадии первобытного общества, древнейшей формы социальной организации и «естественного центра развития религии и местом возникновения религиозных церемоний» [Морган, 1934,: 342].

Идея И. Я. Бахофена и Л. Г. Моргана были поддержаны Ф. Энгельсом, который отметил, что в древности «убийство матери тягчайшее, ничем неискупимое преступление» [Энгельс, 1934: 315]. Он высоко оценил исследование И. Я. Бахофена и Л. Г. Моргана, посчитав, что их открытие имеет революционное значение как и теория Ч. Дарвина. Ф. Энгельс отметил, что материнский род имеет раннюю форму первобытного общества, что

женщины имели большое значение в происхождении семьи (главенство женщины в роду, род считался по женской линии - от матери к дочери) и обеспечивало им высокое положение и социальное равенство в обществе [Энгельс, 2019].

Теория матриархата не была принята и подверглась критике, как западной, так и в советской историографии. В последней сохранялась линия признания матриархата, женского рода в силу следования за марксистской теорией в лице Ф. Энгельса (например, в монографии М. О. Косвена вышедшей в 1948).

М. О. Косвен в своем труде «Матриархат. История проблемы», писал, что период матриархата является ранним периодом развития организованного общества, он называет матриархат универсально-историческим этапом развития всего человечества [Косвен, 1948].

М. О. Косвен проследил становление патриархальных отношений, который возник в дальнейшем в результате развития производительных сил.

Матро́ним — часть родового имени, которая присваивается ребёнку по имени матери. Матроним, передаваемый от матери, является противоположностью отчества (патронима), передаваемого от отца, а также тектонима, основанного на имени ребёнка [Википедия].

Сама по себе идея матронимов не нова и раньше уже встречалась в истории. В старину дети получали «матчества», если у матери был более высокий статус и (или) она значила в жизни ребёнка больше, чем отец, то есть матронимы могли получить юные бояре и царевичи, отцы которых были ниже по статусу, чем мать, а также дети вдов. Более того, «матчества» давались тем детям, которые были *бастардами*, то есть рождёнными вне законного брака (в современной России снова поднимается вопрос об узаконении «матчества» - Ч. М.)

Племенами и родами правили женщины. Это эпоха доклассового строя,

характеризовавшаяся равноправием, а местами и руководящей ролью женщины в семье, в хозяйственной и общественной жизни.

В исторической науке это время называется матриархат.

Матриархат - а, м. при первобытнообщинном строе: сменившаяся патриархатом эпоха главенствующегося положения женщины в родовой группе, при установлении родства (по женской линии), в хозяйственной и общественной жизни.) [Ожегов, 1990: 215].

В нашей работе, мы рассмотрим матримониальную систему старшего поколения (МСП) и попытаемся раскрыть семантическую особенность терминов кровного родства, называя их матронимами, «мать» - «эне», «бабушка»- «чоң эне», «тай эне» в русском и киргизском языках.

Данные термины известны большинству современных тюркских и славянских языков. Встречаются они и во многих древних памятниках. Это термины, отражающие отношения «родство» по кровному родству: «мать», «эне», «бабушка» - «чоң эне» «тай эне».

В тюркских языках значение «родитель женского пола» выражается с помощью нескольких лексем, что однозначно встречается и в письменных памятниках тюркских языков.

В тюркских языках зафиксирована лексема *апа* в значении «родная мать», ее словарное значение — «старшая сестра» В этом значении лексема *апа* употребляется в говорах многих тюркских языков и ныне. В словаре Махмуда Кашгари сема «родная мать» встречается в глагольной лексеме *апалады «*считал, называл её матерью» [Кашгари, 1960], образованной от *апа* с помощью аффикса глаголообразования -*ла (апа+ла),* что характерно и для киргизского языка, Н.: Кыйналганда үнүм чыгат апалап, Кубанчымды айтканымча шашамын (А. Токомбаев). Звал мать, когда мне было больно, но поспешил выразить свою радость.

В словаре В. В. Радлова в значении *родитель женского пола («*родная мать») зафиксирована лексема *мама (wawa), которая, кроме значения*

родная мать, обозначала и женская грудь [Радлов, 1899: 64].

В значении, «родитель женского пола» («родная мать») в киргизском литературном языке употребляется лексема *эне (мать):*

«эне» - 1. Баланы төрөгөн жана тарбиялап өстүргөн апасы, аял (баласына карата), женщина родившая и воспитавшая (по отношению к ребенку) Н.: Ак сүтүн берип өстүргөн, Ардактуу биздин энелер (Ж. Бөкөнбаев) Уважаемые наши матери, которые вырастили нас грудным молоком. Кадырлуу аппак энебиз, Карып калган кезинде (Казыбек) Когда наша дорогая мать стара. Эне сүтүн актоо – унутулгус карыз (макал). Незабываемый долг для оправдания грудного молока. Эне сыйлаган элге жагат (макал). Нравятся людям, которые уважают матерей.

3. Төрөгөн апасына, аялга жана өзүнөн улуу, улгайган аялдарга, кемпирлерге айтылуучу сөз (в обращении к женщине родившей (его, ее) и ко всем взрослым, старым женщинам) Н.: Жолдо кетип бара жаткан кемпирди көрүп Каныбек: - Эне, кайда баратасыз?- деди (К. Жантөшев) Мать, куда путь держите?- спросил Каныбек, увидев на дороге старуху.

Значение «родитель женского пола» («родная мать») в киргизском языке иногда выражается и лексемой *эже* (словарное значение: *тётя по отцу),* что отмечается и Л. З. Будаговым.

Он пишет, что «...в киргизском языке называют родную мать «тетей» *(эже)* или «старшей сестрой» (апче), но не матерью *(эне),* если только жива их бабушка и она живет вместе с ними» [Будагов, 1971: 243].

Семантическая характеристика лексемы *апа* показывает, что сема «кровное родство» является основной в семантической структуре лексемой *апа* тогда, когда она употребляется в значении «родная мать». В остальных случаях сема «кровного родства» в семантической ее структуре снимается, нейтрализуется и приобретает значение свойства.

В киргизском языке слово *апа* является функционально-семантическим компонентом нескольких синонимических рядов:

1) в значении «родная мать» *эне - апа;*

2) в значении «младшая жена отца» *апа – токол*

3) в значении «старшая сестра» *апа – эже.*

В качестве доминанта этих синонимических парадигм выступает лексема *эне («мать»).*

Доминантная лексема эне «родная мать» входит в состав нескольких функционально-семантических микросистем. Н.: 1) эне - ата; 2) эне - бала; 3) эне – эже и тайэже; 4) эне - таяке; 5) эне - кайнэне; 6) эне – тай ата ;7) эне - чоң эне; 8) эне - кичи эне и др.

В функционально- семантической микросистеме *эне — ата // эне – ата* синхронно - синкретично совмещены два значения:

1) значение «родители»;

2) «эр (муж) и катын (жена)».

В семантической структуре компонентов этой функционально-семантической микросистемы отсутствует сема (признак) «кровное родство»: они являются свойствами в отношении друг к другу, а не родствами. Компоненты остальных функционально-семантических микросистем (от 2- по 8) носят характер родства в отношении друг друга, в семантической их структуре общая интегральная сема-сема «родства», различаясь друг от друга в отношении отдельных дифференциальных сем.

Семантическая структура компонентов вышеприведенной функционально-семантической микросистемы различается друг от друга в отношении разных дифференциальных признаков. Например, семантическая структура компонентов 1, 3 - степень родства, естественный род, социальное положение (отец - глава семьи, мать подчиняется ему).

Компоненты парадигмы 4, 5, 6 - четыре: степень возраста, родственные отношения, естественный род (если компонент бала *дети* является сыном *мальчиком*), то сема «естественный род» сохраняется; если оно имеет значение *дочь*, то сема «естественного рода» снимается), социальное

положение (дети подчиняются матери);

Компоненты парадигмы 7, 8 - два: степень возраста, родственные отношения; в четвертой - три: степень возраста, естественный род, родственные отношения; в пятой - три: степень возраста, родственные отношения, социальное положение (*эне-апа «*мать*»* подчиняется кайн-эне «свекрови»).

В данном случае, слово *эне-апа* со значением «родная мать» употребляется снохой (келин) и является отношением свойства *«сноха»*); в шестой - четыре: степень возраста, родственные отношения, естественный род, социальное положение (*кайн - ата* - глава семьи); в седьмой - три: степень возраста, родственные отношения, социальное положение (*эне-апа* «родная мать» в семье подчиняется *чоӈ эне-кичи эне*, если она является младшей женой мужа; *чоӈ-эне* является главой семьи после мужа по отношению к *кичи эне-кичи апа* если она старшая жена мужа. В данном случае слово *эне-апа* семантически совпадает со словом *чоӈ- эне*).

В приведенных выше функционально-семантических микросистемах в качестве одного из членов парадигмы выступает лексема *эне,* общими (интегральными) для семантической структуры компонентов этих функционально-семантических микросистем является сема «кровное родство».

Сема «кровное родство» отсутствует в семантической структуре компонентов парадигм функционально-семантических микросистем эне-ата (мать-отец), эне - кайн - эне ***(*** *мать- свекровь-мать отца);* эне – кайн - ата. *(мать-жена, моего отца-тесть);* эне - чоӈ апа *(мать-старш. жена отца)*, эне- кичи апа *(мать-младшая жена отца).*

Денотаты значений компонентов парадигм этих функционально-семантических микросистем являются свойствами по браку, разного характера в отношении друг к другу.

Целью этой работы является: во-первых, выявление и характеристика

общего, что существует в области терминологии «родство», и, во-вторых, определение специфики каждого языка в пределах этой лексико-семантической группы.

В толковом словаре русского языка, под редакцией С. И. Ожегова обозначено:

«мать» - 1) Женщина по отношению к своим детям. Родная мать. Многодетная мать. Мать семейства (мать как глава семьи). Мать одиночка (женщина, родившая вне официального брака и воспитывающая своего ребенка без мужа; *разг.*) Неродная мать (мачеха). Н.: Родина мать (переносн. высокое) Лень- мать всех пороков (посл.)

3) Обращение к пожилой женщине или к жене, как к матери своих детей (прост.)

4) Название монахини, а также обращение к ней.

*В чем мать родила (разг) – без одежды голый. *Мать честная*! (разг) восклицание, выражающее удивление, радость, огорчение. *Мать моя*! (разг) - то же, что и *мать честная*. материнский, -ая, -ое (к 1 и 2 знач.) Н.: Материнские обязанности.

«мама» - То же, что мать (в 1 знач.) *ласк.* мамочка, -и, ж. мамуля, -и, ж. и мамуся, -и, ж. *прил*. мамин, -а, -о По-маминому,(разг) -1) по маминой воле, желанию 2) так, как поступает мама.

В словаре русского языка «мама» рассматривается:

«мама»- то же что мать (в1знач.) (преимущественно в обращении к матери или в разговоре о матери) Н.: У мамы во время сна мигрень проходит - заметила она. (И.С.Тургенев. «Вешние воды»)

*маманя - прост. почтит. то же, что мама. Тетя с маманей живы у тебя? Или сиротствуешь? (Б. Л. Васильев «А зори здесь тихие»)

*мамаша- то же, что мама. Н.: Дети говорили матери «мамаша» и «вы» целовали у нее руки. (В. В. Вересаев. «В юные годы»)

*маменька - ласк. разг.устар. мамочка - ласк., мамуся- разг. ласк.,

мамушка - ласк. устар. Мамка - прост. разг. устар.

«бабушка»- Мать отца или матери. Н.: Старуха, бабушка Фени,- подтвердила все показания своей внучки. (Ф. Достоевский «Братья Карамазовы») разг. старая женщина, старуха. Н.: С удивлением я узнал, что ей (тете) нет еще сорока лет. А мне она казалось настоящей бабушкой. (В. Каверин «Два капитана») [СРЯ].

С. И. Ожегов лексему «бабушка» интерпретирует:

«бабушка»- и. ж. 1. Мать отца или матери.

2. Вообще о старой женщине (разг.) *Бабушка надвое сказала* (погов.)- еще неизвестно что будет, может быть и так и иначе. ласк. *бабуся,*- и, ж. и *бабуля,* - и. ж.

«прабабушка» или «прабабка» - Мать деда или бабушки.

пра....приставка. Образует: 1) существительное со значением отдаленной степени прямого родства. Н.: прародитель, праотец, праматерь, прабабушка, правнук, правнучка.

А теперь рассмотрим матронимы старшего поколения в толковом словаре киргизского языка.

«апа» - 1. Баланын тууган энеси. женщина, которая рожала ребенка. Н.: Кол кабыш кылып калың эл, кор кылба карган апамы. (Токтогул) Помогите народ мой, моей старой маме, чтобы она не страдала. Журөк туйлап алкымыма тыгылды, «Апаң оор» деген сөздү укканда. (Т. Байзаков) Мне стало очень плохо, когда услышал новость о состоянии матери.

2. Жалпы эле энесиндей болгон аялдарга кайрылганда айтылуучу сөз, обращение вообще по отношению ко всем старшим женщинам. Н.: Алпештеп сүйүп өстүргөн апалар айтат саламды. (Ж. Бөкөнбаев) Все матери, которые растили нас приветствуют. Турсун апа, бай колхоздун сакчысы. Сан байлыктын ушунда алтын ачкычы. (А. Осмонов) Турсун- апа (мать) охранник богатого колхоза. И у нее находится золотой ключик.

«чоң эне»- 1. Атасынын апасы. Мать отца. Н.: Мен да чоңойгондо чоң

энем менен чоң атамды сөзсүз багам. (К. Жантөшов) Я тоже, когда вырасту, обязательно буду заботиться о дедушке и бабушке.

2.Улгайып калган аялдарга, кемпирлерге айтылуучу сөз. (в обращении взрослым и старым женщинам) Н.: Чоң эне эмне кылып жатасыз?- деди.

жолдон учураган чоочун кемпирге. Бабушка что вы делаете? - спросил, увидев на дороге незнакомую старушку.

«тай эне» - к сожалению, в толковом словаре киргизского языка значение этой лексемы нет. Авторы, видимо, решили, что достаточно будет дать толкование лексеме «*тай ата»*, здесь имеется ввиду, наверное, все родственники по линии матери.

Но в киргизско - русском словаре К. К. Юдахина подробно рассматривается матримониальные отношения в дефиниции *тай* 1:

«тай» - родство по материнской линии (это родство распространяется на целые роды и колена; принято считать, что хорошие или плохие задатки человека передаются по этой линии); жаман тайын тааныбайт, (поговорка) дурной родство по материнской линии не признает; жээниң да жок, тайың жок, жердеп турар жайың жок (фольклор), нет у тебя младших по материнской линии (см. жээн), нет у тебя старших по материнской линии, нет у тебя земли, где бы ты обитал; «тай ата» (*или таята)* дед по материнской линии; «тай эне» (*или таене*) бабушка по материнской линии; «тай эже» (*или таеже*) сестра по линии матери (*старшая или младшая*); «тай аке» (*или таяке*) старший родственник по материнской линии; «тааженє» (*вместо тай женє*) старшая родственница матери или жена старшего родственника матери; «тааежезде» (*вместо тай жезде*) муж сестры матери, дядя.

В отличие от якутского, в эвенкийском языке *тай* встречается в форме *тар* в значениях «двоюродные братья», «сыновья брата и сестры» Функционирование элемента «*тай»* в киргизском языке свидетельствует о

том, что между киргизскими и тунгусо-маньчжурским языками имеется определенное сходство, что не характерно для других тюркских языков. [Покровская,1961: 67].

Л. А. Покровская пишет, что в терминологии родства в языках тюркских народов термин *тай – дайы* занимает очень важное место: им обозначается все родство по линии матери.

По поводу элемента *тай* (один из его вариантов: *дайы*)

Она утверждает, «..что в киргизском языке, где существуют одновременно два фонетических варианта *тай* и *тага*, между ними имеется и семантическое различие, *тай* является общим термином для обозначения родства по матери и употребляется главным образом в составе сложных терминов родства, обозначающих отдельных родственников со стороны матери» [Покровская,там же].

Функционально-семантическое поле терминов родства «тай», «төркүн» нами рассматривалась в предыдущей главе. И мы можем утверждать, что лексема «тай эне» может интерпретироваться следующим образом:

«тай эне»- Апасынын апасы, кыздын балдарына карата. (мать матери по отношению к детям дочери). Н.: Гулнурдун балдары чоң - энесине караганда тайэнесин жакшы көрүшчү. Дети Гульнур больше любили бабушку (по линии матери), чем бабушку (по линии отца).

Опираясь на вышеприведенные примеры, сделаем следующие выводы:

- лексемы «мать, мама» и «апа, эне» в основном своем значении совпадают;

- прослеживаются переносные значения в обоих языках;

- в обоих языках лексемы многозначны и многофункциональны;

- лексемы «мать» и «апа» имеют синонимы;

- в отличие от русского языка в киргизском языке наличие лексемы, «бабушка», которая указывает на патрилинейные и матримониальные

отношения терминов родства;

- семантическое поле терминов родства интуитивно понятно носителю языка, и обладает для него психологической реальностью;

- в обоих языках матронимы старшего поколения имеют фразеосочетания «Родина Мать», «Жер Эне» и т. д;

- киргизская лексема *тай эне,* в русском языке передается словом *бабушка*, указывая на равнозначность родственных отношений, как по линии отца, так и по линии матери;

Опираясь на выше приведенные примеры, можно представить матронимы старшего поколения в следующей схеме:

русск.	он(а)	кирг.	ал(он(а))
	-мать, мама		-апа, эне
	-бабушка		-чоң эне, тай эне
	-прабабушка		

4. 2. Матримониальная система родства младшего поколения в русском и кыргызском языках

Как мы уже ранее писали, киргизам свойственно было соблюдать во всех отношениях иерархию. Это связано с укладом, образом жизни, культурой киргизского народа. В патриархальном обществе, глава семьи «он», и уважение, почитание «его» у современных киргизов тоже наблюдается. Н.: Эркектин алдынан кыя өтпө (народ.) т. е. независимо от возраста, женщины не должны были переходить (или идти впереди мужчины) дорогу перед мужчиной. Что касается матриархата, здесь тоже прослеживается иерархия (это касается и патронимов и матронимов)

В данном разделе рассмотрим семантические особенности матронимов младшего поколения в русском и киргизском языках, таких как: «дочь», «старшая, младшая сестра», «внучка», «правнучка» и «кыз»,

«эже и синди», «небере кыз», «чөбөрө кыз» и т. д. целями которых являются, во-первых, общая характеристика, что существует в области терминологии «родства», и, во-вторых, определение специфики каждого языка в пределах этой лексико-семантической группы.

Значение лексемы «дочь», «дочь моих родителей старше и младше антропоцентра «он(а)» широко распространено и в древнетюркских языках.

В письменных памятниках тюркских языков в данном значении употреблены лексемы ***eza*** (ДТС,192), ***еса*** (ДТСД62), ***ека*** (ДТСД67), ***ага*** (ДАТ, инд.35), ***эка*** (ДАТ, инд.40). В сарыг-югурском языке в значении «старшая сестра» функционируют разные фонетические формы одной и той же лексемы со значением «старшая сестра» ***ека, aka, aja, aga, heke-exke,*** и сложное слово ***guz aga*** (Э. Р. Тенишев). Разные фонетические варианты одной и той же лексемы со значением «старшая сестра» употребляются и в тунгусо- манчьжурских языках: ***эхи, эхе, эхеj, эгэ, жи, эким,*** [Тенишев, 1976: 307].

В словаре В. В. Радлова это значение выражалось и лексемой ***бапи.*** Кроме «старшая сестра», она обозначала и «старшая женщина» [Радлов, 1899: 64], которая не имеет отношения к системе значений родства и свойства.

В этимологическом словаре Э. В. Севортяна зафиксированы многозначные лексические единицы ***егеч-едес***, ***екежи -Zekegi***, ***егечи -Zejeci,*** одним из их основных значений является «старшая сестра» [Севортян, 1978: 349].

Об этимологии ***егеч*** Э. В. Севортян пишет: ***Егеч*** и более старое ***екеч*** - производное, образованное посредством древнего аффикса - *ч* - *с* уподобительно - уменьшительным значением от основ, eke: 1) «старшая сестра», 2) «тетя», 3) «старшая родственница», 4) «мать», 5) «самая уважаемая женщина в семье».

Значение лексемы «младшая сестра» или «сестренка» - один из самостоятельных семантических компонентов словосочетания в русском языке. В большинстве тюркских языков «младшая сестра» выражается лексемой *сиңди*. Этот термин семантически противостоит значению «старшая сестра» в русском языке, и названия их образуют парное слово, Н.: кирг. *эже –сиңди* = «сестры»

В киргизском языке значение *дочь моих родителей младше меня* «младшая сестра» выражается словами *сиңди* (в ласкательно-уменьшительной форме *сиңдике* «сестренка»), *карындаш,* словосочетаний *бир тууган сиңди*, *бир тууган карындаш*. Употребление *сиңди, бир тууган сиңди(-м, -си)* и *карындаш, бир тууган карындаш(ым)* имеют стилистический характер. Употребление *сиңди, бир тууган сиңди(-м,-си)* определяется в отношении старших сестер; *карындаш, бир тууган карындаш, бир тууган карындаш(ым)* - в отношении старших братьев; старшие сестры своих младших сестер называют лексемой *сиңди, бир тууган сиңди(-м,-си);* старшие братья - лексемой *карындаш* словосочетанием *бир тууган карындаш(ым)*

В русском языке в значении «дочь моих родителей младше меня» передаётся с помощью словосочетания «младшая сестра».

Широкоупотребительность терминов в значении «дочь моих родителей младше меня» в разных значениях в тюркских языках отмечается Л. А. Покровской.

Она пишет: «в тюркских языках термин *сиңди* обозначает не только родную младшую сестру, но и целый класс родственниц, могущих подойти под русское понятие «племянница», т. е. дочь сестры или брата матери, дочь сестры или брата отца и т. д.» [Покровская,1961: 76].

Но следует отметить, что *дочь* или *сын* сестры матери в киргизском языке обозначается отдельной лексемой *бөлө*, а дети брата матери *тагалар, тай эжелер*, об этих терминах родства, мы писали в предыдущей главе.

«сиңди» - 1. Аялдардын же кыз балдардын өзүнөн кичүү кыз бир-тууганы.(обращение всех взрослых женщин и девушек к молодым девушкам) Н.: Үйрөтүп Зуура жүргөндүр, Ээрчитип нечен сиңдисин. (А. Үсөнбаев) Зуура наверняка учит младших сестер. 2. Жалпы эле өзүнөн кичүү, аялдар, кыздар (улуу аялдар кыздарга карата) (в обращении к девушкам младше *антропоцентра,* обращение старших к младшим) Н.: Эжеси кийген тонду синдиси да кийет. Тулуп, который одевала старшая, достанется и младшей.

В киргизском языке значение «старшая сестра», выражается лексемой *эже,* и, рассматривается в толковом словаре киргизского языка так:

«эже»- 1. Бир тууган же туугандык жакындыгы бар, жашы улуу кыз же аял (по возрасту старшие все женщины или девушки, по отношению к близким или двоюродным родственникам) Н.: Эже кийгенди сиңди кийет (макал) Обноски старшей сестры, достанутся младшей сестре. Эжени көрүп сиңди өсөт, аганы көрүп ини өсөт (макал), младшая будет расти, подражая старшей, младший брат растет, как старший. Көздөй жакын эжебиз эле сиз болуп калдыңыз («Ала-Тоо») Вы стали для нас самой родной.

В современном русском языке в значении «дочь моих родителей старше меня» выражается через словосочетание *старшая сестра.*

Семантическая структура *старшая сестра* (кирг. *эже)* состоит из трёх самостоятельных значений:

1) «старшая сестра, старше всех других старших сестер» (в отношении говорящего - субъекта);

2) «старшая сестра, младше самых старших, старше других старших»;

3) «старшая сестра, старше адресанта, младше всех других старших сестер»;

Значение *старшая сестра, старше всех других старших сестер* в русском языке выражается описательным способом - через сложные синтагмы, в составе которой имеется лексема *старше;* словосочетание *самая старшая* (в киргизском языке *чоң, чоң эже-м или улуу эже-м).*

Значение *младшая сестра, младше самых старших, старше других старших сестер* выражается тоже описательным способом - синтагмой, в составе которой имеются:

1) лексема: *средняя* (кирг. *ортончу);*

2) словосочетание: *моя средняя старшая сестра (ортончу эжем).*

В киргизском языке в значении *старшая сестра, старше (меня), младше всех других старших сестер* употребляется словосочетание, в составе которого имеется лексема *кичи*: *кичи эже(м), кичи эже(ң), кичи эже (си)..*

Функционально-семантическое строение словосочетания *ортончу эже (м-ң-си)* сложнее, чем функционально семантическое строение словосочетаний *чоң эже(м-ң-си), кичи эже(м-ң-си).*

В семантической структуре «*ортончу эже»* три самостоятельных значений: 1) «старший», «большой»; 2) «младший», «маленький»; 3) «средний», Среди них основной является сема *средний.*

Лексема «эже» «старшая сестра» в киргизском языке одинаково употребляется в отношении старших женщин по возрасту того, кто их произносит: мужчина или женщина.

В семантической структуре *старшая сестра - эже,* кроме семы «женский пол», основной является сема *старше других.* На почве этой семы семантической структуры *эже - апче*, эта лексема имеет гетеронимическую связь с лексемой *ака (аке)* «старший брат» и вместе с ним образует функционально-семантическую микросистему в значении *старшие дети-дитя одних и тех же родителей* («старший брат», «старшая сестра»).

В составе функционально-семантической микросистемы оба ее члены приобретают характер гетеронима в отношении друг друга.

На почве другой господствующей семы-семы «женский пол», компонент данной функционально-семантической микросистемы *эже* приобретает характер гипонима в отношении другого ее компонента:

1) *эже-эне «*старшая сестра - мать, мама»;

2) *эже-сиңди* «старшая сестра - младшая сестра»;

3) *эже-эже* «старшая сестра-тетя по отцу»;

4) *эже-таеже* «старшая сестра-тетя по матери»;

5) *эже-чоң эне* «старшая сестра—бабушка по отцу»;

6) *эже-тай эне* «старшая сестра — бабушка по матери» и т. д.

На почве другой основной семы- семы «старшая» в семантической структуре лексема *эже* в киргизском языке имеет семантическую связь и с лексемами *ата* «отец», *ага – байке* «дядя по отцу», *тага - тай аке* «дядя по матери», *чоң ата* «дед по отцу», *тай ата* «дед по матери».

Следует отметить:

- семантическая связь между лексемами *эже* и вышеуказанными лексемами отличается от семантической связи, осуществляющейся между *эже, ага* - старший брат, по отношению и характеру ассоциации;

- между первыми группами имеет место дальняя ассоциация, между вторыми *эже-апче, ага-байке* – ближняя ассоциация.

Слово «дочь» С. И. Ожегов в толковом словаре русского языка рассматривает следующим образом:

«дочь» - 1. Лицо женского пола по отношению к своим родителям. Н.: Мать с дочерью. Взрослая дочь. 2. Ласковое обращение пожилого человека к девочке, молодой девушке (прост.) уменьшительно - ласк. доченька, -и, ж.

«внучка» - дочь сына или дочери. Н.: Внучка попросила бабушку, чтобы она купила ей куклу.

«правнучка» - 1) дочь внука или внучки. 2) обычно мн. ч. (правнучка, правнучки) Потомки. Н.: Настроем мы дач, и наши внуки, и правнуки увидят тут новую жизнь. (А. П. Чехов «Вишневый сад»)

*правнучатая - 1. являющейся, родственником дальше третьего колена. [СРЯ].

Лексема «кыз» в толковом словаре киргизского языка интерпретирована:

«кыз» - ата –эненин ургаачы жыныстуу баласы, ургаачы жыныстуу, бойго жете элек же бойго жеткен жаш адам (ребенок родителей женского пола, все подросткового или младшего возраста лица женского пола) Н.: Машинада бара жаткан инженер Лиза аттуу кызын эстеп күрсүндү (Сасыкбаев). Инженер, который ехал на машине, с грустью вспомнил о дочери, которую звали Лиза. Бүкөнтай, бучук мурун үч жашар кыз (Осмонов) Бүкөнтай, курносая трехлетняя девочка. Сабак убактысы кандай өткөнүн кыздар сезбей да калды (С. Сасыкбаев) Девочки даже не заметили, как закончились занятия.

Лексема *небере* нами уже рассмотрен в патрилинейной семе, поскольку в киргизском языке отсутствует категория рода, для обозначения термина родства женского пола, «дочери сына по отношению он(а) к «антропоцентру» в киргизском языке исползуется одна и та же лексема *небере*. Но следует отметить, что именно *дочь сына*, а не дочери. Заметим, что для обозначения *детей дочери* в киргизском языке употребляется другая лексема *жээн*.

Таким образом, «небере»(кыз) - дочь сына *внучка* по отношению к родителям отца. Н.: Менин балам мага кызын таштап кетти. Мой сын мне оставил внучку.

«жээн»(кыз) –дочь дочери *внучка* по отношению к родителям матери. Н.: Менин кызым мага кызын таштап кетти. Моя дочь мне оставила внучку.

Как видно из примеров, киргизский язык определяет различие внучатых родственников на лексическом уровне, а русский - на морфологическом.

Рассмотрев выше приведенные примеры, можно сделать следующий вывод:

- лексема «дочь» и «кыз» в основном своем значении совпадают, но

киргизский термин родства «кыз» в переводе на русский язык обозначается как «девушка». Чтобы лексема «кыз» имела то же значение, что и «дочь» в киргизском языке употребляется следующий притяжательный суффикс -ы), который обозначает принадлежность т.е. кыз-ы, «дочь»;

- лексем в киргизском языке, обозначающий термин родства младшего поколения матронимов больше, чем в русском языке;

- лексемы «внучка» и «небере кыз» в основном значении совпадают;

- лексема «небере кыз» в киргизском языке имеет синонимичную лексему «жээн», который обозначает дочь или сын дочери;

- на «три» лексемы русского языка, обозначающие термины родства матронимов младшего поколения приходится «семь» и более лексем киргизского языка, но они являются менее употребительными;

- функционально – семантическое поле терминов «кровного родства» имеет общий семантический признак, согласно теории Р. Мейера - является дифференцирующим фактором;

- наличие отдельных терминов в киргизском языке обусловлено с культурой, традициями и обычаями киргизского народа;

- семантическое поле терминов кровного родства интуитивно понятно носителю языка, и обладает для него психологической реальностью;

- семантическое поле терминов «кровного родства» автономно и может быть выделено как самостоятельная подсистема языка;

4. 3. Функционально-семантическое поле терминов родства женского пола по прямой линии в русском и кыргызском языках

Гетеронимические отношения возникают при парадигматической связи разнокоренных единиц, различных по морфемно - семантической структуре. Гетеронимическое отношение – «это свойство разнокоренных единиц вступать в системные отношения непосредственно на основе взаимообусловленности категориального и дифференциального признаков - целесообразно назвать гетеронимией ..поскольку данный термин лучше отражает специфику таких коррелятов - их *разноименность*. Свойство разнокоренных единиц вступать в системные отношения непосредственно через их соотнесенность с регулярными рядами однородных единиц - целесообразно называть супплетивизмом (морфологический супплетивизм как разновидность проявляется в корреляции морфем), так как данный термин подчеркивает способность разнокоренных коррелятов «дополнять» друг друга по образцу однокоренных коррелятов» [Конецкая, 1973,184].

Основываясь на это определение, можно полагать, что термины родства в тюркских языках связываются друг с другом гетеронимическими отношениями. В частности, с позиции антропоцентра «он(а)» кирг. *ата* «отец» имеет гетеронимическую связь со словами *баба* «дед» *ата-баба,* дословно, «отец-дед»), *эне* «мать» (*ата-эне «*отец-мать»), *бала «*дитя» (*ата-бала «*отец-дитя»).

Термин *бала* семантически безразличен по отношению к естественному роду под давлением нейтрализации мужского и женского полов. Кроме этого, *ата «*отец» имеет функционально-семантическую связь со словами *аба «*дядя по отцовской линии», *эже «*тетя по отцу».

Функционально-семантические микросистемы, одними из их гетеронимических членов являются термины родства *чоң- ата - баба «*дед», *эне апа «*мать», *бала, перзент «*дитя», имеют обобщающие

(категориальные) значения. Эти значения носят характер гиперонимов по отношению к членам данных функционально-семантических микросистем. Члены определенной функционально-семантической микросистемы являются гипонимами. Гипоним как семантически подчиненное понятие гиперонима, входит в его состав и проявляет его денотативное значение. Гипонимо - гиперонимические отношения - это отношения родо-видого характера. Об особенностях гипонимов и гиперонимов А. А. Новиков пишет следующее: «Гипонимия характеризуется привативными оппозициями единиц, включенных дистрибуцией, совместимыми подчиненными понятиями ..., лексическая единица *слон* выступает как гипоним по отношению к животным, *тюльпан* - по отношению как цветок, *день* - по отношению к суткам и т. д. Наоборот, с точки зрения обратного отношения (субординации), *животное, цветок, сутки* будут выступать как гиперонимы по отношению к соответствующим словам [Новиков, 1982: 272].

Данное определение о гипонимических отношениях вполне характерно и для терминов родства изучаемых нами языков. При участии термина родства *ата отец* со значением «родителя мужского пола» в киргизском и русском языках образуется ряд функционально-семантических микросистем, между членами которых имеются родо-видовые отношения, которые носят гипонимический характер. Н.: при помощи лексем *ата отец* и *эне мать (родитель женского пола)* образуется микропарадигма функционально-семантической микросистемы со значением «родители». Членами данной микропарадигмы данной функционально-семантической микроистемы являются гипонимы *ата «*отец» (родитель мужского пола) и *эне* «мать» (родитель женского пола). Гипоним *ата* в киргизском языке вместе с гипонимами *баба* «дед» образует парадигму функционально-семантической микросистемы *ата-бабалар* со значением «предки», с гипонимами *бала* «дети» - парадигму функционально-семантической микросистемы *ата-бала* со значением «совокупность».

В отдельных случаях гипонимы (например, *эне «мать», бала «дитя»* и др.) функционально - семантически совпадают с гетеронимами, т.е. гипоним приобретает характер гетеронимии. При гетеронимических отношениях разнокоренные единицы с разными значениями вступают в системные отношения. Семантические компоненты гетерономических парадигм отличаются друг от друга в отношении взаимообусловленности категориальных и дифференциальных признаков их семантической структуры. Н.: Ата - энеңе эмне айтайын?- Салам. (К. Акматов) Что мне передать твоим родителям? - Привет.

В этом предложении взаимосвязь лексемы *ата (отец)* и *эне (мать)* представляет собой функционально-семантические компоненты Гетеронимической парадигмы со значением «родители» *(ата-эне).*

В функционально-семантической микросистеме лексем *ата-баба* «отец-дед», *ата-эне* «отец-мать», *ата-бала* «отец-дитя» - «дитя» гипонимические их члены совпадают с гетеронимом. Между компонентами ФСМС *ата—баба* «отец-дед», *ата* «отец*»-эне* «мать» и др. осуществлены гетеронимические отношения.

В таких случаях под влиянием явления синкретизма в семантической структуре членов парадигмы ФСМС совмещаются значения гипонима и гетеронима. Н.*: Ата-бабам өткөн жер,*

Айланайын Ала-Тоо. (А.Токомбаев).

Земля моих предков,

Ты прекрасен Ала-Тоо.

В свою очередь, можно сказать, что гипоним и гетероним - разные явления лингвистического плана. Как выше было сказано, гипонимы связаны с понятием гиперонима и гиперонимических отношений, а гетероним - с понятием гетеронимии и гетеронимических отношений. Гетеронимы и их отношения основываются на устойчивой ассоциативной связи членов ФСМС в определенном значении. В отличие от гетеронимов и их отношений,

гипонимы и их отношения не основываются на такой связи. Между членами гипонимических отношений не всегда устойчивое ассоциативное отношение. Гипонимические отношения функционируют между членами парадигмы ФСМС и лексем *эже* «тётя по линии отца, т. е. «сестра (моего) отца» и *ата* («отец»).

В этой ФСМС члены парадигмы не всегда семантически устойчиво ассоциируют друг с другом. В киргизском языке между лексемами *ата* (отец) и *тай эже* («сестра (моей) матери» - «тетя по линии матери») выявляются отношения кровного родства, чем отличаются от членов парадигмы ФСМС лексем *ата* и *тай эже* «отец дочери и дочь отца» — «отец и тётя по линии матери», *ата* «отец (моей) матери» и *тайаке* «брат (моей матери»—«дядя по линии матери". Значения родства между компонентами ФСМС *ата* и *тай эже, отец (моей) матери* - *сестра (моей) матери, ата отец (моей) матери – тайаке брат (моей) матери* определяются по отношению к детям и племянникам, отношение между членами первой функционально-семантической микросистемы.

Семантическая система подобного характера отношений кровных и некровных родств свойственна всем членам парадигмы ФСМС в значении родства и свойства женского пола в изучаемых языках.

Эта особенность взаимоотношения справедливо отмечается в работах, которые посвящены изучению терминов родства: в лексемах со значением родства и свойства отражаются значения, предполагающие друг к другу лиц, между которыми имеются кровные родства и свойства.

Терминами *отношение* выражаются способ сравнения или рассмотрения двух вещей вместе и присвоения имени на основании этого сравнения одной или обеим, иногда самому отношению. Слова, выражающие отношения, называются относительными словами. Относительные слова, помимо того, что они имеют очевидный признак отношения, как бы объясняют друг друга и способны существовать только вместе. Термины

родства представляют собой одну из разновидностей относительных слов [Джафаров, 1974: 22-32].

Относительный характер единиц лексико-семантического поля со значением «родство» заключается в том, что в них выражаются обоюдные многосторонние отношения родства или свойства людей, чем определяется лингвистический характер ФСМС, и их компонентами выступают именно нами рассмотренные лексемы со значением родства или свойства.

Семантическая структура членов парадигмы ФСМС в значении «родитель женского пола-родитель мужского пола» *(ата - эне, отец - мать)* как в киргизском, так и в русском языках, различаются друг от друга в отношении трёх дифференциальных признаков (сем): 1) *естественный род, 2) степень возраста 3) социальное положение*.

Семантическая структура членов функционально-семантической микросистемы в значении «родитель женского пола-сын моей матери» *(эне мать - бала, сын*) различна тоже в отношении трёх признаков (сем): *2) степень возраста, 1) естественный род* (если *бала* является мальчиком), *3) социальное положение.*

Своеобразные дифференциальные признаки свойственны и членам функционально - семантической микросистемы в значении «сестра моего отца-отец мой» (*эже - ата, сестра моего отца—сам отец (*в русском языке: *тётя по отцу - сам отец)* «отец и тетя по отцу». Характер семного строения значения членов ФСМС в значении «родитель мужского пола-старшая сестра моего отца» *ата – эже, отец-старшая сестра отца* не отличается в количественном отношении от семного строения членов предыдущих функционально-семантических микросистем, в ней тоже три: *1) естественный род, 2) степень возраста, 3) социальное положение.*

Слово *эне* в киргизском языке, *мать* в русском, как было сказано выше, с другими словами в значении родства и свойства образуют парадигматические ряды ФСМС в значении: 1) гиперонимо -

гипонимическая микросистема: *ата – эже* «отец» - «тетя по линии отца». В этих ФСМС, составные их компоненты имеют общую интегральную сему «кровного родства» и одновременно различаются друг от друга в отношении разных, свойственному каждому компоненту отдельно, дифференциальных сем.

Схема №1. Термины родства русского языка.

Отец		мать	1. Естественный род
тетя	он(а)	тетя	2. Степень возраста
(сестра отца)		(сестра матери)	3. Соц. положение

Схема №2. Термины родства киргизского языка.

ата (отец)		эне(мать)	1. Естественный род
эже	ал(он(а))	тайэже	2. Степень возраста.
(карындашы		(сиңдиси	3. Соц. положение
же эжеси)		же эжеси)	

4. 4. Функционально- семантическое поле терминов свойства по браку: «жена», «аялы» в русском и кыргызском языке

Значение «свойства» является одним из разновидностей семантического плана нескольких лексем, совокупность которых носит характер своеобразного функционально-семантического поля словарного состава каждого языка.

Следует отметить, что между значениями свойства и родства имеется определенное сходство, поэтому в исследованиях, посвященных изучению системы терминов родства и выразительные средства «свойства» рассматривались как термины родства. Однако значения свойства и родства и их выражения разные понятия семантического плана лексики языка. Денотаты значений родства и свойства отличаются друг от друга в

отношении наличия и не наличия «по крови». Денотаты значений родства взаимосвязаны друг с другом «по крови», что отсутствует между денотатами значений свойства. Денотаты значений свойства просто близкие по разному социальному характеру, а не связаны между собой по крови.

Одно из широко распространенных значений свойства женского пола является «жена» и ***супруга,*** один из главных членов семьи, вместе с денотатом значения «муж матери (антропоцентра)» («супруг»), денотат значения «супруга» подчиняется антропоцентру значения «супруг», поэтому сема «супруг» считается единственным господствующим членом семьи по отношению к другим членам семьи.

Значение «супруга» в киргизском литературном языке выражается с помощью двух лексем: *аял, катын,* а в говорах в значении «супруга» употребляются *жубай, колукту, зайып, келинчек, жар, жолдош, байбиче, кемпир, ургаачы, айым.* Семантике этих лексем *(аял, катын)* в киргизском языке соответствует слово *жена* в русском языке.

В лексикографических источниках киргизского языка (Абдувалиев, А.) лексема *аял* толкуется как *женщина, жена, супруга Н.: Аял жакшы - эр жакшы; жена хороша - (так и) муж хорош),* из них значение последних двух – «*жена»* и «*супруга»* относятся к плану содержания свойства, а значение «женщина», обозначая значение лица женского пола вообще, не относится к рассматриваемой теме. Н.: Аялга чандырган арсыз эркек болуп калышым кантип эстен чыгат! Менин аялымдын адам сыягы жок кулду, менден артык көрүп ээрчип кеткени ичимди ачыштырып атпайбы. (Ала-Тоо) Меня очень огорчает, что меня бросили, и мне обидно, но обидней, как вспомню, что моя жена предпочла того негодяя, рабского происхождения.

В значении «глава семьи женского пола» в киргизском языке употребляется лексема катын, синоним лексемы аял.

В киргизско – русском словаре Юдахина К.К., зафиксированы четыре

значений (ЛСВ—лексико-семантические варианты) лексемы *катын:*

ЛСВ 1— «жена»;

ЛСВ 2— «женщины»;

ЛСВ 3— «пожилая женщина»;

ЛСВ 4— «баба».

Из этих ЛСВ (значений) лексемы *катын* только первое относится к значениям свойства, остальные не имеют отношения к значениям свойства.

- лексема *катын,* отличаясь от ее синонимического эквивалента *аял,* имеет гетеронимическую связь с лексемами *кыз* и вместе с ней образует парное слово «*катын-кыздар»* в значении «женщины» вообще;

- в форме *«катын менен кыз - келин»*—«пожилые женщины», «девушки и молодухи», не являются свойствами;

Функционально-семантическая возможность лексемы *катын* шире, чем ее синонимической пары лексемы *аял.* Это объясняется тем, что лексема *катын* имеет супплетивное отношение с лексемой *кыз (в значении дочь),* вместе с ней образует эквонимическую парадигму со значением «все лица относятся к женскому полу» (*совокупность лиц женского пола)»* лексемой «*эр».*

В толковом словаре русского языка (под редакцией С. И. Ожегова) «жена» рассматривается следующим образом: 1) женщина по отношению к мужчине, с которым она состоит в официальном браке (к своему мужу). Н: Брать в жены (жениться; устар). *Аял кылып алуу*. 2) то же, что женщина (в1 знач) Н.: Славные жены отчизны. Ата – мекендин данктуу аялдары.

В словаре русского языка в четверых томах, лексема «*жена*»- рассматривается в двух значениях:

1. Замужняя женщина (по отношению к своему мужу) Н: Марья Генриховна была женой полкового доктора, молодая хорошенькая немка, на которой доктор женился в Польше (Л. Н. Толстой «Война и мир») Марья

Генриховна полктун докторунун аялы болчу, ага доктор Польшадан үйлөнгөн.

1. Устар. то же что женщина. Н: Здесь люди вольны, небо ясно и жены славятся красотой (А. С. Пушкин «Цыган»). Бул жерде эл эркин, ачык асман жана аялдарынын сулуулугу менен таанымал. [КТТС].

«аялы» -1. Эрге тийген зайып, эркектин жары - замужняя женщина, жена мужчины. Н.: (Кабанова) ..станет ли тебя жена бояться после этого? (А. Н. Островский «Гроза») ....ушундан кийин аялың сенден коркот деп ойлойсунбу?

В словаре русского языка в четырех томах, лексема «супруга» трактуется следующим образом:

«супруга» -и, ж. жена (в 1знач.) Н: Первая супруга Федора Павловича была из довольно богатого и знатного рода дворян Миусовых, (Ф. Достоевский «Братья Карамазовы») Федор Павловичтин биринчи аялы абдан бай жана белгилүү дворян тукуму Миусовдордон болчу.

В «киргизско-русском словаре» под редакцией К. К. Юдахина лексема «аялы» рассматривается так:

«аялы» - эрге тийген зайып, эркектин жары. - замужняя женщина, жена мужчины.

В древней латыни слово *генъ* имело значение *катын «*жена». Значение *катын жена* в готском языке, выражалось с помощью лексем *gino, gens* , функционально-семантическими их эквивалентами в санскрите являлись лексемы *jani, ginci,* которые семантическую связь имеют с древнерусским *genna,* старославянским *zena «*жена» со значением «супруга бога». Отсюда и русское слово *жена*. Мы полагаем, что и лексема *эне,* в киргизском языке генетически восходит лат. *gen, гот. gino, gens,* санскр. *jani, gna,* древнерус. *genna,* старославянскими *zena* «жена» и русским *жена.* [13].

В современном киргизском языке активно функционирует слово «жеңе», как обращение к жене старшего брата. На наш взгляд, видимо, эти

слова не просто созвучны, а имеют *ностратические корни.*

В науке общепризнано, что фонетические процессы чередования ***г / ж / й*** - закономерное явление для тюркских языков.

В древних тюркских памятниках зафиксированы два фонетических варианта этого слова *gatun* или *xatun*, различающиеся начальным согласным. Это различие по начальному согласному наблюдается и в современных тюркских языках, в том числе киргизском. Но в современном киргизском языке лексема *катын* мало употребляется, потому что, стало считаться просторечной формой.

По своей семантике слово катын - хатун мало дифференцировано. Во всех тюркских языках основное его значение - *женщина*, *жена*.

«катын» - аял, зайып - жена (аялы деген сөзгө караганда одонороок мааниде колдонулат), (употребляется реже, чем лексема «аялы», потому что приняла грубую форму) Н.: Жакшы болсо катыныңа, келип турат жакынын. (макал) Если жена хорошая, родственники будут приходить (посещать) [КТТС].

В киргизско-русском словаре под редакцией К. К. Юдахина лексема *катын* трактуется следующим образом:

«катын» - жена, женщина; пожилая женщина; груб. баба (ср. аялы 2) Н.: катын жакшы эр жакшы(поговорка) жена хороша, (так и муж)хорош (репутацию мужа создает жена);

2 «катын менен кыз-келин» - женщины (пожилые женщины и девушки молодухи) катын ал - жениться; катын алып ал –взять в жены. Н.: Катын алсан отун ал (поговорка) любишь кататься, люби и саночки возить.(букв). Взял жену, бери и дрова (т.е. думай о хозяйственных заботах)

Катын – кыздар – общее название;

Кичи катын (уст) – молодая жена

Катын баакы - женоподобный мужчина, (в отношении поведения и повадок);

Катындын карасы – красивая миловидная женщина;

Лексема «жубай» выступает синонимом слова «аял»

«жубай» - баш кошкон аял эркектин бири, эрди-катындын бири- одна из пары состоящих в официальном браке женщина или мужчина. Н.: Антташканым Гулайым, акыреттик жубайым (Эр Тоштук). Поклялись мы с Гулайым (она) супруга (жена) на веки. [КТТС].

суженый, суженая, супруг, супруга Н.: жубайынан ажырады. он лишился супруги (жены), она лишилась спруга (мужа)

«жубан» - а) ир. молодая женщина. молодка. красотка Н.: Күйгөндөн сөздү курадым күйгүзбөчү жубаным (фольк) От любви я слова рифмовал, не заставляй (меня) страдать? моя красотка. Атка бербес кунан бар, кызга бергиз жубан бар. Бывает третьяк, которого не променяешь на коня, бывает молодуха, которую не променяешь на девицу.

Наряду с единицей «жубан» в киргизском языке встречается еще одно заимствованное слово с арабского языка «зайып» .

«зайып» - ар. аял, жубай - жена, супруга Н.: Мен Каныбектин зайыбы Анархан боломун. (Жантөшов) Я жена (супруга) Каныбека, Анархан. Калмурат да зайыбы Алима да келинге ыраазы болуп калышты (Калмуратов). И Калмурат, и жена (супруга) его Алима остались довольными невесткой

«зайып»- ар.1.женщина; Айчүрөк баштап он зайып жаңжалдашып турушту; олжого түшпөй, байкуштар, опсуз салды урушту (фольк). Все женщины во главе с Айчурөк бились; не сдаваясь в плен, бедняжки, отчаянно сражались;

Заметим, что Т. Сыдыкбеков свой роман, посвященный великим женщинам Кыргызстана XX века, назвал «Зайыптар» («Женщины»)

Следующий синоним «жары» в толковом словаре киргизского языка интерпретируется так:

«жары» - жубайлардын бири аялы же күйөөсү (улгайганга чейинки

мезгилге карата) одна из пары муж или жена. (до 40-45лет) Н.: Алымкул өзүнүн башына түшкөн жамандыкты өзүнүн сүйгөн жары Гүлайымга баяндап берди. (Абдукаримов) Алымкул рассказал своей любимой жене Гүлайым о бедах, которые пережил.

У К. К. Юдахина: «жары» - возлюбленная, возлюбленный, друг сердца; өмүрлүк жар, подруга жизни (жена) Н.: бир тойдо эки жар болбойт (погов.) на одной свадьбе двух возлюбленных не бывает (т.е. сразу на двух не женятся;

Следующая лексема «токол» - также является синонимом слова «аял»

В киргизском обществе господствующее положение занимали отношения родства. Как в системе родства, так и в реальной жизни отражались и оказались в той или иной степени действенными некоторые другие формы родственных отношений, восходящих к весьма отдаленному прошлому. Терминология у киргизов имеет все характерные черты классификационной системы. В патриархально-феодальном обществе многоженство было естественным спутником в системе, использовалось как одна из форм женского труда.

Следует отметить, что подавляющая часть киргизского этноса в прошлом жила в единобрачии. Многоженство практиковалось как необходимость в среде кочевой знати. Тем более такие взгляды и традиции получили опору не только в мусульманской религии, освящавшей институт многобрачия, но и в нормах обычного права.

Номадическая культура предполагала смену мест обитания минимум 2 раза в год по принципу: летовка - зимовка (жайлоо-кыштоо). А как в таких условиях справится с домашним скарбом молодая женщина, чаще с малыми детьми, без мужа? Молодые мужчины погибали, или в походах, или защищая свое отечество от чужеземных захватчиков, или в междоусобных стычках, таким образом, уменьшая количество мужчин, увеличивая количество женщин-вдов. Вот и возникала необходимость как-то помочь ей,

пристроить.

Патриархальная система ценностей предполагала сохранить членов рода. А как? Приходилось поручать такое святое дело самому близкому родственнику вдовы по линии мужа. А чтобы он нес полную ответственность, связывали их брачными узами. Чаще всего этот человек был родным братом погибшего (или умершего) мужа молодой женщины. Так формировался институт левирата («токол алуу»). А все остальные случаи имеют социально-бытовые причины, типа: первая жена долго не рожает, мое богатство позволяет мне иметь несколько жен, шарият разрешает заводить до *четырех* жен и тому подобные пороки человека.

Одним словом, институт двоеженства (или многоженства) до XX века успешно решал гендерную, демографическую и социальную политику.

К. К. Юдахин лексему *токол* интерпретирует следующим образом:

1. «молодая жена» (при живой старшей жене) Н.: токолдун балдары- дети младшей жены или младших жен (пользовались меньшими правами, чем дети старшей жены); биз токолдун балдарыбызбы?- а мы что - обсевки в поле что ли? (букв. А мы то - разве дети младшей жены?).

В русском языке подобное понятие отсутствует. Это обусловлено традициями и обычаями славянского и, в том числе, русского народа. Для того чтобы женится второй раз, нужно было развестись с первой женой. В истории славянских народов полигамия не прослеживается. Это считалось нарушением всех общественно-культурных и религиозных канонов.

Таким образом, можно сделать вывод, что в русском и киргизском языках рассматриваемые лексемы *аял, катын. жена* многозначны и многофункциональны, имеют синонимы и фразеосочетания, в семантическом отношении тождественны во всех отношениях, но одной лексеме русского языка соответствует 6 единиц киргизского языка.

- лексемы *жена* и *аялы* в основном своем значении совпадают;
- прослеживаются переносные значения в обоих языках;

- в обоих языках лексемы многозначны и многофункциональны;

- лексемы *жена* и *аялы* имеют синонимы;

- в отличие от русского языка термины родства в киргизском языке имеют фразеосочетания, такие как: *катындын карасы*, *катын-кыздар*, *катын - калач*;

- лексемы *жена* и *токол* семантически совпадают, но дифференцируются по социальному положению;

- одной русской лексеме «жена» соответствует шесть и больше киргизских лексем;

- в киргизском языке прослеживается влияние арабского и иранского языков;

- для русского языка лексема «токол» является *лакуной;*

Схематически это можно представить так:

	- катыны
	- аялы
Жена (супруга)	- зайыбы
	- жары
	- жубайы
	- токолу

4. 5. Функционально-семантическое поле терминов свойства «сваты», «кудалар» в русском и кыргызском языках

В плане содержания «свойство, связанное с браком» важное место занимает значение *родители жениха и невесты* (по отношению друг к другу), которое выражается в киргизском языке с помощью лексемы *кудалар,* что в русском языке выражается лексемой *сваты*.

Куда, в толковом словаре киргизского языка интерпретировано:

«куда»- Күйөө менен келиндин аталарынын же алардын агайын-

туугандарынын бири - бирине карата аталышы, жакындыгы. (отцы, мужа и жены, а также все родственники мужского пола обоих сторон по отношению друг к другу) Н.: Атабек куданын айтканы айткандай болсун. (К. Жантөшов) Пусть будет так, как сказал сват Атабек.

От основы *куда* образовались в киргизском языке слова и фразеологизмы *куда – кудача -кудагый, кайчылаш куда, куда башы* и др.

К содержательному плану системы терминов свойства относятся и значения «молодая родственница жениха» по отношению к родственникам невесты), «молодая родственница невесты» (по отношению к родственникам жениха), которые в киргизском языке выражаются с помощью двух лексем *кудача* и *кудагый.* Эти значения в русском языке выражаются одной и той же лексемой - лексемой *сватья.*

Отсюда следует вывод о том, что план выражения значения «молодая родственница жениха и невесты» сложен в киргизском языке, чем план выражения данного значения в русском языке.

Кроме этих, к плану содержания свойства относятся в киргизском языке и значения «главный сват», «перекрестные сваты», первое из них выражается с помощью сложного слова *куда башы;* а второе - с помощью сложного слова *кайчы куда,* которое имеет и ЛСВ *кайчылаш куда* (тоже сложное слово).

Значения «молодая родственница жениха», «молодая родственница невесты», «главный сват» и «перекрестные сваты» являются этнографическими понятиями в киргизском языке и имеют семантические эквиваленты в обрядовой системе русского народа.

От лексемы *куда* еще образованы сложные слова типа *бел куда, бешик куда («родители, просватывающие своих детей с колыбели»), бел куда («родители, просватывающие своих еще не родившихся детей»),* которые обычно относятся к отцам родившихся и не родившихся еще малышей, поэтому они находятся вне темы нашего исследования.

Отец и мать мужа *(по отношению к жене), отец и* **мать жены** *(по отношению к мужу)* одним из распространённых значений плана содержания свойства, не только в киргизском и русском языках, но и в языках всех народов и национальностей мира.

Значения *отец и мать мужа, отец и мать жены* **(«родители и женщины и мужчины вообще»)** в киргизском языке выражаются одними и теми же лексемами: *кайната* и *кайнене.*

В киргизском языке при выражениях родственников и родственниц по мужу или жене активно употребляется компонент «*кайын»,* без его участия не формируется план содержания понятия свойства по браку. Н.: «*кайын ата»* (отец мужа по отношению к мужу или жене); «*кайын эне»* (мать мужа по отношению к мужу или жене); «*кайын ага»* (старш. брат мужа по отношению к мужу или жене); «*кайын ини»* (младш. брат мужа по отношению к мужу или жене); «*кайын эже»* (старшая сестра мужа по отношению к мужу или жене); «*кайын синди»* (младшая сестра мужа по отношению к мужу или жене); *Н.: Антпей калышыма кайнатам себеп болду* (А. Убукеев) *Мой тесть стал причиной, того, что я больше так не делал. Келиндин кайненеси эшиктеш, башка бөлмөдө турат.* (У. Абдукаримов) *Свекровка жила в другой комнате по соседству.*

В русском языке значения «отец и мать мужа или жены» выражаются лексическим способом: в значении «отец и мать мужа» употребляется лексемы *свекор и свекровь:* в значении «отец и мать жены» - лексемы *тесть и теща.* «Сестра мужа», «сестра жены» являются одним из разновидностей значений свойства по браку. Значение «сестра мужа» определяется по отношению к жене (мужа); «сестра жены» - по отношении к мужу (жены).

В киргизском языке в значениях «сестра мужа» и «сестра жены» однозначно употребляются сложные слова *кайын эже* (если денотат значения этого слова старше мужа и жены); *кайын синди* (если денотат

значения этого слова младше мужа и жены).

Но следует отметить, что в киргизском языке «младшя сестра жены» по отношению к мужу отмечается лексемой «балдыз» и рассматривается в толковом словаре киргизского языка следующим образом:

«балдыз» -1. аялынын синдиси. (младшая сестра жены по отношению к мужу сестры) Н.: Пендечилик кылыптыр менин Жаныл балдызым (К. Жантөшов) Видимо, ошиблась моя свояченица Жаныл.

В русском языке значения «сестра (старшая и младшая) мужа» выражается лексемой «*золовка»* в семантической структуре, которой совмещены два ЛСВ:

а) ЛСВ 1- «старшая сестра мужа*»* (*күйөөсүнүн эжеси),* если денотат значения лексемы *сестра* старше жены (в киргизском языке: *кайнеже);*

б) ЛСВ *2- «младшая сестра мужа» (күйөөсүнүн карындашы),* если денотат значения лексемы *сестры* младше жены (в киргизском языке: *кайын сиңди;*

Значение «старшая сестра жены» (в отношении мужа) в русском языке выражается лексемой *свояченица,* которая совмещает в себе два ЛСВ:

а) ЛСВ 1 - старшая сестра жены;

б) ЛСВ 2 - младшая сестра жены;

Значение «старший и младший брат мужа» (в отношении жены) в русском языке передается, лексемой *деверь,* которая совмещает в себе два лексико – семантических варианта.

а) ЛСВ 1- старший брат мужа;
б) ЛСВ 2- младший брат мужа;

Отметим, что в киргизском языке в значении «жена старшего или младшего брата мужа» употребляется лексема *абысын* (независимо от денотата старше или младше жены, т. е. совмещает в себе два ЛСВ).

а) ЛСВ 1-жена старшего брата мужа;

б) ЛСВ 2-жена младшего брата мужа;

У К. К. Юдахина лексема интерпретировано: «абысын» - сношеница (жена брата или родственника по отношению к жене другого брата или родственника);

«абысын – ажын» - жены родственников по отношению друг к другу; абысының болсо, күчүм жок дебе (поговорка), если у тебя есть сношеница, то не говори, что не имеешь соперницы; жакшы абысыныңа баргыча, жаман чабаданынды аңтар (поговорка), чем идти (с просьбой даже) к хорошей сношенице, лучше поройся в своем плохом мешке.

Значение «старший и младший брат жены» (в отношении мужа) в русском языке выражается лексемой *шурин* и совмещает в себе два лексико – семантический вариант.

а) ЛСВ 1- «старший брат жены»;

б) ЛСВ 2- «младший брат жены»;

Стоит упомянуть, что в киргизском языке есть еще одна лексема, который не имеет эквивалента на русском. Это лексема «жезде», который совмещает в себе два ЛВС:

а) ЛВС 1- «муж старшей сестры мужа» (күйөөсүнүн эжесинин күйөөсү), если денотат значения лексемы *сестра* старше жены (*кайнеже*)

б) ЛВС 2 - «муж старшей сестры (или всех старщих сестер) антропоцентра *она*»

И термин свойства в киргизском языке «кайын – журт», который относится ко всем родственникам, и обозначает всех родственников *мужа* и *жены* по отношению друг другу.

Рассмотрим в толковых словарях выше перечисленные лексемы.

Толковый словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова, киргизско русский словарь К. К. Юдахина, и Толковый словарь киргизского языка интерпритируют:

«тесть» - Отец жены. Н.: К свадьбе Филип готовился долго, тесть его был состоятельным мельником, зятя брал к себе в дом и на хозяйство

требовал много денег. (В. Иванов. Ночь») Филип өзүнүн үйлөнүү тойуна көпкө даярданды, анын кайнатасы колунда бар тегирменчи болчу, күөөбаласын ал үйүнө киргизип, чарбасына көп акча талап кылды.

«свекор» - Отец мужа. Н.: В работу муж отправился...Остались, я с заловками и со свекром, со свекровушкой, любить голубить некому, а есть кому журить! (Н. А. Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо») Күйөөм жумушка кетти... Мен кайнисиңдим, кайнатам, кайненем болуп калдык үйдө, эркелеткен, жакшы көргөн эч ким жок, жемелечү киши көп.

«кайната» - аялдын атасы (күйөөсүнө карата) күйөөсүнүн атасы(аялына карата) Отец жены или мужа (по отношению друг другу) Н.: Мына ошентип күйөөлөр, кайнатасына Көкдөөгө кызмат кылып берсин де («Эр Төштүк») Вот так вот, чтобы все зятья прислуживали тестью Көкдөө [ТСКЯ]

«теща» - мать жены. Н.: У меня в доме живет теща, то есть мать моей жены и дети. (Н. Гоголь «Нос»)

«свекровь» - мать мужа. ласк. Н.: Катерина жена молодого купца Тихона Кабанова, живет в доме с мужем своей свекрови. (Писарев «Мотивы русской драмы»). Катерина жаш Тихон Кабанов деген купецтин аялы, күйөөсүнүн үйүндө кайненеси менен жашайт.

«кайнэне» - аялдын апасы (күйөөсүнө карата) күйөөсүнүн апасы (аялына карата) Мать жены или мужа (по отношению друг друга) Н.: Асылдын кайненеси өтө заар чыкты. Свекровка Асыл, оказалась суровой. Таштандын ушунчалык жакшы кайненеси бар. Таштану досталась такая добрая теща. [ТСРЯ]

«свояченица» - сестра жены. Н.: Старшие детки в казенных заведениях,

а со мной только две меньшеньких, да свояченица живет; женина сестра (Н. А. Некрасов «Затишье») Чоң балдар казенный үйдө, мени менен кичинекейлер, жана балдызы жашайт; аялымдын сиңдиси.

К. К. Юдахин лексему *свояк* переводит на киргизский язык, как *бажа.* Рассмотрим в толковом словаре киргизского языка:

«бажа» - эже-сиңдилердин күйөөлөрү (бири – бирине карата) мужья родных сестер по отношению друг к другу. Н.: Буйруса сени болочок бажа катары коруп жатам, Акунжан. (Н. Байтемиров) Акунжан, дасть Бог, скоро надеюсь, ты станешь свояком [ТСКЯ 69г].

«свояк» - муж жениной сестры. Н.: - Малявины с Залетовыми никак сродни приходятся - свояки, что - ли... - Свояки на родных сестрах женились. (Мельников Печерский «В лесах») [ТСРЯ] Малявин, Залитовдор тууган болуп калабы – бажаларбы.. - Бажалар бир тууган эже – сиңдилерге үйлөнүшкөн.

«жезде» зять (по отношению ко всем родственникам и родичам жены, если они младше; ср. күйөө); эжеңди бергин Дарбазга жезде кылып аласың (фольклор) отдай свою старшую сестру за Дарбаза и сделай своим зятем; эсиң болсо эстеп бил: энеңдин сиңдисинин жездеси ким? *загадка*
если у тебя есть ум, подумай и узнай: кто будет у тебя зятем младшей сестры твоей матери? (*отгадка* атасы ее отец). [Киргизско-русский словарь проф. К. К. Юдахин].

«сноха» - жена сына по отношению к его отцу и свекру. Н.: Этот дед жил на покое при двух своих снохах (сыновей его убили в германскую войну). (А . Н. Толстой «Хмурое утро») Бул карыя жакшы жашады, эки келини менен (анын балдарын германдык согушта өлтүрүшкөн).

«невестка» - замужняя женщина по отношению к родственникам ее мужа (отцу, братьям, матери, сестрам, женам братьев и мужьям сестер) Н.: Невестка в отместку – оплатит за обиду обидой; отомстит. Келин өчүн алат – капалантсаң капа кылат.

«келин» - Уулунун же инисинин аялы. Жалпы эле өзүнөн кичүү туугандарынын, инилеринин аялы, келинчеги. Жена сына или младшего брата. Жены или невестки всех младших родственников или братьев. Н.: Бул киши сизге келин болот аксакал, күйөөсүнүн сизге тууганчылык жайы бар. (Ала - Тоо) Она вам невестка уважаемый, ее муж приходится вам родственником [ТСКЯ 69г].

«золовка» - Сестра мужа. Н.: Хотя она и велела вчера сказать мужу, что ей дела нет до того, приедет или не приедет его сестра, она с волнением ждала золовку.(Толстой. “Анна Каренина”) Күйөөсүнө айтырганы менен, иши жогун келеби же келбейби карындашы, бирок өтө тынчсызданyy менен кайынсиңдисин күтүп жатты.

«кайнэже» - аялынын эжеси (күйөөсүнө карата) күйөөсүнүн эжеси (аялына карата) Сестра мужа или жены (по отношению друг друга) Н.: Кайнежем деп чайын демдеп, этин турду жеткирип.(Нуркамал) Нурландын кайнежеси анын үйүндө жашачы. Принимая ее за золовку, она ей и чай, и мясо передавала. У Нурлана дома проживала своячиница.

«кайын синди» - күйөөсүнүн карындашы, күйөөсүнө карындаштык жакындыгы бар кыздар же аялдар. Младшая сестра мужа или родственницы младше мужа (по отношению к жене) [КТТС].

«деверь» - брат мужа. Н.: Старшему сыну Михайле Данилычу...и дом дает отец, хочешь с отцом живи, хочешь свое хозяйство правь. Стало быть, Настасье ни свекрови со свекром, ни золовок с деверями бояться, нечего.(Мельников-Печерский “ В лесах”) Улуу баласына Михайл Данилыч... үйүн берди атасы, кааласаң атаң менен жаша, кааласаң өзүң чарбачылык кыл. Настасияга, кайнатасынан жана кайненесинен, кайнысиңдисинен же кайнисинен коркконго болбойт.

«шурин» - м. кайын ага, кайын ини (аялынын агасы же иниси) [Юдахин,К.К.].

Рассматриваемые лексемы в толковом словаре киргизского языка

интерпритеруются:

«кайнага» – күйөөсүнүн агасы (аялына карата) аялынын агасы (күйөөсүнө карата) Старший брат мужа или жены (по отношению друг друга)

«кайни» - күйөөсүнүн иниси же күйөөсүнө жакындыгы бар адам (аялына карата) младший брат или родственники мужского пола младше мужа (по отношению к жене) Н.: Кана Гулжан кайниңе сүйүнчү бербейсиңби?- деди энеси.(Абдукаримов) «А что Гулжан не дашь деверу подарок?»– спросила мать.

«абысын» – Бир туугандын же жакын тууган-туушкандардын аялдары (булар бири - бирине абысын болушат). Жены родных братьев или жены родственников (по отношению друг к другу) Н.: Нестан кайта ашканага барып, абысынына кол кабыш кылып баштады.(Убукеев) Нестан вернулась в столовую и начала помогать сношеннице.

«кайын – журт»- Аялынын төркүндөрү, эли-журту (КТТС).

Схема 1. Термины свойства в русском языке от антропоцентра **он(а)**

он - тесть теща	она – свекр свекровь
свояк свояченица	деверь сношеница
шурин невестка	золовка зять

Схема 2. Термины свойства в киргизском языке от антропоцентра **ал(он(а))**

ал(он) - кайната кайнене	ал(она)- кайната кайнене
кайнага кайнеже	кайнага абысын
бажа балдыз	кайнеже жезде
кайын - журт	кайнысиңди күйөөбала
	кайын - журт

Итак, учитывая и опираясь на выше рассмотренные примеры, мы можем сделать следующие выводы:

- киргизскому термину «кайната» по отношению к отцу мужа соответствует термин «свекор», а по отношению к отцу жены термин «свекор»;

- киргизскому термину «кайнене» по отношению к матери мужа соответствует термин «свекровь», а по отношению к матери жены соответствует термин «теща»;

- киргизскому термину «кайнага» и «кайни» по отношению к брату мужа в русском языке соответствует термин «деверь»;

- киргизским терминам «кайнага» и «кайни» по отношению к брату жены соответствует термин «шурин»;

- киргизскому термину «кайнеже» и « кайнсиңди» по отношению к сестрам мужа в русском языке соответствует термин «золовка»;

- русскому термину «свояченица» по отношению к сестре жены в киргизском языке соответствуют два термина «кайнеже» и «балдыз»;

- русскому термину «зять» по отношению мужа сестры жены, и мужа сестры мужа, в киргизском языке соответствуют два термина «жезде» и «күйөө - бала»;

- семантическое поле терминов свойства интуитивно понятно носителю языка, и обладает для него психологической реальностью;

- семантическое поле терминов свойства автономно и может быть выделено как самостоятельная подсистема языка;

- эквивалентность и различие терминов свойства указывает на уникальность лингвистической антропологии;

Выводы по четвертой главе:

Таким образом, матримониальная система родства для сопоставляемых языков является универсальным, но обозначения родственных отношений отдельными терминами внутри системы для каждого языка, являются

уникальными.

Ядерные значения *матронимов* в функционально-семантическом поле являются идентичными, а периферийные номинации имеют свою специфику.

В русском и киргизском языках термины родства матримониальной системы старшего поколения многозначны и многофункциональны. В киргизском языке матронимов, обозначающих старшее поколение, меньше, чем в русском языке, также как и в младшем поколении.

В русском языке матронимов старшего поколения - 4, а в киргизском всего - 2.(см. схемы №7 и 8), младшее поколение матронимов в русском языке - 4, в киргизском - 2.

Наличие множества лексем в русском языке обусловлена тем, что в русском языке как по верхней, так и по нижней иерархии, после третьего поколения матронимы обозначаются с помощью приставки **пра-** (прабабушка, прапрабабушка, правнучка, праправнучка), тогда как в киргизском языке матримониальную систему отдельными терминами не обозначали, за исключением денотата «тай», поскольку у киргизов главенствовал патриархат.

Матронимы старшего поколения имеют фразеосочетания, как в киргизском, так и русском языках такие как: «Родина - Мать», «Жер Эне», «Ак элечек энелер», и т. д;

Киргизская лексема *тайэне,* в русском языке передается словом *бабушка,* указывая на равнозначность родственных отношений, как по линии отца, так и по линии матери;

Лексема «небере» в киргизском языке в основном своем значении совпадает, как в патрилинейной, так и матримониальной системе с лексемой «внучка», это обусловлено тем, что в киргизском языке отсутствует категория рода. Имеет синонимичную лексему «жээн», который обозначает дочь дочери.

Термины свойства по браку, в матримониальной системе в сопоставляемых языках многозначны и многофункциональны, имеют синонимы и фразеосочетания, в семантическом отношении тождественны во всех отношениях. В отличие от русского языка термины в киргизском языке имеют фразеосочетания, такие как: *катындын карасы, катын-кыздар, катын - калач, аял жакшы эр жакшы, токолдун балдары*.

Лексемы *жена* и *токол* семантически совпадают, но дифференцируются по социальному положению. Одной русской лексеме «жена» соответствует шесть и больше киргизских лексем (аял, катын, жар, зайып, жубай, токол). В киргизском языке прослеживается влияние арабского и иранского языков.

Для русского языка лексема «токол» является *лакуной*.

Семантическое поле терминов свойства интуитивно понятно носителю языка, и обладает для него психологической реальностью, семантическое поле терминов свойства автономно и может быть выделено как самостоятельная подсистема языка;

Таким образом, мы рассмотрели в киргизском языке – 10 атронимов, кровного родства и свойства по браку, а в русском языке - 10.

Схема №7

Термины кровного родства по матримониальной системе в киргизском языке от антропоцентра Ал-Он(а):

Схема №8

Термины родства по матримониальной системе в русском языке от антропоцентра Ал- Он(а):

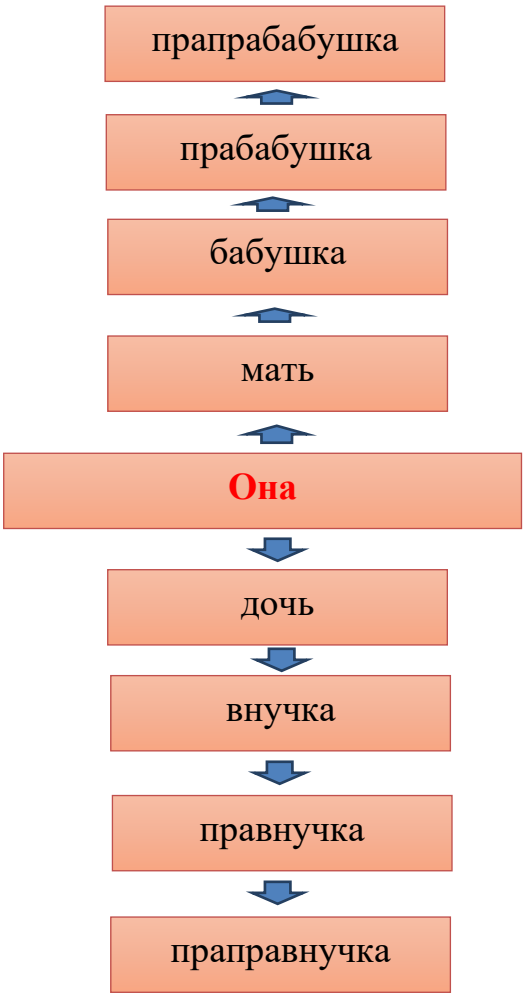


Схема №9

Термины кровного родства по матримониальной системе в киргизском и русском языках от антропоцентризма Ал-Он(а) в сопоставительном плане:

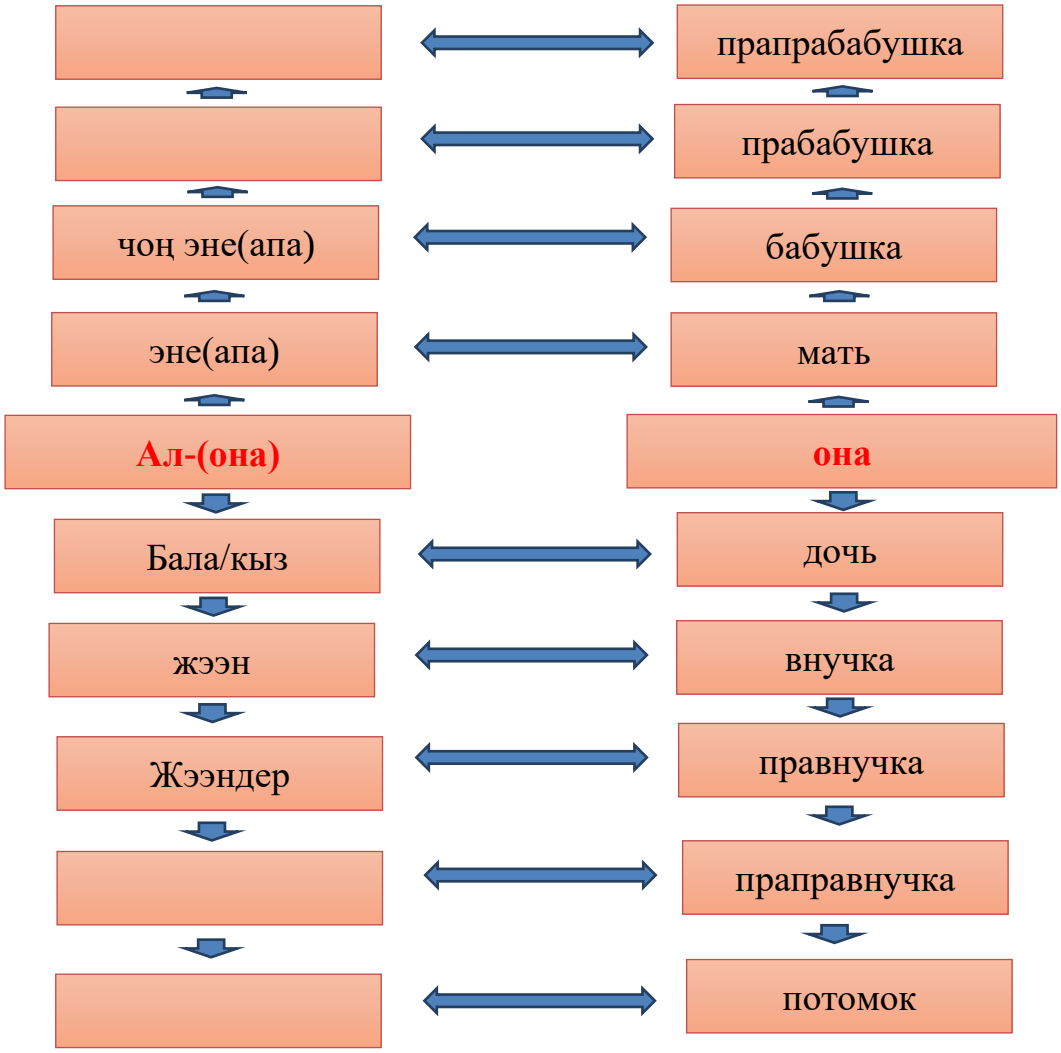


Схема №10

Термины кровного родства по матримониальной системе в киргизском языке от антропоцентра **Ал-Он(а)**:

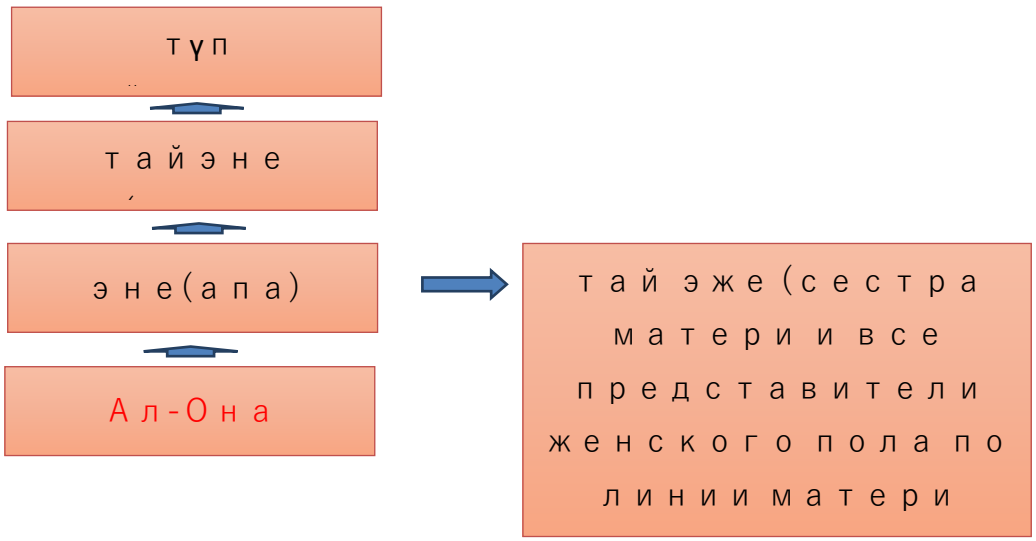


Схема №11

Термины кровного родства по матери по матримониальной системе в русском языке от антропоцентра **Ал- Он(а)**:

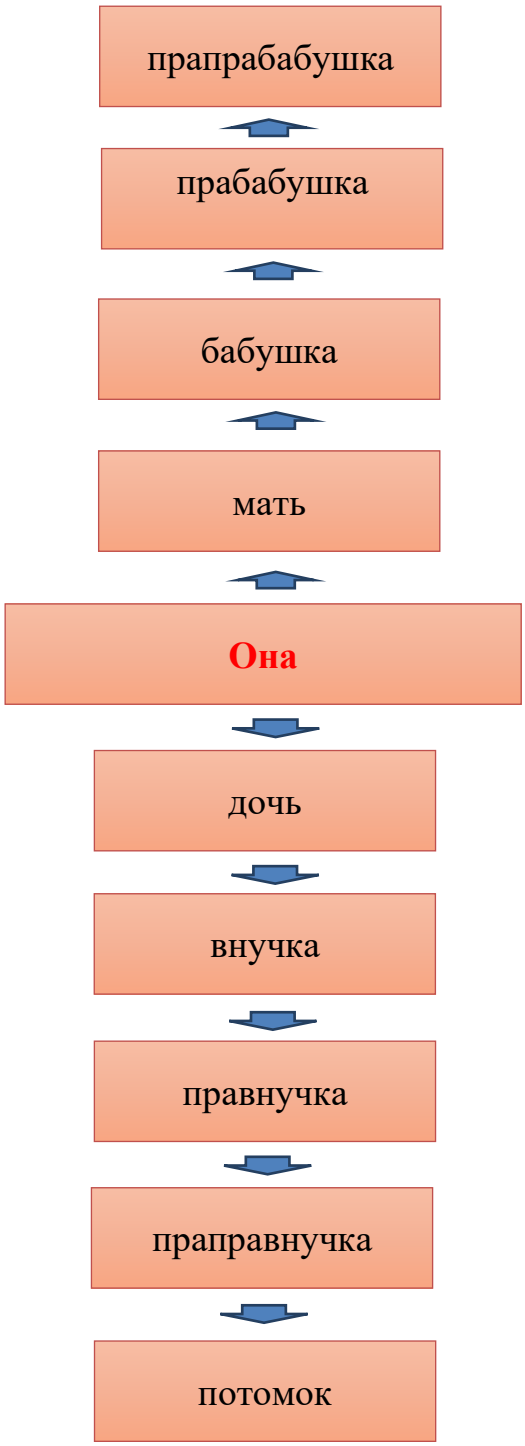
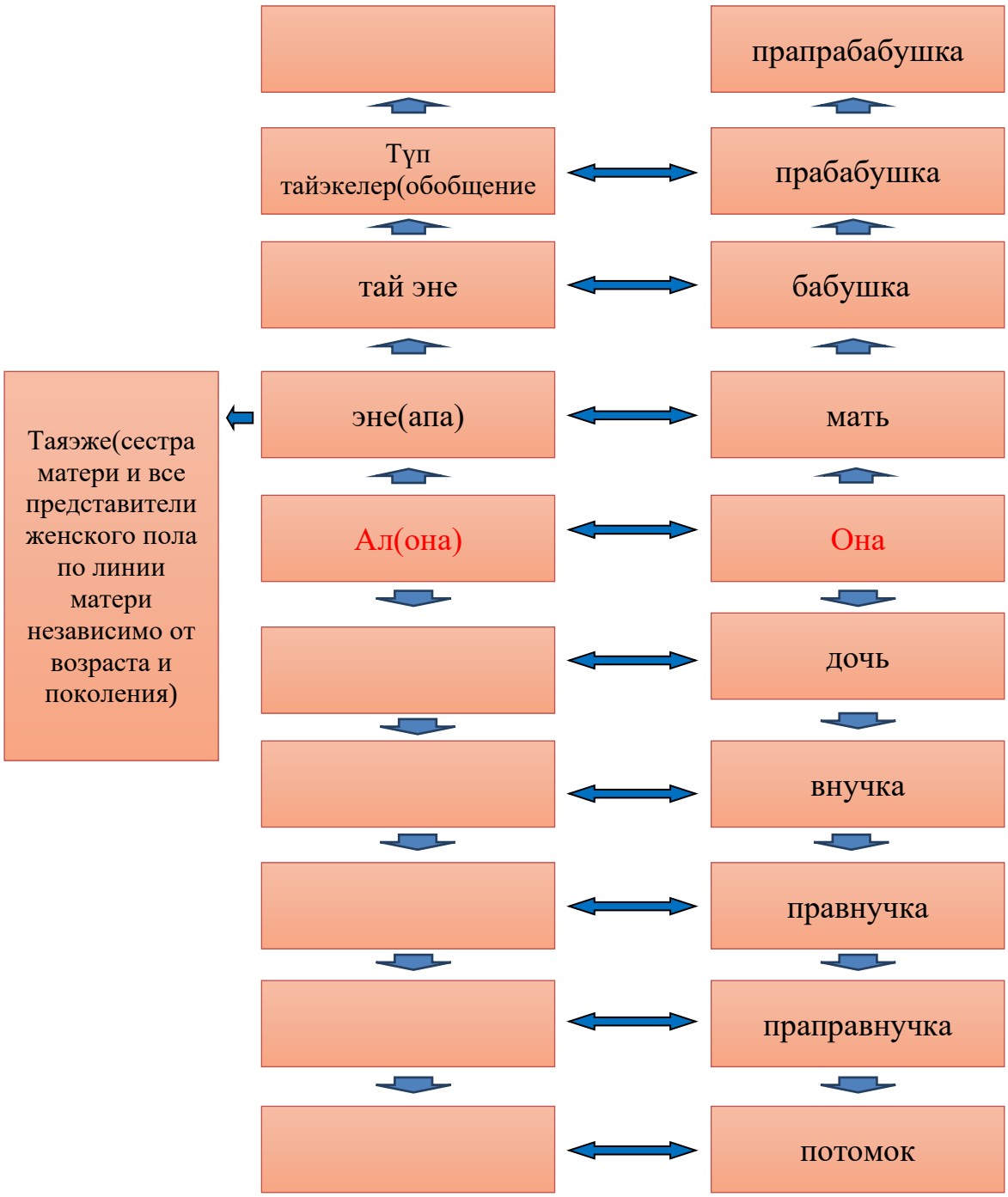


Схема №12

Термины кровного родства по матери по матримониальной системе в киргизском и русском языках от антропоцентра **Ал-Он(а)** в опоставительном плане:



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Термины родства и свойства как знаковые единицы, образующие отдельный пласт лексики рассматриваются в трех аспектах: а) лексико-семантическом, б) морфологическом, в) функционально коммуникативном. Кроме того, учитываются исторические характеристики – особенности и источник происхождения, а также хронологический статус терминов.

Как нам известно, единицы лексических и других уровней языков одного и разного грамматического строя изучались с помощью разных подходов, среди них важное место занимает подход сопоставительно-типологического направления.

Синхронно—сопоставительное или типологическое изучение фактов двух или более родственных и неродственных языков основывалось на сравнительно-историческом методе, ныне рассматриваемый как один из разновидностей традиционного метода.

По результатам проведенного исследования сделаны следующие выводы и практические рекомендации:

1. Лексическая единица, включа нарицательные и собственные имена, может быть употреблена для именования любого объекта. Всякое слово, содержащее в качестве своих сем обобщенные признаки объекта, приложимо к единичному объекту, но единичность именования воссоздается в пределах некоторого языкового контекста, в рамках словосочетания. Например, слово «отец» в русском языке есть обобщенное понятие «родитель мужского пола», что приобретает значение единичности, отдельный конкретный «родитель мужского пола» (отец) в соответствующем языковом окружении типа «отец моего друга», «отец моей подруги», «отец наших братьев и сестер» и т. д.

Ономасиологический подход к изучению фактов языка является одним из основных принципов современной функциональной лингвистики, что мы апробировали на материале терминов кровного родства и свойства в

русском и киргизском языках в синхронно- сопоставительном плане.

Таким образом, при ономасиологическом подходе изучения языковых знаков смешается акцент в отношении элементов, детерминирующих семантику номинативных знаков, и варьируется набор факторов, констатирующих ситуацию семиозиса речевых единиц.

Термины родства и свойства, как лексическая единица других лексико-семантических полей, являются знаками языка. «Знак» есть предмет в широком смысле слова.

Термины родства и свойства русского и киргизского языков, как и другие единицы гетерогенной системы терминов родства и свойства, имеют отношение к явлениям гипонимии и эквонимии, чем определяется их своеобразная подсистемность по отношению к общей системе терминов родства словарного состава каждого языка.

2. В работе была использована комплексная методика, включающая описательный, синхронно-сопоставительный и метод компонентного (семного) анализа и ономасиологический подход к исследованию материала.

Для раскрытия словообразовательного и терминообразовательного значений, применялся сопоставительный метод, который в значительной мере способствовал успешной разработке поставленных задач. Он помог выявить особенности терминологической лексики со значением кровного и некровного родства русского языка в сравнении с киргизским языком. Значимость этого метода бесспорна, так как с его помощью можно установить универсальность и уникальность многих терминов, а также новые методы моделирования в терминологическом словообразовании.

3. Патрилинейная система родства является универсальным для сопоставляемых языков, но обозначение родственных отношений отдельными терминами внутри системы является уникальными для каждого языка.

Ядерные значения функционально-семантического поля со значением

«родство» являются идентичными, а периферийные номинации имеют свою специфику.

В сопоставляемых языках термины родства старшего поколения многозначны и многофункциональны. В киргизском языке патронимов, обозначающих старшее поколение, больше, чем в русском.

4. Матримониальная система родства для сопоставляемых языков является универсальным, но обозначения родственных отношений отдельными терминами внутри системы для каждого языка, является уникальным.

Ядерные значения *матронимов,* в функционально-семантическом поле являются идентичными, а периферийные номинации имеют свою специфику.

В русском и киргизском языках термины родства матримониальной системы старшего поколения многозначны и многофункциональны. В киргизском языке матронимов, обозначающих старшее поколение, меньше, чем в русском языке, также как и в младшем поколении.

Термины свойства по браку, в матримониальной системе в сопоставляемых языках многозначны и многофункциональны, имеют синонимы и фразеосочетания, в семантическом отношении тождественны во всех отношениях.

5. Результатами нашего исследования подтверждается, что система родства и свойства женского пола кыргызского и русского языков не отличаются в отношении плана содержания, а отличаются они в плане выражения. Например, значение *«родитель женского пола»* в кыргызском языке выражается лексемой *эне, апа, а в русском языке мать; в киргизском языке дочь моих родителей старше меня -эже, младше меня –сиңди (для мужского пола –карындаш), а в русском языке дочь моих родителей определяется одним термином –сестра, дополнительно указывая на возраст: старшая она или младшая.*

6. Внутри ЛСП терминов со значением «родство» в обоих языках выделены основные лексико-семантические группы (ЛСГ) слов. Определена и классифицирована базовая номенклатура ЛСГ слов со значением «родство» кровного, некровного родства и свойства на функционально-семантической основе. Так, ЛСГ патрилинейной системы старшего поколения кровного родства (КР) в русском языке- 6 единиц, а в киргизском -7; младшее поколение (КР)- 6 единиц, а в киргизсеом-7; свойства по браку -2 единицы и в киргизском языке -2 единиц; терминов социального родства в обоих языках по -4 единиц; термины свойства «сваты»-12 единиц в русском языке, а в киргизском языке -18.

В русском языке матронимов старшего поколения - 4, а в киргизском всего- 2 младшее поколение матронимов в русском языке -4, в киргизском - 2.

Наличие множества лексем в русском языке обусловлен тем, что в русском языке как по верхней, так и по нижней иерархии, после третьего поколения матронимы обозначаются с помощью приставки **пра-** (прабабушка, прапрабабушка, правнучка, праправнучка), тогда как в киргизском языке матримониальную систему, отдельными терминами не обозначали, за исключением денотата «тай», поскольку у киргизов главенствовал патриархат.

Всего в руссом языке рассмотрено 39 единиц терминов родства и свойства, а в киргизском 45 единиц. Нами определено, что все 39 и 45 относятся к ядерным лексемам в рассмотренном ФСП. Кроме того, существует большая группа периферийных слов со значением «родство».

Был проведен опрос среди студентов с целью выяснения их знаний по терминам родства. Им были предложены следующие вопросы: 1. Как называют отца вашего отца? 2. Как называют детей родных сестер? 3. Можете ли назвать своих предков, до седьмого колена (не имена Н.: ата, чоң-ата и далее)?4. Как называют братьев матери?5. Как называют отца

матери? 6. Кем приходятся родители невесты и жениха по отношению друг другу? 7. Как называют мужа старшей сестры?8. Как называют детей в третьем, четвертом поколении? 9. Как называют мужчину (мужа) которой, живет в доме жены? 10. Кем приходятся мужья двух родных сестер по отношению друг другу?

В опросе принимали участие 100 респондентов в возрасте 18-19лет. Эксперимент показал, что молодое поколение не знает или возможно даже не употребляет некоторые термины родства. Н.: на 1- вопрос правильно ответили 99.9%, 2-вопрос 80%, 3-вопрос 50%, 4-вопрос 88%, 5-вопрос 90%, 6-вопрос 70%, 7-вопрос 80%, 8-вопрос 60%, 9-вопрос 50%, 10-вопрос 75%.

Таким образом, мы еще раз убедились об актуальности проблемы по знанию терминов родства для сохранения национальной культуры.

Таким образом, данные микросистемы в исследуемых языках в целом соответствуют друг другу. Сопоставительный анализ выделенных групп в исследуемых языках позволил обнаружить между ними как сходства, так и различия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абаев, В. И. О родовых отношениях и терминах родства у осетин [Текст] / В. И. Абаев // Энгельс и языкознание. – М., 1971. – С. 239–242.

2. Абрамзон, С. М. О некоторых терминах родства в тюркских языках [Текст] / С. М. Абрамзон// Тюркология: К 70-летию акад. А.Н. Кононова.– Л., 1976. – С. 204–207.

3. Абрамзон, С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи [Текст]/ С.А. Абрамзон. – Фрунзе: Кыргызстан, 1990. – 478 с.

4. Агазаде, Н. Г. Сопоставление как основной метод типологического исследования [Текст] / Н. Г. Агазаде// Сов. тюркология. – 1976. – №1. – С. 3–11.

5. Агапкина, Т.А. Тема родства в восточнославянских лечебных заговорах [Текст] / Т. А. Агапкина // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая. – М., 2009. – С. 212–224.

6. Азизов, О. Тилларник: иёсий урганиш масаласига дойр [Текст] / О. Азизов // Туркий тилларнинг таракдиёти муаммолари. – Тошкент, 1995. – 20–21 б.

7. Азарх, Ю. С. К истории словообразовательных типов названий детенышей и детей в русском языке [Текст] / Ю. С. Азарх// Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. 1976 / отв. ред. Р. И. Аванесов. – М., 1978. – С. 229–255.

8. Акбаев, Ш. Х. Сравнительно-исторический метод в тюркологии и генезис балкарского цоканья [Текст] / Ш. Х. Акбаев // Сов. тюркология. – 1971. – № 2. – С. 98–101.

9. Акматалиев, А. С. Кыргыздын көөнөрбөс дөөлөттөрү [Текст]/ А. С. Акматалиев. – Бишкек: Шам, 2000.– 348 б.

10. Апресян, Ю.Д. О понятиях и методах структурной лексикологии (на материале русского глагола) [Текст] / Ю. Д. Апресян // Проблемы

структурной лингвистики. – М., 1962. – С. 141–162.

11. Апресян, Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова [Текст] / Ю. Д. Апресян //Апресян Ю. Избранные труды. – М., 1995. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 156–177.

12. Апре сян, Ю. Д. Основания системной лексикографии [Текст] / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография /отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М., 2006. – С. 33–160.

13. Андреева, А. В. Общая характеристика терминов родства в английском, русском и украинском языках[Текст] / А. В. Андреева // Вестн. студенч. науч. о-ва ГОУ ВПО «Донец.нац. ун-т». – 2018. – Вып. 10, т. 2. – С. 79–82.

14. Алгебра родства [Текст] / Рос.АН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера);[отв. ред. В. А. Попов]. – СПб., 1995-2009. –Вып. 1. – 1995. – 279 с.; Вып. 2. – 1998. – 284 с.; Вып. 3. – 1999. – 283 с.; Вып. 4. – 1999. – 285 с.; Вып. 5. – 2000. – 285 с.; Вып. 6. – 2001. – 468 с.; Вып. 7. – 2001. – 285 с.; Вып. 8;Вып. 9. – 2005. – 284 с.; Вып. 10. – 2006. – 285 с.; Вып. 11. – 2006. – 317 с.; Вып. 12. – 2009. – 317 с.

15. Аракин, В.Д. Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях ХШ-ХУ вв. [Текст] / В. Д. Аракин // Сов.тюркология. – 1973. – № 3. – С. 28–37.

16. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов[Текст] / О. С. Ахманова. – М.: Сов.энцикл., 1966. – 606 с.

17. Ахманова, О. С. Лингвистика и семиотика[Текст]/О. С. Ахманова.– М.: МГУ, 1979. – 109 с.

18. Ахметьянов, Р.Г. Принципы этимологических исследований в области татарской лексики [Текст] / Р. Г. Ахметьянов // Вопросы тюркологии: сб. ст.– Казань, 1970. – С. 93–101.

19. Бакзайлу, К. Ш. Национально-культурная специфика бытовой лексики в кыргызском, русском и турецком языках [Текст]:автореф. дис.

...канд. фил.наук: 10.02.20 /К. Ш. Бакзайлу. –Бишкек, 2012. – 22 с.

20. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка[Текст] /Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955.– 416 с.

21. Баскаков, Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение[Текст] / Н. А. Баскаков. – М.: Наука, 1981. – 136 с.

22. Баскаков, Н.А. Введение в изучение тюркских языков[Текст] / Н. А. Баскаков. –2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш.шк., 1969.– 383 с.

23. Баскаков, Н.А. О тюркских заимствованиях в русском языке[Текст] /Н. А. Баскаков // Сов.тюркология. – 1984. – №1. – С. 10–16.

24. Бахофен, И. Я. Материнское право [Текст]/ И. Я. Бахофен// Классики мирового религиоведения: Антология. – М., 1996. – Т. 1. – С. 217–267.

25. Большой Российский энциклопедический словарь[Текст]. – М.: Большая Рос. энцикл., 2009.– 1887 с.

26. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии[Текст] / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.

27. Бондарко, А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени[Текст] / А. В. Бондарко. – СПб.: СПбГУ,1999.260 с.

28. Бегматов, Э. Хозирги узбек адабий тилининг лексик. катламлари [Текст] / Э. Бегматов. –Тошкент: Фан, 1995. – 200 б.

29. Бикбулатов, Н.В. Башкирская система родства[Текст] / Н. В. Бикбулатов. – М.: Наука, 1981. – 128 с.

30. Белкина, В.М. Арабская лексикология[Текст] / В. М.Белкина. – М.: МГУ, 1975. – 201 с.

31. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов[Текст] / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 454 с.

32. Бердалиев, А. Семантик ассимиляция ва диссимиляция ходисалари хакида [Текст] / А. Бердалиев// Узбек тил шунослиги

масалалари. Илмий маколалар туплами. –Хужанд, 1997. – 10-китоб. –3–12 б.

33. Березович, Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Пространство и человек[Текст] / Е. Л. Березович. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Либроком, 2009. – 328 с.

34. Березин, Ф. М. Общее языкознание [Текст]/ Ф. М. Березин, В. Н. Головин. –М.: Просвещение, 1979. – 416 с.

35. Березович, Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Мифопоэтический образ пространства[Текст] / Е. Л. Березович. – 2-еизд.,испр. и доп. – М.: КомКнига, 2010. – 240 с.

36. Березович, Е.Л. В кустах ручей целуется с рекою... («семейные» образы в лексике речного ландшафта) [Текст] / Е. Л. Березович// Слова. Концепты. Мифы (лексикология, этимология, диалектология). – М., 2010. –С. 47–54.

37. Будагов, Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий с включением употребительных слов арабских и киргизских с переводом на русский [Текст]: в 2-х т./ Л. З. Будагов. – М.:Изд. вост. лит., 1960. – Т. 1.– X, 810, 6 с.; Т. 2.–416 с.

38. Будагов, Р. А. Проблемы развития языка [Текст]/ Р. А. Будагов. – М.; Л.: Наука, 1965. – 73 с.

39. Будагов, Р. А. Человек и его язык [Текст]/ Р. А. Будагов. –М.: МГУ, 1976. – 428 с.

40. Будагов, Р. А. История слов в истории общества [Текст]/ Р. А. Будагов. –М.: Просвещение, 1971. – 243 с.

41. Бурдин, С. М. О терминологической лексике[Текст] / С. М. Бурдин // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – 1958. – № 4. – С. 107–115.

42. Бурыкин, А. А. Термины родства как объект лингвистического анализа (круг проблем и аспекты исследования)[Текст] / А. А.Бурыкин// Алгебра родства. Родство. Система родства. Системы терминов родства. – СПб., 1998. – Вып. 2. – С. 76–88.

43. Бурячок, А. А. Названия родства и свойства в украинском языке[Текст]: автореф. дис.…канд. филол. наук / А. А. Бурячок. – Киев, 1954. – 20 с.

44. Вайсгербер, Л.Родной язык и формирование духа[Текст] / Л. Вайсгербер. – М.: МГУ, 1993. – 224 с.

45. Вардуль, И.Ф. Основы описательной лингвистики. Синтаксис и супрасинтаксис[Текст] /И. Ф. Вардуль. – М.: URSS, 2006.– 352 с.

46. Васильев,Л. М. Современная лингвистическая семантика[Текст] / Л. М. Васильев. – М.: Высш. шк., 1990. – 176 с.

47. Валиханов, Ч. Ч. Собрание сочинений. [Текст]: в 5-ти т./Ч.Ч. Валиханов. – Алма-Ата: КСЭ, 1961. – Т. 1. –432 с.

48. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография[Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1947. – 312 с.

49. Виноградов, В.А. Методы типологии [Текст] / В. А. Виноградов // Общее языкознание / отв. ред. Б. А. Серебренников.– М., 1973. – С. 224–256.

50. Винокур, Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии [Текст] / Г. О. Винокур // Тр.Моск. ин-та истории, философии и лит. – 1939. – Т. 5. – С. 3–55.

51. Ворожбитова,А. А. Теория текста: антропоцентричное направление [Текст] / А. А. Ворожбитова.–2-е изд., испр. – М.: Высш.шк., 2005. – 367 с.

52. Гаджиева, Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков[Текст] / Н. З. Гаджиева. – М.: Наука, 1973. –408 с.

53. Гаджиева, Л. А. Термины родства и свойства в кумыкском и турецком языках[Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.02: 10.02.20 / Л. А. Гаджиева. – Махачкала, 2009. – 22 с.

54. Гак, В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова [Текст] / В. Г. Гак // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: тез. докл. – М., 1971. – Ч. 1. – С. 104–110.

55. Гамалей, И. Г. Оформление центрального сектора простого

предложения в севернобаварском говоре Алтая[Текст] / И. Г. Гамалей // Вопросы диалектологии и истории немецкого языка. – Омск, 1983. – С. 48–60.

56. Головин, Б. Н. Введение в языкознание[Текст] / Б. Н. Головин. –3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1977. – 311 с.

57. Горбачевский, А.А. К вопросу о путях возникновения супплетивныхформ в славянских языках[Текст] / А. А. Горбачевский. – Душанбе: Изд-во Тадж. гос. ун-та, 1967. – 50 с.

58. Горшкова, Т. М. Опыт статистического изучения функционирования терминов в философских текстах[Текст] / Т. М. Горшкова // Лексика, терминология, стили: межвуз. сб. – Горький, 1975. –Вып. 4. – С. 57–69.

59. Григорян, А.Г. Некоторые проблемы системного и исторического изучения лексики и семантики[Текст] /А. Г. Григорян // Вопр. языкознания. – 1983. – № 4. – С. 57–63.

60. Гулыга, Е. В. О компонентном анализе значимых единиц языка [Текст] / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 291–314.

61. Гухман, М.М. Доиндоевропейские термины родства в германских языках [Текст] / М. М. Гухман// Памяти академика И.Я. Марра.– М.; Л., 1978. – С. 93–115.

62. Гухман, М. М. Лингвистическая теория Л. Вайсгербера [Текст] / М. М. Гухман// Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961. – С. 123–162.

63. Данеш, Ф. Отношение центра и периферии как языковая универсальность [Текст] / Ф. Данеш//Travaux linguis tiguede Prague. – Прага, 1966. – Т. 1: Проблемы центра и периферии систем языка.

64. Даниленко, В.П.Русская терминология. Опыт лингвистическогоописания [Текст] / В. П. Даниленко. – М.: Наука,

1977. – 289с.

65. Дзибель, Г. В. Аннотированная библиография научных трудов по родству, системам родства на русском языке (с добавлением литературы на языках бывшего Советского Союза, опубликованных в 1845-1998 гг.[Текст] / Г. В. Дзибель //Алгебра родства.– СПб.,1998. – Вып. 2. – С. 214–289.

66. Дербишева, З. К. Кыргызский этнос в зеркале языков [Текст]/ З.К. Дербишева. – Бишкек: Plus, 2012. – 404 с.

67. Дербишева, З. К. Теоретические основы контрастивной морфологии. [Текст]/ З. К. Дербишева. – Бишкек: [б. и.], 2000. – 219 с.

68. Дербишева, З. К. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры [Текст]/ З. К. Дербишева. – Бишкек:[б. и.], 2012. – 176 с.

69. Дешериев, Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в современном обществе[Текст] / Ю. Д. Дешериев. – М.: Наука, 1966. –402 с.

70. Джафаров, Г.Г. О терминах седьмой-одиннадцатой ступеней родства по прямой линии в азербайджанском языке [Текст]/ Г. Г. Джафаров // Син хронно - сопоставительный анализ языков разных систем. – М., 1971. – С. 234–239.

71. Джафаров, Г.Г. Термины родства в семантической системе и грамматической структуре языка [Текст]/ Г. Г. Джафаров // Сов.тюркология. – 1974. – № 3. – С. 22–32.

72. Джапанов, А. А. Кыргыз тилинин тамак-аш лексикасы [Текст]: автореф. дис....канд. филол. наук /А. А. Джапанов. – Бишкек, 2004. – 21 б.

73. Дорофеев, Ю. В. Антропоцентризм в лингвистике и предмет когнитивной грамматики[Текст]/Ю.В.Дорофеев//Актуальные проблемы современной когнитивной лингвистики: материалы XV Междунар. лингвист. конф. “Язык и мир” / Тавр.нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Таврия, 2008. – С. 302–309.

74. Древнетюркский словарь[Текст]. – Л.: Наука, 1969. –676 с.

75. Дульзон, А.П. Термины родства и свойства в языках

Нарынскогокрая и Причулымья[Текст]/ А. П. Дульзон// Учён.зап. Томск.гос. пед. ин-та. – 1954. – Т. 11. – С. 59–94.

76. Дыренкова, Н.П. Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов [Текс]/ Н.П. Дыренкова// Сборник этнографических материалов. Л., 1927, № 2.

77. Ефимов, А. И. История русского литературного языка[Текст] / А. И. Ефимов. – М.: Высш. шк., 1971. –295 с.

78. Зайцева, И. К. Терминология родственных отношений в языке сказок [Текст]/ И. К. Зайцева // Язык жанров русского фольклора: межвуз. науч. сб. / отв. ред. З. К. Тарланов. – Петрозаводск, 1977. – С. 88–92.

79. Зулпукаров, К. Введение в китайско – киргизское сравнительное языкознание[Текст]/К. Зулпукаров. – Ош; Бишкек: Бийиктик, 2016. – 768 с.

80. Исаченко, А. В. Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания[Текст] // Slavia. – 1953. –Т.22, № 1. –С. 45–87.

81. Исмоилов, И. Туркийтиллардатунгич, кенжа, эгизаксузлари[Текст]/ И. Исмаилов // Узбек тили ваадабиёти. – Тошкент, 1975. – № 2.

82. Исмоилов, И. Туркийтиллардакавмкариндошликтерминлари. (Узбек, уйгур, козок, киргиз, каракалпок, туркмантилларимaтериаллариасосида). – Тошкент: Фан, 1966. – 150 б.

83. Историческое развитие лексики тюркских языков[Текст]: (сб. ст.) / отв. ред. Е. И. Убрятова. – М.: АН СССР, 1961. – 468 с.

84. Ишаев, А. Узбек шеваларидагикариндошликтерминлари[Текст]/ А. Ишаев// Узбек халк: шевалари лугати. – Тошкент, 1971. –320–385 б.

85. Камбаралиева, У. Дж. Темпоральная категоризация в концептуальной картине мира(на материале русского и кыргызского языков) [Текст]: моногр. / У. Дж. Камбаралиева. –Бишкек: [б. и.], 2018. – 490 с.

86. Калинин, А. В. Лексика русского языка[Текст] /А. В. Калинин. – М.:

МГУ, 1971.– 231 с.

87. Канделаки, Т.Л. Семантика и мотивированность терминов[Текст] / Т. Л. Канделаки. – М.: Наука, 1977. – 167 с.

88. Кантино, Ж.П. Сигнификативные оппозиции[Текст]/ Ж. П. Кантино// Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 61–94.

89. Капанадзе, Л. А. Взаимодействие терминологической и общелитературной лексики [Текст]/ Л. А. Капанидзе// Развитие лексики современного русского литературного языка. – М., 1965.– С. 81–87.

90. Кара-Оол,Л. С. Термины родства и свойства в тувинском языке [Текст]: автореф.дис. ...канд.филол.наук: 10.02.02/ Л. С. Кара-Оол. – М., 2004. – 24 с.

91. Кацнельсон, С. Д. О грамматической категории [Текст]/ С. Д. Кацнельсон// Вестн. ЛГУ. – 1948. – № 2. – С. 114–134.

92. Качинская, И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров) [Текст] / И. Б. Качинская. – М.: Индрик, 2018. – 288 с.

93. Кашгари, М.Диванилугатит-тюрк [Текст]: в 3-х т./ М. Кашгари. – Тошкент: АН УзССР,1960-1963. – Т. 1. – 1960. – 499 б.

94. Козырев,И. С. Из истории развития терминологии родства в русском и белорусском языках [Текст]/ И. С. Козырев // Русская историческая лексикология / гл. ред. С.Г. Бархударов. – М., 1968. – С. 3–19.

95 Комаров, А. П. Функционально-семантический анализ языковых единиц [Текст] / [редкол.: А. П. Комаров (науч. ред.) и др.]. – Алма-Ата: КазГУ, 1986. – 164 с.

96. Конецкая, В.П. Супплетивизм в германских языках[Текст] / В. П. Конецкая. – М.: Наука, 1973. – 184 с.

97. Кононов, А.Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу-*л*-Гази, хана хивинского[Текст] / А. Н. Кононов. – М.; Л.: АН СССР, 1958. – 285 с.

98. Кононов, А. Н. К этимологии слова огул "сын" [Текст]/ А. Н. Кононов // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. – М., 1958.– С. 175–176.

99. Копечный Ф. Ф. К этимологии славянскогоotrokъ[Текст]/ Ф. Ф. Копечный// Этимология. 1966. – М., 1968. – С. 54–61.

100. Копыленко М. М. Семантические производные от русских терминов родства:парные лексемы дядя-тетя[Текст]/ М. М. Копыленко, Т. А. Тулина// Филол. науки. – 1992. – № 5/6. – С. 52–62.

101. Косвен, М. О. Семейная община и патронимия[Текст] / М. О. Косвен. – М.:АН СССР, 1963. – 217 с.

102. Косвен,М.О. Матриархат. История проблемы[Текст]/М. О. Косвен. –М.; Л.: АН СССР, 1948. – 329 с.

103. Крюков, М.В. Система родства китайцев (эволюция и закономерности)[Текст] / М. В. Крюков. – М.: Наука, 1972. – 333 с.

104. Кузнецов, А.М. О применении метода компонентного анализа в лексике [Текст]/ А. М. Кузнецов // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. – М., 1971. – С. 257–269.

105. Кузнецов, А. М. О терминологическом статусе терминов родства [Текст]/ А. М. Кузнецов // Вопросы грамматического строя германских языков. – Омск, 1975. – Вып. 1. – С. 73–81.

106. Кузьмин, Н.П. Нормативная и ненормативная специальная лексика [Текст]/ Н. П. Кузьмин // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М., 1976. – С. 68–81.

107. Кубрякова, Е.С.Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи [Текст] / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахидрович, Л.В. Сахарный. – М.: Наука, 1991. – 238 с.

108. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века(опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык и наука 20 века / под ред. Ю. С. Степанова.– М., 1995. – С. 144–238.

109. Кучкортоев, И. Суз маъносиваунингвалентлиги [Текст]/ И. Кучкортоев. –Тошкент: Фан, 1977. – 168 б.

110. Кызласов, А. С. Термины родства и свойства в хакасском языке[Текст]:(пособие для учителя)/ А. С. Кызласов. – Абакан: ХакасГУ, 1996. – 45 с.

111. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү [Текст] / ред.: Э. Абдуллаев, Д. Исаев. – Фрунзе: Мектеп,1969.– 775 б.

112. Кыргыз тилинин сөздүгү [Текст] / түз.:А. А. Акматалиев, И. Абдувалиев, Ж. Семенова [и др.].– Бишкек: AVRASYAPRESS, 2011.– Биринчибөлүк. – 880 б.; Экинчибөлүк. – 891 б.

113. Киргизско-русский словарь [Текст]: в двух кн. / сост. К. К. Юдахин. – Фрунзе: КСЭ, 1985. – Кн. 1: А-К. – 504 с.

114. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику[Текст] / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 544с.

115. Ларин, Б. А. Из истории слов (лютый зверь, семья, кавардак)[Текст]/ Б. А. Ларин // Памяти Л. В. Щербы. – Л., 1951. – С. 191–200.

116. Лауде-Циртаутас, И. К вопросу о табу и эвфемизмах в казахском, кыргызском и узбекском языках [Текст]/ И. Лауде-Циртаутас // Сов. тюркология. – 1976. – № 4. – С. 72–87.

117. Лингвистический энциклопедический словарь[Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов.энцикл., 1990. –683 с.

118. Лингвистический антропоцентризм: проблемы, поиски и решения[Текст] / К. Зулпукаров, Е. Н. Мурадымова,Р. К. Ормокеева[и др.].– Бишкек: [б. и.], 2019. – 743 с.

119. Ломтев, Т.П. Общее и русское языкознание[Текст]:избр. работы/ Т. П. Ломтев. – М.: Наука, 1976. – 381 с.

120. Ляпунов Б. М. Семья, сябр – шабер. Этимологическое исследование [Текст] // Сборник в честь акад. А. И. Соболевского. – [Б. м.], 1928. – С. 257–263.

121. Мадмарова, Г. А. Межкультурные концепты в тексте художественного произведения [Текст]: моногр. / Г. А. Мадмарова. – Бишкек: Бийиктик плюс, 2017. –392 с.

122. Малов, С. Е. Памятники древнерусской письменности [Текст]/ С. Е. Малов. – М.; Л.: АН СССР, 1951. – 452 с.

123. Маметов,А. О терминах родства в крымско-татарском языке / А. Маметов// Сов.тюркология.–1980. – №6. – С. 70–76.

124. Маниязова, Р.А. Семантические соотношения наименований родства, должностей и качества при таджикско-русских языковых контактах [Текст]: автореф.дис. ...канд.филол.наук: 10.02.20 / Р. А. Маниязова. – Душанбе, 2000. –18 с.

125. Манас[Текст]:кирг. героич. эпос / [сост. и подготовка текста Б. М. Юнусалиева и др.; пер. А. С. Мирбадалевой, Н. В. Кидайш-Покровской]. – М.: Наука, 1984. – Кн. 1. – 544 с.

126. Машрабов, А. А. Значение терминов родства и их выражения в кыргызском и узбекском языках [Текст]: автореф. дис....канд. филол. наук: 10.02.06/ А. А. Машрабов. – Бишкек, 2000. – 27 с.

127. Менац, А. Сопоставительное изучение языков и теория учебника [Текст]/ А. Менац // Рус.яз. за рубежом. – 1974. – №3. – С.75–77.

128. Моисеев, А. И. Типы толкования терминов родства в словарях современного русского языка [Текст]/ А. И. Моисеев // Лексикографический сборник. – М., 1962. – Вып. 5. – С. 121–124.

129. Моисеев, А. И. Термины родства в современном русском языке [Текст]/ А. И. Моисеев // Филол. науки. – 1963. – № 3. – С. 120–132.

130. Морган, Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварского к цивилизации[Текст]/ Л. Г. Морган; [пер.с англ. М. О. Косвена].– Л.: Изд. Ин-та народов Севера ЦИК СССР,1934. – 351 с.

131. Мурадымова, Е. Н. Терминология родства в

лингвокультурологическом и сопоставительно-типологическом освещении [Текст] / Е. Н. Мурадымова. – Ош: [б. и.], 2014. – 168 с.

132. Мусаев, К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении[Текст] / К. М. Мусаев. – М.: Наука, 1975. – 358 с.

134. Мусаев, К. М. Основные проблемы изучения лексики языков [Текст] / К. М. Мусаев // Сов. тюркология. – 1978. – №3. – С. 33–41.

135. Мусаева, Ч. Ж. Патрилинейная система родства старшего поколения в русском и киргизском языках. [Текст]/ Ч. Ж. Мусаева // Развитие образования. Т4, № 1 2021г. ИД «Среда» https: //phsreda. com/ article/97924/discussion_platform

136. Мусаева, Ч. Ж. Патронимы в русском и киргизском языках. [Текст] / Ч. Ж. Мусаева // Культура и цивилизация. № 1 2021г. ИД "АНАЛИТИКА РОДИС"http://www.publishing-vak.ru

137. Нарынбаева, Б. Б. Фразеологическая картина мира французского и кыргызского языков [Текст]: автореф.дис.... д-ра филол.наук: 10.02.20 / Б. Б. Нарынбаева. – Бишкек,2008. – 22 с.

138. Никитин, М.В. Лексическое значение слова[Текст] / М. В. Никитин. – М.: Высш.шк., 1983. – 127 с.

139. Новиков, Л. А. Семантика русского языка[Текст] / Л. А. Новиков. –М.: Высш. шк., 1982. – 272 с.

140. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – М.:Рус. яз.,1990. – 915 с.

141. Ономастика Киргизии[Текст]: сб./отв.ред. С.У. Узураков, К. Конкобаев. – Фруезе: Илим, 1985. – 180 с.

142. Петрищева, Е. Ф. Жили-были бабка с дедом [Текст]/ Е. Ф. Петрищева // Рус.речь. – 1977. – № 3. – С. 105–110.

143. Поливанов, Е. Д. Опыт частной методики преподавателя русского языка узбекам[Текст] / Е. Д. Поливанов. – Ташкент; Самарканд: Гос. изд-во УзССР, 1935. – Ч. 1. – 90 с.

144. Покровская, А.А. Термины родства в тюркских языках [Текст]/ А. А. Покровская // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961. –С. 11–81.

145. Потапов, Л.П. Материалы по семантико-родственному строю у узбеков «кунград»[Текст]/ Л. П. Потапов //Науч. мысль. – Ташкент, 1930. – № 1. – С. 37–57.

146. Потебня, А. А. Полное собрание трудов: мысль и язык[Текст]/ А. А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.

147. Потебня, А. А.Из записок по русской грамматике[Текст] / А. А. Потебня. –Л.: АН СССР, 1941.– Т. 4. – 320 с.

148. Прохорова, И.Н. Об эмоциональности термина [Текст]/ И. Н. Прохорова // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М., 1970.– С. 148–154.

149. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий [Текст]/ В. В. Радлов. – СПб.,1899. – Т. 2, ч. 1. – 1052 стб.; Т. 2, ч. 2. –1053–1814 стб., 64 с.

150. Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX века [Текст]/ отв. ред. И.В. Власова. – М.: Наука, 2001. – 848 с.

151. Русско-киргизский словарь [Текст] / сост. К. К. Юдахин. – М.: ГИС, 1957. – 991 с.

152. Реформатский, А.А. Что такое термин и терминология [Текст]/ А. А. Реформатский // Вопросы терминологии: (материалы Всесоюз. терминол. совещ.). – М., 1951. – С. 46–54.

153. Реформатский, А.А. Введение в языкознание[Текст] / А. А. Реформатский. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.

154. Саидова, М. Ш. Наманган шеваларидаги кариндошлик терминларининг лексик-семантик тахлили [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20 /М. Ш. Саидова. – Тошкент, 1995. – 21 б.

155. Сарыбаева, М. Ш.Система обозначений родства в английском, русском и казахском языках [Текст]: автореф.дис. ...канд.филол.наук:

10.02.04, 10.02.01, 10.02.02 / М. Ш. Сарыбаева. – Алма-Ата, 1991. – 31 с.

156. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы…[Текст] / Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1978. –[Т. 2]: «Б». – 349 с.

157. Серебренников, Б. А. К критике некоторых методов типологических исследований [Текс]/ Б. А. Серебренников// ВЯ, 1958. № 5, -С. 38].

158. Сейдакматов, К. Кыргыз элинин календардык түшүнүгү [Текст]/ К. Сейдакматов. – Фрунзе: Кыргызстан, 1987. – 63 б.

159. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике [Текст]/ О.Н. Селиверстова. –М.: Яз.славян. культуры, 2004. – 959 с.

160. Семенов, Ю. И. Происхождение брака и семьи[Текст] / Ю. И. Семенов. – М.: Мысль, 1974. – 309 с.

161. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст]/ Ф. де Соссюр // Труды по общему языкознанию. – М., 1977. – С. 143–218.

162. Сыдыков, А. Н. Этнолингвистическая специфика лексики кыргызского и русского языков [Текст]:автореф.дис. ...д-ра филол.наук: 10.02.20 / А.Н. Сыдыков.– Бишкек, 2013. – 45 с.

163. Сыдыков, А.Н. Этнолингвистика [Текст]:курс лекций / А. Н. Сыдыков. – Бишкек: БГУ, 2008.

164. Сыдыков, А. Н. Сакральное число «семь» в кыргызской этнолингвистике[Текст]/ А. Н. Сыдыков// Вестн. Бишкек.гуманитар. ун-та.– 2020. – №1(51).– С. 9–11.

165. Тагаев, М. Дж. Полипарадигмальное описание морфемики и словообразования, на материале русского и кыргызского языков[Текст] / М. Дж. Тагаев. – Бишкек: КРСУ, 2004. – 282 с.

166. Теоретические проблемы и вопросы по тюркскому языкознанию, рекомендуемые для докторских и кандидатских диссертаций [Текст] / Н. А. Баскаков, Н. З. Гаджиева, П. И. Кузнецов, С. А. Соколов // Сов.тюркология. – 1981. – №2. – С. 32–37.

167. Тенишев, Э. Р. Строй сарыг-югурского языка [Текст] / Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 1976. – 307 с.

168. Толстая, С. М. Семантическая модель родства в славянском народном календаре [Текст] / С. М. Толстая // Полесский народный календарь. – М., 2005. – С. 385–390.

169. Толстая, С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) [Текст] / С. М. Толстая // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. – М., 2009. – С. 7–22.

170. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология: семасиологические этюды [Текст] / Н. И. Толстой. – 2-е изд., доп. – М.: КомКнига, 2006. – 360 с.

171. Толковый словарь узбекского языка [Текст]: в 2-х т. / под ред. З. М. Магруфова. – М.: Рус.язык, 1981. – Т. 1. – 632 с.; Т. 2. – 715 с.

172. Трубачёв, О. Н. Этимология и текст [Текст] / О. Н. Трубачев // Современные проблемы литературоведения и языкознания. – М., 1974. – С. 448–455.

173. Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя [Текст] / О. Н. Трубачев. – М.: АН СССР, 1959. – 212 с.

174. Трубецкой, Н. О некоторых остатках исчезнувших грамматических категорий в общеславянском праязыке [Текст] / Н. О. Трубецкой // Slavia. – 1922-1923. – Roc. 1.

175. Уайт, Л. Избранное: эволюция культуры [Текст] / Л. Уайт. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1062 с.

176. Усмамбетов, Б. Ж. Слова обозначающие предметы домашнего обихода, утвари и снаряжения, в труде Махмуда Кашгари «Диван лугатит-турк» и их отношение к кыргызскому языку [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.06 / Б. Ж. Усмамбетов. – Бишкек, 2017. – 46 с.

177. Усмонов, С. Умумийтилшунослик [Текст] / С. Усмонов. – Тошкент:

Укитувчи, 1972. – 208 б.

178. Ухмылина, Е. В. Название совокупности родственников в русских народных говорах [Текст] / Е. В. Ухмылина // Совещание по Общеславян. лингвист.атласу (Горький, 23-27 июня 1970): тез. докл. – М., 1970. – С. 45-51.

179. Федорова, Е. П. Термины родства и свойства в якутском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Е. П. Федорова. – Якутск, 2012. – 23 с.

180. Филин, Ф. П. О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке [Текст] / Ф. П. Филин // Язык и мышление. – М.; Л., 1948. – Т. 11. – С. 329–346.

181. Хадеева-Быкова, А. А. К вопросу о степени сфокусированности функционально-семантических полей предложных обстоятельств [Текст] / А. А. Хадеева-Быкова // Проблемы германской филологии: сб. науч. ст. – Рига, 1968. – С. 22–26.

182. Харузина, Ю. В. Родственные отношения в практике научного анализа [Электронный ресурс] / Ю. В. Харузина, О. В. Чибисова // Гуманитар. науч. исслед. – 2015. – № 11 (51). – Режим доступа: https: //human. snauka.ru/2015/11/12976. – Загл. с экрана.

183. Хасан,АтоАбуший. Туркийкавмалартарихи [Текст] / Хасан Ато Абуший. – Тошкент: Чулпон, 1993. – 240 б.

184. Цыбиков, Г. Ц. О центральном Тибете, Монголии и Бурятии [Текст] / Г. Ц. Цыбиков. – М.: Наука, 1981. – Т. 2. – 481 с.

185. Чейф, У. Л. Значение и структура языка [Текст] / У. Л. Чейф. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.

186. Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М.: Дрофа, 2004. – 398 с.

187. Шарапова, И. М. Терминология родства в рязанских говорах [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / И. М. Шарапова. – М., 1977. –

15 с.

188. Шакенбаева, Г. К. Кыргыз тилиндеги саймачылык өнөрүнүн лексикасы [Текст]: филол. илим. канд. .... дис. автореф. / Г. К. Шакенбаева. – Бишкек, 2010. – 25 б.

189. Щербак, А. С. Термины родства и фамилии (на материале говоров Тамбовской области) [Текст] / А. С. Щербак // Алгебра родства. – СПб., 2009. – Вып. 12. – С. 305–315.

190. Щур, Г. С. Грамматические, функционально-семантические и некоторые другие поля [Текст] / Г. С. Щур. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.

191. Эгамназаров, Х. Х. Термины родства и их функционально-семантические микросистемы в узбекском и английском языках [Текст] / автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Х. Х. Эгамназаров. – Душамбе, 2010. – 24 с.

192. Энгельс, Ф. К доистории семьи [Текст] / Ф. Энгельс; пер. с англ. М. О. Косвена; под.ред. М. О. Косвена. – Л.: Изд. ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. – 351 с.

193. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности.[Текст]/ Ф. Энгельс. Изд. Слово/Slobo ISBN г. издания: 2019.

194. Эржигитова, Ш. Ж. Ономасиологический аспект изучения терминов родства женского пола в кыргызском и русском языках [Текст]: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Ш. Ж. Эржигитова. – Бишкек, 2018. – 26 с.

195. Юнусалиев, Б. М. Киргизская лексикология [Текст] / Б. М. Юнусалиев. – Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1959. – Ч. 1. – 248 с.

196. Языки народов СССР [Текст]: в 5-ти т. / гл. ред. В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1966.